ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Эль-Сайед Алина Халилевна

РАЗВИТИЕ РЫНКА ЦИФРОВЫХ УСЛУГ В СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Специальность 5.2.5. Мировая экономика

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук,
профессор,
Дигилина Ольга Борисовна

Москва – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ..... 2

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЕ РЫНКА ЦИФРОВЫХ УСЛУГ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ..... 27

1.1 Теоретические подходы к исследованию рынка цифровых услуг ... 27

1.2 Основные эндогенные и экзогенные факторы, влияющие на развитие рынка цифровых услуг в контексте социально-экономического развития стран..... 37

1.3 Роль и место внешнеторговой политики стран Персидского залива в реализации стратегий цифровизации рынков 59

ГЛАВА 2. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА..... 77

2.1 Цифровизация и формирование современной структуры экономики в странах Персидского залива 77

2.2 Институциональные основы цифровизации (национальные программы/стратегии цифровой трансформации) стран Персидского залива 100

2.3 Проблемы внедрения цифровых технологий в различные отрасли экономики стран региона 138

ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА 168

3.1 Основные направления цифровой трансформации рынков в арабских странах 168

3.2 Роль цифровизации в углублении международной экономической специализации арабского мира, интенсификации интеграционных

процессов, развития международной торговли и экономического сотрудничества. 186

3.3 Перспективы и возможности использования цифровой трансформации экономических процессов стран Персидского залива для углубления и расширения торгово-экономического сотрудничества России со странами ближневосточного региона. 211

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 250

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 263

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 317

Введение

Актуальность исследования, в первую очередь, обусловлена тем, что в современном мире наблюдается стремление все большего количества стран к цифровой трансформации и диверсификации экономики[1].

Страны Персидского залива (далее – ПЗ, GCC) составляют значительный и важный сегмент мировой экономики. По данным Международного валютного фонда (далее – МВФ), на Ближний Восток приходится около 5 процентов мирового ВВП. Здесь проживает почти полмиллиарда людей. Здесь сосредоточены огромные запасы важнейших топливно-энергетических ресурсов — более половины мировых запасов нефти и 2/5 мировых запасов природного газа, на регион приходится значительная доля мировой добычи и экспорта этих ресурсов. Через обширную территорию региона (около 7 млн кв. км) проходят важные для мировой экономики транспортные коридоры, соединяющие различные макрорегионы мира. Таким образом, страны региона оказывают существенное влияние на ход международной хозяйственной деятельности.

При этом, несмотря на то что географически к бассейну Персидского залива относятся также Иран и Ирак, данное исследование фокусируется исключительно на шести странах – членах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (далее - ССАГПЗ): Королевстве Саудовская Аравия (далее – КСА, Королевство), Объединённых Арабских Эмиратах (далее – ОАЭ), Катаре, Кувейте, Бахрейне и Омане. Подобный выбор обусловлен как экономико-структурными особенностями данных государств, так и логикой развития региональной интеграции. В отличие от Ирака и Ирана, страны ССАГПЗ демонстрируют устойчивые макроэкономические показатели, тесную координацию стратегий цифровизации, институциональную совместимость и высокую степень открытости экономик,

[1] OECD. OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1): Embracing the Technology Frontier. Paris: OECD Publishing, 2024.URL: https://www.oecd.org/en/publications/2024/05/oecd-digital-economy-outlook-2024-volume-1_d30a04c9.html

что делает их более релевантным объектом анализа с точки зрения изучения трансформации рынков цифровых услуг в региональном и глобальном контексте. Кроме того, именно государства ССАГПЗ выступают активными участниками процессов цифровой модернизации, реализуя масштабные программы и инициативы, нацеленные на диверсификацию экономики и формирование цифровых экосистем[2], тогда как Ирак и Иран в силу специфики политико-экономических условий и наличия внешнеэкономических ограничений (в частности, санкционного характера) не формируют сопоставимую исследовательскую базу.

Рассматриваемые государства оказывают значительное влияние на широкий спектр отдельных рынков товаров, в частности драгоценных камней и металлов, оборудований, машин, электроники, а также услуг в сфере туризма, строительного, банковского секторов и высоких технологий за счёт свободных финансовых зон с благоприятным инвестиционным климатом. Более того, развитие рынков цифровых услуг в странах Персидского залива представляет собой актуальную и многообещающую область, учитывая значительный экономический потенциал региона и его стремление к диверсификации экономики за пределы нефтяной зависимости. Данные государства активно стремятся к внедрению большего количества цифровых услуг.

На основании своего стремления, страны Персидского залива демонстрируют значительные объемы инвестиций в развитие цифровых услуг, что является дополнительным подтверждением необходимости своевременного анализа и изучения подобного феномена.

Немаловажным аспектом является технологий в регионе и их влиянием на различные аспекты экономики и социальной жизни. Например, проекты,

[2] Bazoobandi, S. The Gulf Cooperation Council (GCC) Countries' Quest for Economic and Digital Transformation. Digital Cooperation with Global Partners – Policy Study 01/2025. Hamburg: German Institute for Global and Area Studies (GIGA), 2025. URL: https://www.giga-hamburg.de/en/publications/contributions/gulf-cooperation-council-gcc-countries-quest-economic-digital-transformation (дата обращения: 10.03.2026)

направленные на создание умных городов, такие как проект NEOM в Саудовской Аравии или Smart Dubai в ОАЭ, демонстрируют возможности использования цифровых технологий для решения проблем урбанизации, улучшения качества жизни и повышения эффективности управления. Тем не менее, процесс цифровизации сталкивается с рядом препятствий, включая недостаточную инфраструктуру, нехватку квалифицированных кадров и необходимость адаптации законодательной базы.

Наконец, новые моменты в развитии рынка цифровых услуг в странах Персидского залива оказывают влияние на состояние, динамику и перспективы развития российско-арабских отношений в различных отраслях экономической деятельности[3], включая промышленность, торговлю, инвестиционную деятельность. В связи с этим, изучение рынка цифровых услуг в странах Персидского залива может предложить новые возможности для развития бизнеса, так как страны Персидского залива относятся к высокодоходным регионам с быстрорастущей экономикой, что создает благоприятные условия для успешного ведения бизнеса в сфере цифровых услуг.

Опыт их развития является релевантным не только для разработки новых эффективных стратегий цифровой трансформации стран, так и для проведения сравнительного анализа с существующими и выработке рекомендаций по улучшению последних для повышения конкурентоспособности экономики как самих стран Ближнего Востока, так и рассмотреть предложенные улучшения с точки зрения развития торговых отношений между рассматриваемыми арабскими странами и Российской Федерацией.

Таким образом, изучение этого аспекта важно для определения роли и влияния арабских стран на мировую экономическую систему, ведь подобное направление их развития может оказывать значительное влияние не только на

[3] Issaev, L., Kozhanov, N. “Diversifying relationships: Russian policy toward GCC.” International Politics. 2021. Vol. 58, pp. 884–902.

внешнеэкономическую деятельность арабских стран, но и на изменение структуры инвестиций в мире и даже на конкурентоспособность отдельных национальных экономик.

Степень разработанности проблемы. С появлением информационных технологий в конце XX века начали появляться первые научные труды, посвященные цифровой трансформации и цифровым услугам. Однако, систематическое изучение этих тем началось только в начале XXI века, когда цифровая экономика стала приобретать все большее значение, а технологии стали более доступными и распространенными. С этого времени количество исследований в данной области растет экспоненциально, отражая значимость и актуальность цифровой трансформации в современном мире.

Непосредственное влияние цифровой трансформации на экономические процессы в обществе подробно отражено в работах А'а. Абдулсадыка[4], О.Б. Пичкова, А.А. Уланова[5], В.В. Коровкина[6], В.С. Хомы[7].

---

[4] د.عادل عبد الصادق - الاقتصاد الرقمي وتحديات السيادة السيبرانية (Цифровая экономика и вызовы для цифрового суверенитета) (2020) // المركز العربي لابحاث الفضاء الالكتروني / Google books. URL: https://www.google.ru/books/edition/%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%82%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%AF_%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%82%D9%85%D9%8A_%D9%88%D8%AA%D8%AD%D8%AF%D9%8A/XDInEAAAQBAJ?hl=en&gbpv=0

[5] Пичков, О. Б. Цифровая трансформация мировой экономики : учебное пособие для программ бакалавриата и магистратуры : [16+] / О. Б. Пичков, С. В. Шитьков, А. А. Уланов ; под ред. О. Б. Пичкова ; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва : МГИМО-Университет, 2022. – 250 с. : ил. – Режим доступа: по подписке. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=692659 – Библиогр. в кн. – ISBN 978-5-9228-2576-4. – Текст : электронный.

[6] Коровкин В.В. – Национальные программы цифровой экономики стран Ближнего Востока: Опыт сравнения // Восточная аналитика. – 2019. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41361832

[7] Хома В.С. Основные направления цифровизации экономики в ОАЭ // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-tsifrovizatsii-ekonomiki-v-oae

Особое внимание цифровым услугам уделено в работах С.Н. Комаровой[8] и Э. Бринолфссона[9] и его изучении влияния цифровых услуг на экономику и общество.

Анализ развития рынков товаров и услуг в странах Персидского залива, с акцентом на ключевые экономические и социальные тенденции, влияющие на их трансформацию отражен в трудах в виде учебных пособий, дополнительно и полно отражающих взгляды на тему перспективности и необходимости цифрового развития в странах Персидского залива, в частности следующих ученых: М. Аль-А'ни[10], А. Аль-Захрани[11], И. Аль-Марашде[12], Л.Н. Руденко[13], М.Х. Аль-Харуси[14], Т.В. Науменко[15].

Изучение влияния цифровых услуг на различные экономические процессы в странах Персидского залива, анализируя, как развитие подобного сектора трансформирует экономическую деятельность и способствует экономическому развитию, является неотъемлемой частью исследования. Ввиду острой малоизученности темы развития цифровых услуг непосредственно в странах Персидского залива, тема с учетом особенностей

---

[8] Е.А. Панфилова, С.Н. Комарова - Формы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях цифровой трансформации // Естественно-гуманитарные исследования. 2020 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-podderzhki-subektov-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii

[9] Brian Kahin, Erik Brynjolfsson - Understanding the Digital Economy // Google books. URL: https://www.google.ru/books/edition/Understanding_the_Digital_Economy/dpf2hL6E-GcC?hl=en&gbpv=0

[10] Аль-А'ни М. التكامل الاقتصادي العربي والتنافس الدولي (Экономическая интеграция и международная конкуренция в арабских странах) – 2022. URL: https://aawsat.com/home/article/3820666/د-ثامر-محمود-العاني/التكامل-الاقتصادي-العربي-والتنافس-الدولي . – Текст: Электронный.

[11] Alzahrani, A. I., & Alalwan, A. A. (2018). Examining the factors influencing e-government adoption in Saudi Arabia: A qualitative approach. Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research, 13(2), 39-55.

[12] Almarashdeh, I., & Abu-Shanab, E. (2018). Factors influencing the adoption of e-government services in Kuwait: A qualitative study. Government Information Quarterly, 35(4), 607-618.

[13] Руденко Л.Н. Перспективы цифровой трансформации экономики арабских стран // Российский внешнеэкономический вестник. — 2019. — №5. — С.92-108.

[14] Al-Kharusi, M. H., & Al-Mujaini, A. H. (2016). E-government services adoption: A qualitative study from an Arab country. International Journal of Public Administration, 39(5), 324-336.

[15] Науменко Т.В., Тимахов К.В. Саудовская Аравия и её конкурентоспособность среди стран Ближневосточного региона// Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — №1(64). — С. 147-167.

региона отдельными аспектами раскрыта в учебных пособиях, монографий, а также статей и работ на электронных ресурсах, например, следующих ученых: А. Халифы, А.Х. Аль-Бади[16], а также в материалах, размещенных на официальных сайтах соответствующих государственных органов отобранных стран.

В качестве государственных стратегий цифровой трансформации, позиции рассматриваемых стран отражают, например, National artificial intelligence strategy for Qatar[17] или UAE National Strategy for AI 2031[18] и ряд других разнообразных национальных программ.

В ранее перечисленных трудах раскрываются различные аспекты цифровой трансформации региона в целом, в том числе в качестве приоритетного направления рассматривается влияние цифровой трансформации на социальные аспекты общества в регионе как такового. Исследования в этом направлении сосредоточены на влиянии на социальные структуры и повседневную жизнь, в основном включая в себя темы доступа к образованию и здравоохранению через цифровые платформы и влияния социальных сетей на общественное мнение и коммуникации, что является недостаточным для ссылки на подобные материалы в рамках изучения темы, связанной с развитием непосредственно цифровых услуг и их экономического влияния.

В отдельных работах, связанных с изучением технологической стороны рынков цифровых услуг, как неотъемлемой части последних, особое внимание уделяется исследованию технологической стороны цифровой трансформации и применения каких-либо видов цифровых услуг, наиболее популярными

---

[16] A.H. Al-Badi - Designing an E-Voting Framework Using Blockchain Technology: A Case Study of Oman (2022)

[17] Национальная стратегия по развитию искусственного интеллекта в Катаре. URL: https://www.mcit.gov.qa/sites/default/files/national_artificial_intelligence_strategy_for_qatar.pdf . – Текст: Электронный. (см. параграф 2.2)

[18] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в ОАЭ. URL: https://ai.gov.ae/wp-content/uploads/2021/07/UAE-National-Strategy-for-Artificial-Intelligence-2031.pdf . – Текст: Электронный (см. параграф 2.2)

аспектами для изучения являются искусственный интеллект, машинное обучение, интернет вещей, умные города, блокчейн и кибербезопасность.

Существующие работы научных деятелей вышеуказанных стран преимущественно фокусируются на общем анализе стратегии цифровой трансформации и барьерах для ее реализации, таких как нехватка квалифицированных кадров и институциональные препятствия.

Обобщенно, текущая степень разработанности поставленной проблемы показывает, что подобной постановке тема не являлась предметом отдельного изучения и в качестве полноценного диссертационного исследования представлена впервые. Анализ перспектив развития рынков цифровых услуг в столь малоизученном регионе требует обязательной дополнительной проработки, в первую очередь, с точки зрения возможности применения опыта реализации стратегий цифровой трансформации и сопряженных с ними цифровыми услугами в проекции на Российскую Федерацию.

Область исследования. Область исследования соответствует пункту 20. «Экономика зарубежных стран и регионов (экономическое страноведение и регионоведение). Сравнительные исследования национальных экономик в системе мирохозяйственных связей» паспорта специальности ВАК 5.2.5 «Мировая экономика», пункту 11 «Цифровизация деятельности предпринимательских структур, международного бизнеса, международного маркетинга. Формирование экосистемы как новой и эффективной модели бизнеса» перечня перспективных тематик кандидатских диссертаций факультета Международного бизнеса и приоритетному направлению научных исследований МГИМО – 4. «Международные экономические исследования».

Объект исследования. Рынки цифровых услуг в странах Персидского залива.

Предмет исследования. Экономические отношения, возникающие в ходе развития рынков цифровых услуг в странах Персидского залива.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке комплексном анализе развития рынков цифровых услуг в странах ССАГПЗ и

разработка научно обоснованных рекомендаций по обеспечению их устойчивого роста и усилению международного экономического сотрудничества (в том числе с Россией) в условиях цифровой трансформации

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи:**

1. Систематизировать стратегии, программы и планы дальнейшего развития рынка цифровых услуг стран Персидского залива и идентифицировать изменения в отраслях арабской экономике при их осуществлении;
2. Выявить современные факторы, влияющие на развитие цифровых технологий, применимых в осуществлении экономических процессов, и оценить состояние и перспективы цифровой трансформации стран Персидского залива (в т.ч. наиболее актуальных и перспективных проектов);
3. Выявить перспективы и вызовы, стоящие перед странами Персидского залива в контексте развития рынков цифровых услуг;
4. Обозначить основные направления цифровой трансформации рынков и влияние цифровой трансформации на социально-экономическое развитие стран Персидского залива;
5. Определить место и роль стран Персидского залива в российской торгово-экономической деятельности и сформулировать практические рекомендации по возможности расширения и улучшения российско-арабских торговых отношений с опорой на цифровизацию рынков.

В ходе исследования поставленные задачи были выполнены в полном объеме.

Хронологические рамки диссертационного исследования включают в себя последние три десятилетия. Именно в этот период берет начало активное внедрение существенных изменений в экономические процессы в

ряде арабских стран и их активное развитие как важного сегмента мировой экономики.

Научная новизна. Данное диссертационное исследование впервые осуществляет комплексный анализ развития рынка цифровых услуг исключительно в указанных странах Персидского залива с учётом их роли в мировой экономике и торгово-экономических отношениях с Россией. В отличие от имеющихся научных работ, где рассматриваются либо отдельные страны региона, либо общие цифровые тренды в арабском мире без межгосударственной систематизации, в настоящей работе сформирован региональный подход, учитывающий как внутриблоковую координацию, так и интеграционные особенности ССАГПЗ в контексте мировой экономики.

В работе применён междисциплинарный подход, позволяющий рассматривать цифровую трансформацию через призму экономических, институциональных и технологических факторов. Автором обоснована роль государства как стратегического координатора цифровой трансформации и доказана прямая зависимость эффективности цифровых программ от уровня административной централизации и политической воли, что в отечественной научной литературе ранее не рассматривалось системно на примере арабских монархий Залива.

Особое внимание уделено роли государства как ключевого фактора цифровизации и влиянию цифровых решений на отраслевую структуру экономики региона. Впервые в отечественной литературе реализован сценарный анализ перспектив российско-арабского взаимодействия в цифровой сфере, позволяющий смоделировать траектории интеграции стран ССАГПЗ в глобальную цифровую экономику. В отличие от единичных внешнеторговых прогнозов, диссертация предлагает полноценную трёхсценарную модель (оптимистичный, базовый, ограничительный) и демонстрирует, как степень цифровой сопряжённости влияет на структуру и динамику двусторонней торговли.

В отличие от работ, в которых ограничиваются констатацией экспортного потенциала ИКТ-сектора, в диссертации представлены конкретные меры по институциональному сближению (включая правовую гармонизацию, трансграничную инфраструктуру, совместные финтех-инициативы), основанные на сопоставлении реализуемых стратегий Так, с практической точки зрения, исследование ценно разработкой рекомендаций по устойчивому развитию цифровых рынков GCC и усилению российско-арабского сотрудничества. На основе систематизации реализуемых стратегий развития предложены меры, применимые в том числе и для российской экономической политики. Результаты диссертации представляют интерес для внешнеэкономических ведомств, бизнеса и аналитических структур, занимающихся цифровыми экспортно-импортными операциями, и могут быть использованы для разработки региональных стратегий цифровой трансформации и укрепления международной конкурентоспособности.

Научная новизна в полном объеме отражена в положениях, выносимых на защиту.

Положения, выносимые на защиту:

1) **Систематизированы факторы развития цифровых рынков GCC**. В диссертации обосновано, что динамика развития рынка цифровых услуг в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива определяется специфическим сочетанием внутренних и внешних факторов. К эндогенным факторам относятся прежде всего активная государственная политика и институциональные условия: наличие всеобъемлющих национальных стратегий и сильная политическая поддержка цифровизации на высшем уровне служат мощными драйверами развития отрасли. Экзогенные факторы – такие как глобальный технологический прогресс, приток зарубежных инвестиций и интеграция стран GCC в мировую экономику – формируют благоприятную конъюнктуру и определяют масштабы воздействия

цифровой трансформации[19]. Данным исследованием показано, что именно синергия внутренних усилий (институциональных реформ, инвестиций в инфраструктуру, развития человеческого капитала) и внешних условий (доступ к передовым технологиям, международные партнёрства) обеспечивает высокие темпы цифрового развития государств Персидского залива.

2) **Выявлены структурные сдвиги в экономиках GCC под влиянием цифровизации.** В результате проведенного анализа выявлено, что цифровая трансформация вызывает качественные изменения в экономической структуре стран Персидского залива. Реализация национальных программ цифровизации и запуск крупных проектов (таких как создание «умных городов» NEOM в Саудовской Аравии или Smart Dubai в ОАЭ) привели к ускоренному развитию секторов ИКТ, электронной коммерции, финтех и телекоммуникаций. Появляются новые цифровые экосистемы, интегрирующие государственные услуги, бизнес и потребителей в онлайн-пространстве[20]. Одним из ключевых результатов исследования стало выявление общих тенденций: все государства GCC модернизируют инфраструктуру (развивая широкополосную связь, центры обработки данных), внедряют электронное правительство и стимулируют частные инновации через технопарки и фонды. Это, в свою очередь, способствует росту производительности и повышению эффективности традиционных отраслей (нефте- и газодобычи, логистики, финансового сектора) за счёт внедрения цифровых технологий. Таким образом, цифровизация выступает катализатором

[19] Эль-Сайед А.Х. Влияние цифровых государственных услуг на развитие рынков цифровых услуг в Королевстве Саудовская Аравия в условиях трансформации мировой экономики / Эль-Сайед А.Х., Халилзаде Н.Э. // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 12. С. 62-66

[20] Эль-Сайед А.Х. Цифровая трансформация в арабских странах на примере государств-членов ССАГПЗ: правовые основы и экономическое значение / Эль-Сайед А.Х., Цыплакова А.Д.// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2025. – Т. 25 № 4. С. 451-458

диверсификации экономики GCC, уменьшая зависимость от нефтяного сектора и формируя условия для устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

3) **Обозначены проблемы и барьеры на пути цифровой трансформации.** Результатами исследования установлено, что, несмотря на значительные успехи, страны Персидского залива сталкиваются с рядом существенных препятствий при развитии рынка цифровых услуг. Во-первых, сохраняется неоднородность инфраструктуры: в некоторых государствах или отдаленных районах доступ к высокоскоростному интернету и современным технологиям ограничен, что сдерживает равномерное распространение цифровых сервисов. Во-вторых, выявлен дефицит квалифицированных кадров и экспертизы в области ИТ – локальные рынки труда пока не полностью удовлетворяют растущий спрос на специалистов по искусственному интеллекту, кибербезопасности, аналитике данных и т.д. В-третьих, регулятивные и правовые барьеры требуют дальнейшего устранения: автор показал, что для полноценного функционирования цифровой экономики необходима актуализация законодательной базы (например, законов о электронной коммерции, защите данных, электронных транзакциях) и гармонизация стандартов внутри GCC. Эти проблемы отмечены во многих исследованиях и подтверждены в диссертации конкретными примерами (включая упоминаемый в работе факт недостаточной адаптации законодательства, задерживающей внедрение инноваций). Более того, анализом выявлены социально-культурные вызовы, такие как необходимость адаптации населения и бизнеса к новым цифровым реалиям и преодоления возможного сопротивления изменениям. Комплексное понимание этих барьеров позволило обосновать, что дальнейший рост цифровых рынков GCC возможен только при условии целенаправленной политики по развитию

инфраструктуры, образования и правового регулирования, направленной на преодоление указанных ограничений.

4) **Обосновано влияние цифровизации на международную экономическую роль стран Персидского залива.** В работе доказано, что цифровая трансформация экономик арабских стран Залива усиливает их интеграцию в мировое хозяйство и изменяет характер международной специализации региона. Страны GCC постепенно переходят от роли преимущественно экспортёров энергоресурсов к роли перспективных экспортёров цифровых услуг и технологий. Успехи в сферах финтех, облачных сервисов, электронного правительства и креативной индустрии повышают конкурентоспособность данных государств на глобальном уровне. Как показано в диссертации, активное внедрение цифровых решений создает предпосылки для формирования новых трансконтинентальных цепочек создания стоимости с участием GCC, а также для привлечения иностранных инвестиций в высокотехнологичные отрасли региона. Кроме того, цифровизация экономики открывает странам Персидского залива доступ к новым рынкам и партнёрам, позволяя им активнее участвовать в международной торговле услугами и электронной коммерции. В итоге можно констатировать, что рост цифровых рынков позитивно сказывается на позициях GCC в системе мировой экономики: усиливается их роль как регионального центра инноваций, расширяется присутствие на глобальных товарных и особенно сервисных рынках, что подтверждает возрастающее влияние арабских стран на мировое экономическое развитие.
5) **Выявлены и предложены новые возможности для российско-арабского экономического сотрудничества в цифровую эпоху**. Одним из важнейших результатов исследования стало выявление значительного потенциала расширения торгово-экономических

связей между Россией и странами ССАГПЗ за счёт объединения усилий в области цифровой экономики. Проведенный сценарный анализ показал, что при благоприятных условиях цифровой трансформации (оптимистичный сценарий) объёмы двусторонней торговли могут существенно возрасти – вплоть до удвоения торгового оборота в течение следующего десятилетия. В данном сценарии стороны способны перейти от традиционных форм взаимодействия (нефть, газ, товары) к реализации совместных проектов в высокотехнологичных отраслях и даже к совместному участию в формировании глобальной цифровой повестки (например, выработка международных правил регулирования ИИ на площадках G20 или ООН). Исследование подчёркивает, что страны Персидского залива заинтересованы в привлечении российских ИТ-решений в сферу кибербезопасности, финтех и промышленных инноваций, тогда как Россия может извлечь выгоду из инвестиций GCC в её технологические проекты и из доступа к быстрорастущим цифровым рынкам региона. В то же время ограничительный сценарий, учитывающий геополитические риски и недостаточную реализацию цифрового потенциала, предостерегает о возможной стагнации сотрудничества на уровне нынешних показателей. Таким образом, авторским коллективом сформулирована стратегическая позиция: проактивное развитие цифрового партнёрства между РФ и странами Залива является взаимовыгодным и необходимым условием для наращивания экономического взаимодействия. В качестве практических мер предложены: создание двусторонних рабочих групп по цифровой экономике, обмен опытом в области регулирования (например, адаптация лучшей практики правового обеспечения электронной коммерции GCC в России), совместные инвестиционные фонды для стартапов и инфраструктурных проектов, а также участие российских компаний в инициативах

«умных городов» и цифровых платформ в GCC. Реализация этих мер, как показано в диссертации, позволит не только увеличить объемы торговли и инвестиций, но и укрепить долгосрочные партнерские отношения, основанные на обмене технологиями и совместном инновационном развитии.

Теоретическая основа исследования. С опорой на фундаментальные труды видных отечественных и иностранных ученых изучены динамика и ход развития процессов цифровизации торговых и экономических процессов и развитию цифровых рынков в арабских странах, диссертация будет посвящена сравнению и выявлению перспектив в рамках российско-арабских экономических отношений.

Теоретической основой для научного исследования послужили, например, труды, в первую очередь, вышеупомянутых научных деятелей в виде учебных пособий, монографий, а также статей и работ на электронных ресурсах, акцентирующих свое профессиональное внимание на различных аспектах деятельности государств Персидского залива, так и дополнительными примерами которых могут послужить междисциплинарные работы следующих авторов:

А.Д. Цыплаковой[21], А.Н. Спартака[22] [23], В.Д. Заболотниковой[24], В.И. Салыгина[25], В.С. Пономаревой[26], Г.Н. Валиахметовой[27], И.А. Гулиева[28] , Л.В.

[21] Цыплакова А.Д. Понятие и сущность киберпреступлений в государствах-членах ССАГПЗ // Мировой судья – 2023. - №4. – с.2-7. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50453122 . – Текст: Электронный. Режим доступа: по подписке

[22] Спартак А.Н. Исламский мир в фокусе внешнеэкономической политики России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. - №9. – с.7-37. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54518656 . – Текст: Электронный. Режим доступа: по подписке

[23] Спартак А.Н. Последствия цифровой трансформации для международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. - №5. – с.7-23. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35089118 . – Текст: Электронный. Режим доступа: по подписке

[24] Заболотникова В.Д., Фурсова Т.В. Исламские финансовые продукты как элемент исламской экономической модели // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islamskie-finansovye-produkty-kak-element-islamskoy-ekonomicheskoy-modeli/viewer – Текст: Электронный

[25] Салыгин В.И. Влияние цифровых технологий на развитие мировой энергетики / В.И.Салыгин, И.А.Гулиев, Л.Б.Акиева // Инновации и инвестиции. — 2019. — №5. — С. 41-44.

[26] Пономарева В.С. Цифровизация и арабские страны: этапы развития и современные реалии // Азия: страны Азии в условиях глобальной нестабильности. Ежегодник - 2022 = Asia: Asian Countries in Global Instability. Yearbook – 2022. – 2022. – С. 104-113. [Электронный ресурс]. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/99498/

[27] Валиахметова Г.Н., Цуканов Л.В. Цифровой вызов для арабского мира: фактор интеграции или дифференциации? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – Т. 22, №2. – 2022. – С. 303–319.

[28] Гулиев И.А., Шабров О.Ф., Комлева В.В., Володенков С.В., Гаджиев Х.А. Устойчивость и стабильность государств в цифровую эпоху: материалы дискуссии // Россия и мир: научный диалог. – 2022. - №4. – С.204-223. [Электронный ресурс]. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/474816098/

Шквари[29], М.В. Меланьиной[30], Р. Бшир[31], С.А. Беляева[32], С.Ю. Немкевича[33], Т.Н. Мироновой[34], Х. Барини[35].

Помимо вышеуказанных работ научных деятелей, в качестве теоретической основы исследования также послужила теория диффузии инноваций Э. Роджерса[36], в рамках которой распространение инноваций представляет собой процесс их передачи через определённые каналы коммуникации во времени между участниками социальной системы. В контексте диссертации эта теория позволяет объяснить неравномерность внедрения цифровых услуг в рассматриваемых странах, а также различия в скорости адаптации новых цифровых решений государством, бизнесом и населением и влияние институциональной среды, уровня цифровой готовности и восприятия инноваций на развитие соответствующих рынков.

Немаловажным в ходе исследования стало обращение к концепции сетевого общества М. Кастельса[37], в рамках которой современная экономика

---

[29] Шкваря Л. В. Инновационное развитие и трансфер технологий: опыт стран ССАГПЗ // Азия и Африка сегодня – 2019. – Выпуск №3 С. 28-34 [Электронный ресурс]. URL: https://asaf-today.ru/S032150750004067-5-1

[30] Меланьина М.В. Теоретические подходы к определению понятий «Цифровая экономика» и «Цифровизация» / Меланьива М.В., Ахмед Н.Н., Пономарева В.С. // Горизонты экономики. – 2022. -№5. – С.82-87. [Электронный ресурс]. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/96901/

[31] R. Bsheer MONEY, MARKETS, AND MONARCHIES: THE GULF COOPERATION COUNCIL AND THE POLITICAL ECONOMY OF THE COMTEMPORARY MIDDLE EAST // The journal of development studies. – 2021. №7 (57) p. 1242-1244 URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00220388.2021.1901837

[32] Беляев С.А. ИЗМЕНЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ СИРИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. - №2 (31) - С. 67-70 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42983938

[33] Немкевич С.Ю. Инвестиционная привлекательность стран Ближнего Востока для России // Инновационная наука – 2021. - №6. – С.124-127 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45849317

[34] Миронова Т.Н. ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ // Ученый совет. – 2022. - №4 - С.257-264 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48335370

[35] Барини Х. Цифровая трансформация в арабских странах: подходы и направления // Информация и инновации. – Т.18, № 4. – 2023. – С. 47–57.

[36] Rogers E. M. Diffusion of Innovations. 5th ed. New York: Free Press, 2003. 576 p.

[37] Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture. 2nd ed. Oxford: Wiley, 2010. 597 p.

рассматривается как система взаимосвязанных потоков информации, капитала, технологий и знаний, функционирующих в глобальном сетевом пространстве. Данный подход позволяет интерпретировать развитие рынков цифровых услуг не как изолированный отраслевой процесс, а как часть более широкой трансформации хозяйственных систем, связанной с переходом к информационному типу развития.

Методологическая основа исследования. В ходе рассмотрения методологии, применимой к диссертации, необходимо обозначить, в первую очередь то, что подобное исследование рассмотрено с использованием колоссального количества методов и подходов.

Методологическую основу работы составляют общенаучные и частные методы познания. Проведённое исследование, во-первых, основано на таких общенаучных методах познания, как диалектический метод (при определении общего направления исследования), методы формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия), системный метод (при сопоставлении и обобщении результатов исследования), а также классификации и моделирование.

Также, в ходе написания работы применены контент-анализ документов, статическое изучение, изучение экспертных оценок теоретиков и практиков. Исследование носит сравнительный характер и построено на микро- и макросравнении, синхронном и диахронном, внешнем и внутреннем, доктринальном, нормативном и проблемном сравнении. При выявлении противоречий, недостатков и пробелов использован критико-правовой метод и SWOT-анализ.

В ходе исследования также были установлены связи с зарубежными научными центрами, исследовательскими группами и представителями государственных органов рассматриваемых стран (напр. SDAIA)[38] для полноценного обмена опытом, знаниями и ресурсами.

[38] Государственное агентство данных и искусственного интеллекта Саудовской Аравии - The Saudi Data & AI authority. URL: https://sdaia.gov.sa

Информационно-статистическая база исследования. Применение современных информационных систем и баз данных, таких как ИМЭМО РАН, Wiley, Sage Premier, World Business Law, Grebennikon, MasterFILE Premier, Regional Business News, Academic Search Premier, OECD, WTO, UN Comtrade, Mandumah, Word Economic Forum, World Bank, Google books, McKinsey Analyses, а также официальные данные государственных органов арабских стран необходимо для сбора и обработки статистической и эмпирической информации, а также для визуализации результатов исследований.

Практическая и теоретическая значимость работы. Исследование обладает значительной теоретической значимостью для научного сообщества ввиду подобной формулировки и рассмотрения проблематики впервые.

Диссертационное исследование представляет собой комплексный анализ процессов и столпов, формирующих рынок цифровых услуг в странах Персидского залива, а также факторов, непосредственно влияющих на его развитие.

Научная значимость работы заключается во вкладе в научное осмысление новых явлений в экономике стран Персидского залива и ее отдельного аспекта в представлении рынка цифровых услуг, роли государства в регулировании этих процессов и влиянии цифровизации на отдельные отрасли.

Результаты диссертационного исследования могут представлять интерес для практиков, в частности для экономистов при работе с аспектами внешней торговли и экономического сотрудничества с арабскими странами; для частного сектора в части ведения трансграничных сделок с учётом экономических и управленческих аспектов. Материалы диссертации могут быть использованы в высших учебных заведениях и исследовательских центрах при разработке курсов по экономике и внешнеэкономической деятельности стран Персидского залива, также российско-арабском торговом партнерстве.

В отдельных случаях результаты диссертации могут служить основой для разработки моделей региональных стратегий, направленных на ускорение цифровой трансформации.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования:

Диссертация подготовлена на кафедре экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России, на заседаниях которой происходило ее обсуждение.

Апробация некоторых положений исследования произошла на следующих научных мероприятиях:

– Национальной конференции «Актуальные проблемы деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства» (Москва, 20 февраля 2025 года) на базе Научно-образовательного центра «Правовые исследования» в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы», совместно с Общероссийским отраслевым объединением работодателей «Федеральной палатой культуры Российской Федерации» по направлению 5.2.5 «Мировая экономика» с докладом на тему: «Роль малых и средних предприятий в развитии рынков цифровых услуг в странах Персидского Залива»;

– II Всероссийской научно-практической конференции «Новые орбиты международных связей: кадры, цифра, управление», приуроченной ко дню космонавтики, организованной Санкт-Петербургским государственным университетом аэрокосмического приборостроения на базе кафедры международного предпринимательства №83 и МГИМО МИД России на базе кафедры управления активами (Санкт-Петербург, Москва, 17-18 апреля 2025 года) с докладом на тему: «Национальные стратегии цифрового суверенитета в странах Персидского залива: между импортом технологий и развитием локальных платформ»;

– Международной научно-практической конференции «Управление инфраструктурным развитием» в рамках форума Форума «Международные бизнес тренды: вызовы или новые возможности?» (International Business Trends, IBT-2025) на базе МГИМО МИД России (Москва, 23 сентября 2025 года) с докладом на тему: «ГЧП в создании умных городов стран Персидского Залива: модели, выгоды и вызовы»;

– IV конференции «Цифровая трансформация международной экономической системы» на базе МГИМО МИД России (Москва, 2 октября 2025 года) с докладом на тему: «Государственно-частное партнерство условиях цифровой трансформации мировой экономики: опыт и перспективы стран Ближнего востока»;

– XIII-ой конференции Школы молодых ученых профессора Е.А. Телегиной на тему: «Будущее развитие экономики и энергетики: векторы и горизонты» на базе РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, посвящённой пятнадцатилетию факультета международного энергетического бизнеса (Москва, 27-28 ноября 2025 года) с докладом на тему: «Государственно-частное партнерство в энергетике стран Персидского залива: цифровая трансформация как фактор согласования интересов экономики и частных инвесторов».

По итогам ряда конференций были выпущены сборники, входящие в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).Также переведенные материалы размещены в международном репозитарии Social Science Research Network (SSRN).

Основные выводы и положения исследования отражены в подготовленных и опубликованных автором самостоятельно и в соавторстве научных статьях, 6 из которых – в научных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Высшей

аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по специальности 5.2.5 Мировая экономика:

1) Эль-Сайед А.Х. Проблематика внедрения цифровых услуг в отраслях экономики стран Персидского залива / Эль-Сайед А.Х., Дигилина О.Б. // Горизонты экономики. – 2024. – № 6 (86). С. 89-98
2) Эль-Сайед А.Х. Интеграция искусственного интеллекта в государственные структуры ОАЭ: правовые основы и экономические выгоды / Эль-Сайед А.Х., Цыплакова А.Д. // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 9. С. 93-96
3) Эль-Сайед А.Х. Цифровая трансформация в арабских странах на примере государств-членов ССАГПЗ: правовые основы и экономическое значение / Эль-Сайед А.Х., Цыплакова А.Д.// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2025. – Т. 25 № 4. С. 451-458
4) Эль-Сайед А.Х. Развитие механизмов государственно-частного партнерства в Саудовской Аравии / Завьялова Е.Б., Эль-Сайед А.Х., Пузырев П.А.// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2025. – Т. 21 № 8. С. 205-218
5) Эль-Сайед А.Х. Влияние цифровых государственных услуг на развитие рынков цифровых услуг в Королевстве Саудовская Аравия в условиях трансформации мировой экономики / Эль-Сайед А.Х., Халилзаде Н.Э. // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 12. С. 62-66.
6) Эль-Сайед А.Х. Влияние экзогенных факторов на развитие рынка цифровых услуг в странах Персидского залива в контексте их социально-экономического развития / Эль-Сайед А.Х.// Инновации и инвестиции. – 2026. – № 4-2026.

Структура исследования. Во введении диссертации проведен комплексный анализ актуальности представленного исследования, основываясь на междисциплинарном подходе, а также выполнена оценка

степени разработанности проблематики в контексте современных академических дискурсов.

Первая глава «Теоретико-методологические аспекты развития рынка цифровых услуг стран Персидского залива в современных условиях» посвящена всестороннему анализу теоретических основ и концептуальных подходов к пониманию феномена цифровизации экономики, возникновения рынков цифровых услуг как таковых в регионе Персидского Залива.

Вторая глава «Цифровизация экономических процессов стран Персидского залива» направлена на изучение и анализ текущего состояния и перспектив перехода к цифровой экономике.

Третья глава «Влияние процессов цифровизации на экономические процессы стран Персидского залива» сфокусирована на оценке вклада цифровизации и цифровых услуг в развитие отдельных секторов экономики арабских государств, относящихся к рассматриваемому региону и исследовании комплекса аспектов, оказывающих прямое воздействие на скорость и эффективность процессов цифрового развития. На основании результатов вышеуказанного анализа, проведен сценарный анализ перспектив развития российско-арабского взаимодействия.

В заключении диссертации обобщены результаты проведенного исследования, сформулированы ключевые выводы и результаты, а также предложены практические рекомендации, способные способствовать оптимизации отечественных процессов цифровой трансформации и укреплению российско-арабских торгово-экономических отношений.

Обусловленная целью и задачами исследования, диссертация включает в себя: введение, 3 главы (9 параграфов), заключение, список использованных источников литературы (387) и иллюстрирована 16 рисунками и 23 таблицами. Выводы по главам содержатся в конце каждой из них. С учетом разнообразной терминологии составлен список используемых сокращений.

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты развитие рынка цифровых услуг стран Персидского Залива в современных условиях

1.1 Теоретические подходы к исследованию рынка цифровых услуг

Характерной чертой современного мирового развития является стремительная и всеобъемлющая цифровизация – активное применение цифровых решений в сферы экономики и общества. Под цифровизацией, в широком смысле, принято понимать преобразование тех или иных процессов посредством внедрения цифровых технологий и данных, результатом которого является трансформация как имеющихся бизнес-моделей, отношений экономических агентов, секторов государственных услуг и основных сфер жизни общества, так и формирование новых рынков: услуг, товаров, экономических пространств.

Цифровая экономика же, в свою очередь, представляет собой экономическую деятельность, основанную на внедренных и внедряющихся цифровых технологиях, данных и электронных сетях, включая в себя электронную коммерцию. Более того, в соответствии с определением стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.[39]

Основываясь на аналитике материалов международных организаций, таких как: Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития и Международный валютный фонд, цифровая экономика проникает практически во все аспекты повседневной жизни общества и бизнеса,

[39] Указ президента Российской Федерации от 09.05.2017г. №203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы».

формируя среду, где ключевым ресурсом становятся данные.[40] Так, ее ключевой чертой можно выделить сетевой эффект: ценность продуктов и услуг возрастает по мере роста числа пользователей и их транзакций, что вводит кардинальные различия цифровых рынков от традиционных.

Так, в рамках цифровой экономики особое внимание уделяется развитию цифровых экосистем – взаимосвязанных пространств участников, платформ, сервисов и инфраструктуры, совместно создающих ценность и обеспечивающих бесшовное предоставление услуг. Сама цифровая экосистема представляет собой среду, обеспечивающую взаимодействие и эволюционирование авторов (в лице пользователей, компаний, государств, стартапов и др.) и технологий[41]. Несмотря на новизну цифровых экосистем как междисциплинарного понятия, одним из наиболее точных ее определений было приведено Х.Фу, который рассматривает ее с экологической точки зрения. Т.е., как среду, наполненную «цифровыми видами», а именно: программным обеспечением (ПО), мобильными приложениями, услугами, знаниями, бизнес-процессами и моделями, договорами, законодательством и др.[42] В российской же концепции, она представлена как «клиентоцентричная бизнес модель, объединяющая две и более групп продуктов, услуг, информации (собственного производства и/или других игроков) для удовлетворения конечных потребностей клиентов»[43].

---

[40] IMF. Digital Transformation in the Gulf Cooperation Council Economies – URL: https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2025/04/01/Digital-Transformation-in-the-Gulf-Cooperation-Council-Economies-557187 (Дата обращения: 12.03.2025).

[41] Что такое цифровая экосистема: понимание наиболее выгодной бизнес-модели. – URL: https://morethandigital.info/ru/chto-takoye-tzifrovaya-ekosistyema-ponimaniye-naibolyeye-viguodnoy-biznyes-modyeli/ (Дата обращения: 14.03.2025).

[42] Fu H. 2006. Formal Concept Analysis for Digital Ecosystem. 5th International Conference on Machine Learning and Applications. PP. 143–148. DOI: 10.1109/ICMLA.2006.24

[43] Концепция общего регулирования групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы». – URL: https:// www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a 871be41599850/koncepciya_21052021.pdf (Дата обращения: 14.03.2025)

Важным элементом подобных экосистем являются платформенные рынки – рынки, на которых ключевую роль играют цифровые платформы, представляющие собой интегрированные среды, обеспечивающие взаимодействие и обмен данными между различными участниками[44], т.е., выступающие посредниками между разными группами пользователей. Платформенные бизнес-модели позволяют организовывать многостороннее взаимодействие, соединяя между собой, напр., поставщиков и потребителей тех или иных услуг напрямую через онлайн-платформы, существенно сокращая транзакционные издержки и создавая сетевые эффекты[45]. Подобные платформы (напр., глобальные – Amazon, Uber и региональные – Careem, Souq) образуют основу современной экономики потребления и во многом определяют динамику рынков цифровых услуг и тесно связаны с понятием цифровой экономики как таковой.

В свою очередь, цифровые рынки представляют собой широкую область на пересечении экономики, маркетинга и технологий, описывающую области традиционных рынков, функционирующих через вышеуказанные цифровые платформы и осуществляющие взаимодействие спроса и предложения и продажи цифровых товаров и услуг. Однако это понятие стоит диверсифицировать с понятием рынков цифровых услуг, которые являют собой более узкое, продуктовое понятие, где объектом обмена является уже сам по себе цифровой сервис (напр., технологии облачных вычислений, платформы цифровой идентификации, FinTech сервисы и др.). Фактически, цифровые рынки – это широкое понятие, подразумевающее форму организации рынка в цифровой среде, где объектом обмена может быть и оффлайн товары и услуги, в то время как рынки цифровых услуг представляют

---

[44] Баланов А. Н. Цифровые платформы и системы : учебное пособие для СПО / А. Н. Баланов. — Санкт-Петербург : Лань, 2024. — 176 с. — Текст : непосредственный. ISBN 978-5-507-49531-3

[45] ThinkBRG. Digital Economy, Platform Markets & Big Data – URL: https://www.thinkbrg.com/insights/publications/digital-economy-platform-markets-big-data/ (Дата обращения: 14.03.2025).

собой конкретный сегмент, определяемый типом услуги, а не только его реализацией через цифровой канал.

Так, научное осмысление цифровизации экономики и функционирования сопряженных с ней рынков цифровых услуг опирается на междисциплинарную базу. Сформировавшийся ряд теоретических подходов позволяет исследовать рассматриваемые рынки с различных точек зрения. В авторитетных экономических источниках стоит выделить, в частности, институциональный, структурный, инновационный и экосистемный (он же - платформенный) подходы. Каждому из упомянутых подходов присущи собственный аналитический фокус и понятийный аппарат, посему необходимо выделить их классификацию:

Таблица 1. Классификация подходов к исследованию рынков цифровых услуг

[Источник: составлено автором на основании данных из открытых источников]

Подход	Сущность	Детализация
Институциональный	Рассматривает влияние институтов (норм, законов, государственной политики, регулирующих органов) на формирование и развитие цифровых рынков. Анализирует, как институциональная	Акцент на роли государства и регуляторов: сильное политическое лидерство и господдержка ускоряют цифровую трансформацию[46]. Необходим учет «институциональных вызовов»

[46] لماذا نجحت دول الخليج في التحول الرقمي في حين فشلت أخرى؟ [Почему страны Персидского залива добились успеха в цифровой трансформации, тогда как другие — нет]. — Mittrarabia. — URL: https://mittrarabia.com/%D8%A3%D8%B3%D8%B1%D8%A7%D8%B1-%D8%AF%D9%88%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%AC-%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%AD%D9%88%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%82%D9%85%D9%8A/ (Дата обращения: 20.03.2025).

	среда и государственное управление способствуют или препятствуют цифровой трансформации.	цифровизации и разработка комплексной политики, иначе цифровая революция может не привести к устойчивому росту[47].
Структурный	Изучает структурные изменения в экономике под воздействием цифровизации. Анализирует изменение отраслевой структуры, переход от сырьевой к диверсифицированной экономике знаний, развитие инфраструктуры и устранение цифрового неравенства.	Акцент на макроэкономических сдвигах и структуре рынков: в странах Залива цифровизация связывается с диверсификацией экономик и снижением зависимости от нефти[48]. Высокий уровень цифровизации отдельных стран при отставании других ведет к фрагментации рынка и торможению межотраслевой кооперации.

[47] Atlantic Council. The Gulf's Economic Development Is Going Digital – URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-gulfs-economic-development-is-going-digital/ (Дата обращения: 20.03.2025).

[48] Инновации Персидского залива. – URL: https://stimul.online/articles/analytics/innovatsii-persidskogo-zaliva/ (Дата обращения: 20.03.2025).

Инновационный	Фокусируется на роли технологических инноваций, НИОКР, человеческого капитала и знаний в развитии цифровых услуг. Исследует инновационные экосистемы, генерацию новых продуктов и услуг на цифровой основе.	Акцент на развитии знаний и технологий: недостаточные инвестиции в НИОКР могут замедлять цифровой прогресс. В странах ССАГПЗ расходы на исследования в среднем ~0,6% ВВП, тогда как в OECD ~2,5%, что ограничивает инновационный потенциал. Например, Лидерство ОАЭ в инновациях связывают с активным привлечением талантов и ростом расходов на R&D до 1,45% ВВП[49].
Экосистемный (платформенный)	Рассматривает цифровой рынок как экосистему взаимосвязанных платформ, сервисов и участников. Анализирует динамику	Акцент на платформенной экономике: цифровые платформы снижают издержки

[49] Инновации Персидского залива. – URL: https://stimul.online/articles/analytics/innovatsii-persidskogo-zaliva/ (Дата обращения: 20.03.2025).

	платформенных бизнес-моделей, сетевые эффекты, конкуренцию и сотрудничество внутри экосистем.	взаимодействия и объединяют разных участников в единой системе[50]. Возникают двух- и многосторонние рынки, где успех определяется сетью пользователей. Требуется учет новых моделей конкуренции (например, доминирование глобальных платформ против развития локальных экосистем).

Приведенная классификация отражает многоаспектность исследовательских подходов. Институциональный подход подчеркивает, что без надлежащих правил и поддержки со стороны государства цифровой рынок не реализует свой потенциал. Это особенно актуально для стран ПЗ в условиях их активной роли государства в экономике. Так, сильная правительственная стратегия и инвестирование в цифровую инфраструктуру стали одним из решающих факторов успеха цифровой трансформации в странах ПЗ[51]. В то же

[50] ThinkBRG. Digital Economy, Platform Markets & Big Data – URL: https://www.thinkbrg.com/insights/publications/digital-economy-platform-markets-big-data/ (Дата обращения: 20.03.2025).

[51] لماذا نجحت دول الخليج في التحول الرقمي حين فشلت أخرى؟ [Почему страны Персидского залива добились успеха в цифровой трансформации, тогда как другие — нет]. — Mittrarabia. — URL: https://mittrarabia.com/%D8%A3%D8%B3%D8%B1%D8%A7%D8%B1-%D8%AF%D9%88%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%AC-

время, недостатки институциональной среды (напр., несовершенство правового регулирования в некоторых странах ПЗ) могут несколько замедлять прогресс – необходимо преодоление институциональных барьеров, в противном случае их стремление к «цифровой революции»[52] может быть не реализовано в желаемой и должной мерах.[53]

Структурный подход позволяет увидеть цифровизацию как фактор экономической структуры. В странах ПЗ цифровизация экономики коротко рассматривается как инструмент структурной модернизации – перехода от нефтяной (ресурсозависимой) модели к диверсифицированной экономике. Дополнительно, анализ макроэкономических показателей подтверждает, что более высокая цифровая активность коррелирует с ускорением роста ненефтяных секторов и ВВП. Однако структурные диспропорции (напр., разрыв между технологически продвинутыми секторами и отстающими) ведут к цифровому неравенству как внутри стран, так и между ними, что рассматривается далее.

В свою очередь, инновационный подход фокусирует внимание на человеческом капитале и технологических инновациях как двигателях цифровой экономики. В рамках рынков цифровых услуг это означает изучение инновационной активности (разработка софта, финтех-стартапы, новые цифровые платформы), и инвестиций в исследовательскую базу и образования. Он же обращает внимание на такие показатели, как подготовка IT-специалистов, патентная активность, экспорт высокотехнологичной продукции, внедрение искусственного интеллекта (далее – ИИ,, AI) и др., позволяя оценить, насколько цифровая среда становится самовоспроизводящейся за счет внутренних знаний.

%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%AD%D9%88%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%82%D9%85%D9%8A/ (Дата обращения: 20.03.2025).

[52] Под «цифровой революцией» принято понимать масштабный всемирный переход от аналоговых и механических технологий к цифровым.

[53] The Gulf’s economic development is going digital — Atlantic Council. – URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-gulfs-economic-development-is-going-digital/ (Дата обращения: 20.03.2025).

Экосистемный (платформенный) подход необходим для понимания специфики платформенных рынков услуг.

Опыт стран Персидского залива демонстрирует необходимость инвестиций, в первую очередь, в знания (образование населения и привлекаемых специалистов), тогда как фактор уровня финансирования встает на второе место. Например, правительства государств ПЗ показывали значительные объемы инвестиций в создание отдельных университетских направлений и технопарков, но объемы финансирования собственных научных исследований долгое время оставались на достаточно низком уровне. Однако ОАЭ удалось приблизиться к уровню развитых стран по доле НИОКР в ВВП, что отразилось в их прогрессе в глобальных инновационных рейтингах.

Так, в рассматриваемых странах формируются собственные экосистемы (например, госуслуги + финтех + умные города в ОАЭ, сеть услуг на базе Saudi Telecom в Саудовской Аравии). Теория платформенных рынков указывает на особенности конкуренции: крупные (как локальные, так и международные) платформы выражают стремление к эффекту масштаба в своей возможности приобретать местные стартапы или малые компании (напр., – покупка компанией Uber ближневосточной платформы Careem). С одной стороны, участие глобальных игроков способствует притоку инвестиций и технологий, а с другой – способствует возникновению зависимости локальных рынков от международных ИТ-корпораций. Посему, экосистемный подход связан и с понятием цифрового суверенитета: страны пытаются развивать собственные платформы и инфраструктуру (напр., центры обработки данных, облачные сервисы и др.), с целью уменьшить технологическую зависимость.

Таким образом, теоретические подходы взаимно дополняют друг друга при изучении рынка цифровых услуг. Для комплексного анализа цифровых рынков стран Персидского залива синтезированы элементы всех указанных подходов, что позволит учесть как влияние государственной политики, так и

рыночные механизмы, инновационный потенциал и сетевую природу современных цифровых услуг.

1.2 Основные эндогенные и экзогенные факторы, влияющие на развитие рынка цифровых услуг в контексте социально-экономического развития стран

Помимо теоретических подходов к исследованию рынков цифровых услуг, необходимо обозначить обусловленность их развития в рассматриваемых странах совокупностью эндогенных (внутренних, формирующихся внутри национальной экономики, отражающих внутренний потенциал системы и ее способность к саморазвитию) и экзогенных (внешних, воздействующих извне, которые задают внешние условия и ограничения для реализации внутреннего потенциала) факторов.

Различие между анализируемыми факторами в экономическом развитии закреплено в классических и современных моделях роста. В экзогенной модели Р. Солоу[54] технический прогресс вводится как внешний по отношению к экономике параметр, определяющий долгосрочную динамику выпуска, тогда как капитал и труд рассматриваются как внутренние (эндогенные) переменные производственной функции. Напротив, в эндогенных моделях П. Ромера[55] и Р. Лукаса[56] источники роста — инновации, накопление знаний и человеческий капитал — трактуются как формирующиеся внутри системы результаты инвестиционной активности экономических агентов. Аналогичная интерпретация содержится у С. Кузнеца[57], который связывает современный экономический рост с внутренними структурными преобразованиями экономики, технологическим обновлением и развитием организационных форм производства.

---

[54] Solow, R. M. Technical Change and the Aggregate Production Function // The Review of Economics and Statistics. – 1957. – Vol. 39, No. 3. – P. 312–320. DOI: 10.2307/1926047

[55] Romer, P. M. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98, No. 5. – P. S71–S102. DOI: 10.1086/261725

[56] Lucas, R. E. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. – 1988. – Vol. 22, No. 1. – P. 3–42. DOI: 10.1016/0304-3932(88)90168-7

[57] Kuznets, S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. – New Haven: Yale University Press, 1966. – 529 p.

Применительно к рынкам цифровых услуг, внутренние факторы определяют готовность и скорость цифровизации, а внешние — направление и масштаб её воздействия. Учитывая существенную интеграцию стран ПЗ в мировую экономику и одновременное их владение уникальными характеристиками, далее рассматриваются вышеупомянутые факторы в контексте перспектив их цифровой трансформации.

Эндогенные факторы: В первую очередь, в ПЗ определяющую роль играет институциональный фактор, что отражено в активном участии правительств Монархий ПЗ в экономике. Успех реализации цифровых инициатив напрямую зависим от стратегий национального развития (также, как и отраслевых стратегий) и возможностей государственного аппарата. Так, наличие четкой национальной цифровой стратегии, координируемых программ (таких как Saudi Vision 2030, UAE Digital Government Strategy и др.), а также политическая воля руководства являются основными драйверами развития цифровых рынков. Политическое руководство стран Залива в целом демонстрирует приверженность цифровой трансформации: отмечается сильное политическое лидерство, поддерживающее цифровизацию на высшем уровне власти. Например, правительства запускают многочисленные инициативы по переводу государственных услуг в онлайн, созданию «умных городов», стимулированию электронной коммерции и т.д. В КСАи ОАЭ реализованы масштабные инвестиции суверенных фондов в технологии (вклады в Uber, развитие фонда SoftBank Vision и пр.).

Вместе с тем, незрелость институциональной базы в некоторых странах в сфере цифровой экономики и сопряженных с ней цифровых услуг порождает собой замедление внедрения технологий. В данном контексте стоит обратиться к взаимосвязи внедрения соответствующих нормативно-правовых актов и утверждения вышеупомянутых стратегий развития в рассматриваемых странах:

Таблица 2. Взаимосвязь изданных нормативно-правовых актов и утверждение стратегий национального и отраслевого развития по годам [Источник: составлено автором на основании данных из официальных источников]

Страна	Стратегия (год)	Закон (год)	Временной разрыв (лет)
КСА	Saudi Vision 2030 (2016)	Electronic Transactions Law (2007) — Закон «Об электронных транзакциях» (араб. نظام التعاملات الإلكترونية)[58]	-9
		Cloud Computing Regulatory Framework (2018) — «Регламент по облачным вычислениям» (араб. الإطار التنظيمي للحوسبة السحابية)[59]	+2
		Personal Data Protection Law (2021) — Закон «О защите персональных данных» (араб. نظام حماية البيانات الشخصية)[60]	+5
	NTP (2016)	Anti-Cybercrime Law (2007) — Закон «О борьбе с киберпреступностью» (араб. نظام مكافحة جرائم المعلوماتية)[61]	-9
ОАЭ	Digital Government Strategy (2021)	Federal Decree-Law No.45/2021 on Personal Data Protection — Федеральный декрет-закон №45/2021 «О	0

[58] Electronic Transactions Law. – URL: https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/6f509360-2c39-4358-ae2a-a9a700f2ed16/2 (Дата обращения: 21.03.2025)

[59] Cloud Computing Regulatory Framework — CITC. – URL: https://www.citc.gov.sa/en/RulesandSystems/RegulatoryDocuments/Documents/CCRF_En.pdf (Дата обращения: 21.03.2025).

[60] Personal Data Protection Law — SDAIA. – URL: https://sdaia.gov.sa/en/Research/Pages/DataProtection.aspx (Дата обращения: 21.03.2025).

[61] Anti-Cyber Crime Law — WIPO Lex. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/14570 (Дата обращения: 21.03.2025).

		защите персональных данных» (араб. المرسوم بقانون اتحادي رقم ٤٥ لسنة ٢٠٢١ بشأن حماية البيانات الشخصية)[62]	
		Dubai Digital Law No.9/2022 — Закон Дубая №9/2022 «О цифровом управлении» (араб. قانون دبي رقم ٩ لسنة ٢٠٢٢ بشأن دبي الرقمية)[63]	+1
	UAE Vision 2021 (2010)	Federal Law No.1/2006 on Electronic Transactions — Федеральный закон №1/2006 «О сделках и электронной коммерции» (араб. القانون الاتحادي رقم ١ لسنة ٢٠٠٦ بشأن المعاملات والتجارة الإلكترونية)[64]	-4
	Smart Dubai (2013)	Dubai Data Law No.26/2015 — Закон Дубая №26/2015 «О данных» (араб. قانون دبي رقم ٢٦ لسنة ٢٠١٥ لإمارة البيانات)[65]	+2
Катар	QNV 2030 (2008)	E-Commerce and Transactions Law No.16/2010 — Закон №16/2010 «Об электронной торговле и транзакциях» (араб. قانون المعاملات والتجارة	+2

[62] Federal Decree-Law No.45 of 2021 on Personal Data Protection — DLA Piper Data Protection Laws of the World. – URL: https://www.dlapiperdataprotection.com/?c=AE (Дата обращения: 21.03.2025).

[63] Dubai Digital Law No.9 of 2022 — Digital Dubai. – URL: https://www.digitaldubai.ae/standards-and-policies (Дата обращения: 21.03.2025).

[64] Federal Law No.1 of 2006 on Electronic Commerce and Transactions — UAE Ministry of Justice. – URL: https://elaws.moj.gov.ae/UAE-MOJ_LC-En/00_COMMERCE/UAE-LC-En_2006-01-30_00001_Kait.html (Дата обращения: 21.03.2025).

[65] Law No. (26) of 2015 — URL: https://dlp.dubai.gov.ae/Legislation%20Reference/2015/Law%20No.%20%2826%29%20of%202015.pdf (Дата обращения: 26.11.2025).

		لسنة ١٦ رقم الإلكترونية ٢٠١٠)[66]	
	Digital Government Strategy (2014)	Cybercrime Law No.14/2014 — Закон №14/2014 «О борьбе с киберпреступностью» (араб. مكافحة قانون رقم الإلكترونية الجرائم ٢٠١٤)[67] لسنة ١٤	0
	TASMU (2017)	Personal Data Protection Law No.13/2016 — Закон №13/2016 «О защите персональных данных» (араб. حماية قانون رقم الشخصية البيانات ٢٠١٦)[68] لسنة ١٣	-1
Кувейт	Vision 2035 (2017)	E-Transactions Law No.20/2014 — Закон №20/2014 «Об электронных транзакциях» (араб. المعاملات قانون لسنة ٢٠ رقم الإلكترونية ٢٠١٤)[69]	-3
		Cybercrime Law No.63/2015 — Закон №63/2015 «О киберпреступлениях» (араб. تقنية جرائم قانون لسنة ٦٣ رقم المعلومات ٢٠١٥)[70]	-2
Оман	e.Oman (2003)	Electronic Transactions Law RD 69/2008 — Королевский декрет	+5

[66] Law No. 16 of 2010 on E-Commerce and Transactions — Al Meezan Legal Portal.– URL: https://almeezan.qa/LawPage.aspx?id=2678&language=en (Дата обращения: 21.03.2025).

[67] Law No. 14 of 2014 on Combating Cybercrime — Al Meezan Legal Portal. – URL: https://almeezan.qa/LawPage.aspx?id=6293&language=en (Дата обращения: 21.03.2025).

[68] Law No. 13 of 2016 on the Protection of Personal Data — Al Meezan Legal Portal. – URL: https://almeezan.qa/LawPage.aspx?id=7203&language=en (Дата обращения: 21.03.2025).

[69] Law No. 20 of 2014 on Electronic Transactions — Kuwait Direct Investment Promotion Authority (KDIPA). – URL: https://kdipa.gov.kw/wp-content/uploads/2022/08/قانون-المعاملات-الإلكترونية-لسنة-20-2014-مترجم.pdf (Дата обращения: 21.03.2025).

[70] Law No. 63 of 2015 on Combating Information Technology Crimes — Lexis Middle East. – URL: https://www.lexismiddleeast.com/law/Kuwait/Law_63_2015 (Дата обращения: 21.03.2025).

		69/2008 «О электронных транзакциях» (араб. قانون المعاملات الإلكترونية الصادر بالمرسوم السلطاني ٦٩/٢٠٠٨)[71]	
		Cybercrime Law RD 12/2011 — Королевский декрет 12/2011 «О киберпреступлениях» (араб. قانون مكافحة جرائم تقنية المعلومات المرسوم السلطاني ١٢/٢٠١١)[72]	+8
	eTransformation 2030 (2017)	Personal Data Protection Law RD 6/2022 — Королевский декрет 6/2022 «О защите персональных данных» (араб. قانون حماية البيانات الشخصية المرسوم السلطاني ٦/٢٠٢٢)[73]	+5
Бахрейн	Vision 2030 (2008)	E-Transactions Law No.28/2002 — Закон №28/2002 «Об электронных транзакциях» (араб. قانون المعاملات الإلكترونية رقم ٢٨ لسنة ٢٠٠٢)[74]	-6
		Personal Data Protection Law No.30/2018 — Закон №30/2018 «О защите персональных данных» (араб. قانون حماية	+6

[71] Royal Decree No. 69/2008 Promulgating the Electronic Transactions Law — Ministry of Higher Education, Research and Innovation. – URL: https://www.moheri.gov.om/userupload/Policy/Electronic%20Transactions%20Law.pdf (Дата обращения: 21.03.2025).

[72] Royal Decree No. 12/2011 on Combating Cyber Crime — Royal Oman Police. – URL: https://www.rop.gov.om/pdfs/cybercrime_law.pdf (Дата обращения: 21.03.2025).

[73] Royal Decree No. 6/2022 Promulgating the Personal Data Protection Law — Ministry of Transport, Communications and Information Technology. – URL: https://www.mtit.gov.om/sites/default/files/2022-02/PDPL%20English.pdf (Дата обращения: 21.03.2025).

[74] Law No. 28 of 2002 on Electronic Transactions — Legislation & Legal Opinion Commission (Bahrain). – URL: https://www.legalaffairs.gov.bh/Media/pdf/3864.pdf (Дата обращения: 21.03.2025).

		قانون حماية البيانات الشخصية رقم ٣٠ لسنة ٢٠١٨)[75]	
	Cloud First (2017)	Cybercrime Amendments 2014 — Поправки 2014 г. к закону о киберпреступлениях (араб. قانون تعديلات لسنة ٢٠١٤ الإلكترونية الجرائم)[76]	+1

Так, из таблицы видно, что развитие цифровой экономики в странах Персидского залива в большинстве случаев характеризуется выраженным темпоральным разрывом между моментом появления стратегических документов и последующим формированием нормативной базы, регулирующей цифровые услуги, электронные транзакции, кибербезопасность и защиту данных. Анализ показывает, что стратегии цифровой трансформации предшествовали появлению ключевых законов от нескольких лет до целого десятилетия. В ряде случаев (Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн) детальные акты о персональных данных и облачных технологиях были приняты спустя 5–10 лет после начала реализации масштабных цифровых программ, тогда как предыдущие нормативные акты охватывали лишь отдельные аспекты электронных транзакций или киберпреступности. Такой нормативный лаг закономерно порождал проблемы: регуляторные пробелы, отсутствие единых стандартов, неоднозначность в распределении ведомственных полномочий и трудности адаптации международных ИТ-компаний к местным требованиям. Фактически в большинстве государств GCC цифровизация опережала регулирование, что создавало риски проектных ошибок, фрагментации институтов и снижало предсказуемость цифровой политики на ранних этапах.

[75] Law No. 30 of 2018 Issuing the Personal Data Protection Law — Legislation & Legal Opinion Commission (Bahrain). – URL: https://www.legalaffairs.gov.bh/Media/pdf/PDPL2018.pdf (Дата обращения: 21.03.2025).

[76] Law No. 60 of 2014 on Information Technology Crimes — Legislation & Legal Opinion Commission (Bahrain). – URL: https://www.legalaffairs.gov.bh/Media/pdf/4362.pdf (Дата обращения: 21.03.2025).

Еще одним аспектом является модель взаимодействия государства и бизнеса. В рамках национальных стратегий развития Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) становится ключевым инструментом мобилизации частных инвестиций, знаний и технологий[77]. В странах Залива государство традиционно доминирует во многих проектах (в том числе цифровых), выступая главным инвестором и заказчиком в подобных проектах.

Традиционно, ГЧП рассматривается как механизм привлечения частных инвестиций в общественную инфраструктуру (транспорт, энергетика, водоснабжение). Однако с развитием цифровой экономики спектр проектов существенно расширился. Сегодня под ГЧП подпадают цифровые проекты в области:

- создания и управления дата-центрами и облачными платформами,
- развертывания широкополосных и 5G сетей;
- внедрения смарт-сити решений (транспорт, коммунальные услуги, «умное» ЖКХ);
- развития электронного правительства и цифровых государственных сервисов;
- применения цифровых решений в здравоохранении (телемедицина, электронные карты пациентов);

С одной стороны, это обеспечивает масштаб и быстрый запуск инициатив. С другой – ограниченная роль частного сектора может снижать конкуренцию и приток частных инвестиций в цифровую сферу. Х. Барини отмечает, что в GCC государственные субъекты являются движущей силой цифровой трансформации, что одновременно позволяет лучше контролировать процессы, но создает технические и политические уязвимости. Из чего следует вывод, что институциональная среда – двуединый

[77] Эль-Сайед А.Х. Развитие механизмов государственно-частного партнерства в Саудовской Аравии / Завьялова Е.Б., Эль-Сайед А.Х., Пузырев П.А.// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2025. – Т. 21 № 8. С. 205-218

фактор, способный как ускорить развитие цифровых рынков (при наличии политической поддержки и прогрессивного регулирования), так и затормозить его (при неэффективности институтов). Улучшение институциональной базы – важнейшее условие устойчивого роста цифровой экономики региона.

Человеческий капитал – второй ключевой эндогенный фактор. Рынки цифровых услуг требуют квалифицированных специалистов: разработчиков ПО, аналитиков данных, инженеров по кибербезопасности, менеджеров цифровых проектов и проч. Страны Залива традиционно испытывали дефицит местных кадров в высокотехнологичных отраслях и привлекали иностранных специалистов. Сегодня развитие собственных цифровых навыков населения стало приоритетом. В GCC наблюдается молодой и образованный демографический профиль: значительная доля молодежи с хорошим уровнем образования и интересом к технологиям[78].

Это положительно сказывается на распространении цифровых сервисов (молодежь активно осваивает новинки – финтех приложения, электронную коммерцию и др.). Однако качественная подготовка именно в сфере ИКТ пока отстает от потребностей рынка. Отмечается «нехватка цифровых навыков среди национальных работников», связанная с пробелами в системе образования и профессиональной подготовки[79], которые сейчас находятся лишь на стадии первичной реализации.

Помимо формального образования, важны предпринимательские и инновационные навыки. Эксперты указывают на сравнительно низкий уровень культуры технологического предпринимательства в странах Персидского залива. Исторически престиж госслужбы и крупных корпораций

---

[78] لماذا نجحت دول الخليج في التحول الرقمي حين فشلت أخرى؟ [Почему страны Персидского залива добились успеха в цифровой трансформации, тогда как другие — нет]. — Mittrarabia. — URL: https://mittrarabia.com/%D8%A3%D8%B3%D8%B1%D8%A7%D8%B1-%D8%AF%D9%88%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%AC-%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%AD%D9%88%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%82%D9%85%D9%8A/ (Дата обращения: 23.03.2025).

[79] Atlantic Council. The Gulf's Economic Development Is Going Digital – URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-gulfs-economic-development-is-going-digital/ (Дата обращения: 23.03.2025).

превосходил стремление к стартап-деятельности. Сейчас ситуация меняется – появляются успешные истории стартапов (Careem, Souq.com и др.), правительства запускают акселераторы и фонды поддержки. Тем не менее, формирование устойчивой базы человеческого капитала – процесс небыстрый. Отчасти проблему закрывают за счет иммиграции: в частном секторе и сфере ИКТ множество иностранных специалистов. Но долгосрочная стратегия государств Залива направлена на локализацию компетенций (программы Knowledge Transfer, обучение молодежи, стипендии для STEM-специальностей и т.д.).

Наличие квалифицированных кадров определяет способность страны самостоятельно разрабатывать цифровые продукты, адаптировать иностранные технологии, поддерживать кибербезопасность и пр. Недостаток же навыков приводит к зависимости от внешних исполнителей и может ограничивать темпы цифровизации. Например, дефицит ИТ-специалистов в областях программной инженерии, анализа данных, AI фиксируется во всех странах GCC, что усложняет компаниям внедрение цифровых проектов. Положительным моментом является то, что правительства осознают проблему: организуются национальные инициативы по обучению цифровым навыкам (в Саудовской Аравии – программы по киберграмотности, в ОАЭ – национальные курсы написания кода и т.д.), привлекаются зарубежные университеты и онлайн-платформы для повышения квалификации граждан.

Внутренние социально-экономические различия влияют на равномерность развития цифровых услуг. Цифровое неравенство может проявляться между разными группами населения (по доходу, образованию, географически – город/село, граждане/мигранты и т.д.). В странах Залива уровень подключения населения к интернету один из самых высоких в мире – по некоторым данным, уровень интернет-проникновения достиг ~99%[80]

[80] Saudi Arabia’s digital economy: new era of tech, growth, innovation and global impact. – URL: https://www.mcit.gov.sa/en/news/saudi-arabia%E2%80%99s-digital-economy-new-era-tech-growth-innovation-and-global-impact-empowered-hrh (Дата обращения: 04.04.2025).

населения в КСА, и держится на уровне ~90% для остальных стран ПЗ (КСА, ОАЭ и Катар традиционно лидируют по показателям проникновения интернета, мобильной связи, использования смартфонов, в то время как Омана и Бахрейна нередко упоминают как несколько отстающих, несмотря на их значительное превосходство мирового среднего уровня[81]).

Тем не менее существуют разрывы: старшее поколение менее активно пользуется онлайн-сервисами; сельские и удаленные регионы могут отставать по качеству связи; значительная доля трудовых мигрантов из менее развитых стран (работающих в низкоквалифицированных секторах) обладает более низкой цифровой грамотностью. Государства GCC предпринимают меры для всеобщей цифровой инклюзии – например, реализуются проекты бесплатного доступа к интернету в общественных местах, программы обучения базовым цифровым навыкам для населения, предоставление дешевых смартфонов и пр.

Высокий уровень урбанизации в рассматриваемых странах способствует широкому распространению цифровых сервисов – городская инфраструктура позволяет эффективнее внедрять технологии (например, проекты «умный город» в Дубае и Эр-Рияде, в основе которых лежит плотная сеть цифровых сервисов для горожан).

Необходимо также упомянуть и культурные особенности: которые могут несколько препятствовать развитию: например, традиционализм части общества может порождать некоторое сопротивление изменениям, предпочитая привычные офлайн-формы взаимодействия. Однако молодое поколение и общий высокий уровень жизни (а следовательно, доступность гаджетов) создают благоприятные условия для минимизации цифрового разрыва. Традиционно в арабском обществе ценятся стабильность и надежность, предпринимательство связано с риском и новизной, что могло

[81] صندوق النقد الدولي: دول الخليج تحقق تقدماً سريعاً نحو التحول الرقمي [МВФ: Страны Персидского залива добиваются быстрого прогресса в цифровой трансформации]. – URL: https://aawsat.com/الاقتصاد/5131628-صندوق-النقد-الدولي-دول-الخليج-تحقق-تقدماً-سريعاً-نحو-التحول-الرقمي (Дата обращения: 04.04.2025).

сдерживать инициативы. Однако под влиянием глобализации и образования молодёжи за рубежом постепенно укрепляется культура стартапов. Появляются локальные успешные предприниматели как ролевые модели. Правительства даже пропагандируют инновации как часть национальной идеологии развития (в ОАЭ – на уровне министерства по делам искусственного интеллекта, в Саудовской Аравии – через программы «монетизации идей»[82] среди молодежи).

В итоге по внутренним социальным параметрам страны Залива обладают довольно однородной и благоприятной ситуацией для развития цифровых рынков: высокая грамотность, молодая аудитория пользователей, широкое проникновение интернета.

Более того, развитая инфраструктура является краеугольным фактором для цифровых рынков. К ней стоит отнести: доступность высокоскоростного интернета (стационарного и мобильного), степень внедрения сетей нового поколения (4G/5G), дата-центры, облачные мощности, инфраструктура электронных платежей и др. Страны Персидского залива активно инвестировали нефтяные доходы в модернизацию инфраструктуры, благодаря чему показатели связности и технической оснащённости одни из лучших среди развивающихся экономик[83].

---

[82] На ранней стадии идеи подпадают под Fikra (Commercial Innovation Portal) агентства Monsha’at — автору предоставляются гранты и акселерационные буткэмпы для доведения прототипа до PoC; далее Wa’ed Ventures (Saudi Aramco) предлагает беспроцентные займы и долевое участие, локализуя разработки внутри страны; после вхождения в рынок стартапы могут масштабироваться через сеть инкубаторов Badir при KACST, где обеспечиваются экспертиза IP и доступ к лабораториям; наконец, талантливая молодёжь привлекается в Misk Foundation / TONOMUS (NEOM Venture Studio), получая долю до 75 % в создаваемой компании при условии размещения R&D в королевстве. Все четыре механизма совместно перекрывают «долину смерти» между лабораторией и рынком, позволяя за 6-18 месяцев довести идею до первых продаж и при этом сохранить права на интеллектуальную собственность.

[83] IMF. Digital Transformation in the Gulf Cooperation Council Economies – URL: https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2025/04/01/Digital-Transformation-in-the-Gulf-Cooperation-Council-Economies-557187 (Дата обращения: 07.04.2025).

В среднем по GCC обеспеченность широкополосным интернетом, мобильная связь и ее доступность по тарифам приблизились к уровням развитых стран. Особо отмечается лидерство некоторых стран в отдельных показателях: например, КСА, Катар и ОАЭ одними из первых в мире развернули коммерческие сети 5G, Бахрейн привлёк крупнейшего облачного провайдера (Amazon Web Services) для создания регионального дата-центра, а Саудовская Аравия осуществила в 2017–2021 рывок в развитии инфраструктуры электронного правительства и услуг связи (оптические сети, 5G в мегаполисах). По состоянию на 2025 год КСА входит в топ-10 стран по скорости мобильного интернета (до 215 Мбит/с)[84].

Тем не менее, это сопряжено с рядом проблем, тормозящих инфраструктурное развитие. Во-первых, экстремальные климатические условия и география региона (пустыни, жаркий климат) повышают стоимость обслуживания сетей и требуют устойчивых решений. Во-вторых, несмотря на высокие средние показатели, неравномерность инфраструктурного развития все же наблюдается: удаленные районы, меньшие эмираты или провинции могут отставать. Например, в Саудовской Аравии доступ к высокоскоростному интернету в сельской местности значительно ниже, чем в Эр-Рияде или Джидде. В-третьих, быстрый рост числа устройств и пользователей создает нагрузку на сети, требуя постоянной модернизации. Страны GCC решают эти задачи через государственно-частные партнерства: национальные телекомы (stc[85], Etisalat[86], Ooredoo и др.) зачастую контролируются государством или аффилированы с ним, что облегчает координацию инвестиционных проектов.

[84] Saudi Arabia — Digital Economy. – URL: https://www.trade.gov/country-commercial-guides/saudi-arabia-digital-economy-0 (Дата обращения: 07.04.2025).
[85] Один из наиболее распространенных операторов сотовой связи в Королевстве Саудовская Аравия
[86] Один из наиболее распространенных операторов сотовой связи в Объединенных арабских эмиратах

Инфраструктура является фактором, где эффект масштаба и накопления крайне важен. Реализация проведенных инвестиций выражена в виде появляющихся новых сервисов. Так, широкое покрытие 4G/5G позволило развитию служб стриминга, доставке дронов, IoT-решений в некоторых секторах экономики.

Помимо технических ресурсов, важен общий климат, способствующий инновациям. Здесь можно отметить усилия стран Залива по созданию благоприятной экосистемы для стартапов и IT-бизнеса. Внутренними факторами являются доступ к финансированию (фонды, венчурный капитал), наличие инкубаторов, менторских программ, прозрачность регулирования бизнеса. Например, ОАЭ и Саудовская Аравия учредили специальные зоны и центры (Dubai Internet City, Riyadh Digital City[87] и др.), где стартапы получают налоговые льготы, менторскую поддержку, доступ к инвестициям. Катар инвестирует в инновационные хабы через Qatar Science & Technology Park[88]. Эти меры формируют внутреннюю предпринимательскую среду.

Результатом улучшения инновационного климата становится рост локальных цифровых продуктов. Например, запущены национальные платформы электронной коммерции, свои агрегаторы такси, платежные системы (Mada в Саудии, Benefit в Бахрейне). Хотя многие из них конкурируют с глобальными гигантами, сама по себе способность разрабатывать такие проекты свидетельствует о накопленном потенциале. В то же время внутренние ограничения инновационного климата – бюрократия при открытии бизнеса, ограничения на привлечение иностранной рабочей

---

[87] Первый в королевстве смешанный технопарк-кластер, задуманный ещё в 2005 г. как Information Technology & Communications Complex. Это «умный» квартал с офисами международных ИТ-корпораций, профильных министерств, жилыми и торговыми объектами, управляемый инвестфондом GOSI через Raza Co.

[88] Открытый в марте 2009 г. на территории Education City, QSTP стал первой свободной технологической зоной Катара. Парк предоставляет лаборатории, офисы и программы поддержки. За счёт налоговых льгот и доступа к академическим ресурсам QSTP стал ядром катарской экономики знаний: здесь инкубируются местные стартапы, проводится трансфер технологий, а в 2014 г. парк принял 31-ю мировую конференцию IASP, впервые в арабском регионе.

силы в стартап, недостаток специалистов по венчурному управлению – могут замедлять этот процесс. Продолжающиеся реформы (облегчение условий ведения бизнеса, визовые послабления для фрилансеров и цифровых кочевников, госзакупки у стартапов) нацелены на устранение этих внутренних барьеров:

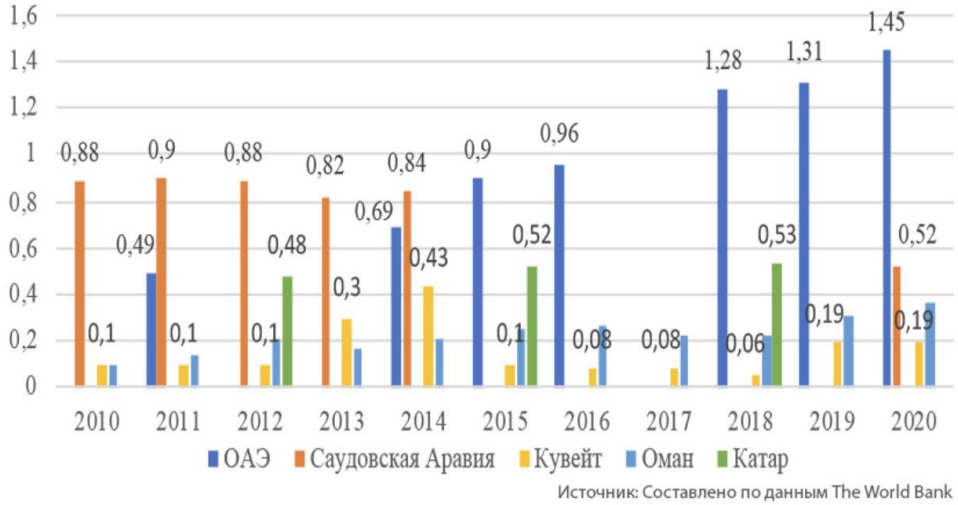

Рисунок 1. Расходы на исследования и разработки (НИОКР) в странах ССАГПЗ, % от ВВП

[Источник: https://stimul.online/articles/analytics/innovatsii-persidskogo-zaliva на основании данных Всемирного Банка]

ОАЭ значительно нарастили инвестиции в R&D до 1,45% ВВП к 2020 г., тогда как другие страны стагнировали на уровне ниже 0,6%. Это иллюстрирует различия во внутреннем инновационном потенциале стран региона и объясняет разницу в их успехах цифровой трансформации[89].

Итак, эндогенные факторы в совокупности создают основу для развития цифровых рынков. Для стран Залива характерны и значительные преимущества (финансовые ресурсы, высокий уровень подключения, поддержка государства), и некоторые внутренние ограничения (дефицит кадров, сегменты цифрового неравенства, необходимость институциональных реформ). В целом, внутренние условия в GCC можно оценить как

[89] Инновации Персидского залива. – URL: https://stimul.online/articles/analytics/innovatsii-persidskogo-zaliva/ (Дата обращения: 10.04.2025).

благоприятные, хотя и требующие дальнейшего совершенствования, особенно в направлении развития человеческого капитала и стимулирования частной инновационной активности. Именно внутренние реформы (в образовании, регулировании, рынках труда) способны максимально раскрыть эффект от внешних возможностей, которые предоставляет глобальная цифровая экономика.

Экзогенные факторы. Внешняя среда задает общий вектор движения цифровой трансформации в GCC. К числу глобальных трендов, влияющих на регион, относятся: повсеместное распространение смартфонов и мобильного интернета, развитие технологий искусственного интеллекта (AI) и машинного обучения, рост значимости больших данных и облачных вычислений, внедрение технологий Industry 4.0 (IoT, роботизация), экспоненциальный рост электронной коммерции и финтех-сервисов в мире, а также актуальность кибербезопасности. Страны Залива, будучи частью мировой экономики, вынуждены соответствовать этим трендам, иначе есть риск отставания. Например, глобальный тренд на электронное правительство стимулировал правительства GCC к активному развитию онлайн-услуг для граждан – сегодня по показателям e-government многие из них входят в топ-группу мира. Тренд на финтех привел к появлению в регионе множества платежных стартапов и цифровых банковских услуг (с поддержкой регуляторов через «песочницы» и специальной лицензии).

Пандемия COVID-19, хотя и была глобальным шоком, стала ускорителем цифровых трендов во всем мире – и особенно в странах Залива. Внешний шок потребовал перейти на удаленную работу, онлайн-образование, бесконтактные платежи, что резко повысило спрос на цифровые решения. В результате усилия по цифровизации в GCC удвоились после пандемии, дав быстрые результаты. Например, доля цифровой экономики в ВВП Саудовской Аравии возросла с 11,5% в 2018 году до 14% в 2022 году[90]. Глобальный тренд

[90] صندوق النقد الدولي: دول الخليج تحقق تقدماً سريعاً نحو التحول الرقمي [МВФ: Страны Персидского залива добиваются быстрого прогресса в цифровой трансформации]. – URL:

на электронную торговлю также отразился: совокупный рынок e-commerce в GCC растет двузначными темпами в год, что соответствует общемировому сдвигу потребителей в онлайн.

Еще один тренд – глобализация и стандартизация технологий. Большинство цифровых сервисов строятся на универсальных технологиях, предоставляемых крупными международными игроками (операционные системы, облачные платформы, программные решения). Это означает, что страны GCC могут быстро перенимать новейшие технологии, но с другой стороны, возникают вопросы совместимости с локальными потребностями и зависимости (см. ниже). Внешние технологические тренды также влияют на ожидания населения: пользователи в GCC, путешествуя или общаясь в глобальных социальных сетях, хотят иметь аналогичный уровень цифрового сервиса на своей территории, что стимулирует более быстрое внедрения новых технологий.

Присутствие и влияние глобальных технологических компаний (Microsoft, Google, Amazon, Huawei, etc.) на локальные рынки – не менее серьезный фактор. С одной стороны, такие корпорации приносят инвестиции, знания и инфраструктуру[91]. В качестве показательного примера можно привести открытие регионального центра Amazon Web Services в Бахрейне привлекло передовые облачные технологии и создало рабочие места[92]. Huawei активно участвует в построении 5G-сетей в регионе, а компании вроде Google и Microsoft запускают программы по обучению ИТ-навыкам для местного населения. Иностранные инвестиции в цифровую трансформацию GCC значительно возросли за последнее десятилетие, превращая регион в

---

https://aawsat.com/الاقتصاد/5131628-صندوق-النقد-الدولي-دول-الخليج-تحقق-تقدماً-سريعاً-نحو-التحول-الرقمي (Дата обращения: 13.04.2025).

[91] Эль-Сайед А.Х. Влияние экзогенных факторов на развитие рынка цифровых услуг в странах Персидского залива в контексте их социально-экономического развития / Эль-Сайед А.Х.// Инновации и инвестиции. – 2026. – № 4-2026.

[92] Atlantic Council. The Gulf's Economic Development Is Going Digital – URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-gulfs-economic-development-is-going-digital/ (Дата обращения: 16.04.2025).

перспективный рынок для ИТ-бизнеса. Многим стартапам из GCC удается привлечь международный капитал, а наиболее успешные – были приобретены глобальными игроками (например, Amazon купила дубайский Souq.com, Uber – Careem).

С другой стороны, такая активность означает и технологическую зависимость. Критически важные цифровые платформы, используемые в странах Залива, в основном иностранного происхождения – будь то операционные системы телефонов (Android, iOS), офисное ПО, социальные сети или поисковые системы. Хотя локальные аналоги развиваются (например, национальные облачные хранилища, региональные соцсети), полная замена глобальных продуктов пока не предоставляется возможной. Это порождает риски: зависимость от импорта технологий и экспертизы, уязвимость к изменениям политики иностранных компаний (ценовая политика, изменение условий обслуживания) или даже геополитическим ограничениям (санкции, экспортный контроль на передовые технологии). В ответ страны GCC пытаются диверсифицировать партнерства: сотрудничать не только с западными, но и с восточными ИТ-гигантами (Китай, Южная Корея, Япония)[93] , а также развивать собственные технологические решения.

Показательна ситуация с развитием искусственного интеллекта: государства Залива активно внедряют AI-системы, но ключевые платформы и инструменты поставляются извне. Однако благодаря ресурсам регион может инвестировать в адаптацию – так, ОАЭ и Саудовская Аравия объявляют о создании «суверенных» AI-систем, обученных на локальных данных, стремясь уменьшить зависимость от иностранных облачных сервисов[94]. Тем не менее в

[93] Carnegie Endowment. Local Agency is Shaping China’s Digital Footprint in the Gulf – URL: https://carnegieendowment.org/posts/2025/01/local-agency-is-shaping-chinas-digital-footprint-in-the-gulf?lang=en (Дата обращения: 19.04.2025).

94 Oliver Wyman. 7 Digital Trends Transforming the GCC – URL: https://www.oliverwyman.com/our-expertise/insights/2025/mar/7-digital-trends-transforming-the-gcc.html (Дата обращения: 22.04.2025).

краткосрочной перспективе влияние транснациональных корпораций останется весомым фактором.

Более того, внешние факторы включают и соревновательный элемент: страны Залива конкурируют между собой и с другими государствами за лидерство в цифровой сфере, инвестиции и таланты. Так называемая геоэкономическая конкуренция проявляется, например, в стремлении Дубая, Эр-Рияда, Дохи стать главным региональным технологическим хабом, привлечь штаб-квартиры международных компаний, проведение выставок и форумов по ИТ-тематике.

Примечательно, что сама цифровизация стала новым направлением соперничества, но и сотрудничества в GCC. Соперничество видно в масштабных проектах (например, создание городов будущего – NEOM в Саудовской Аравии напротив проекта Smart Dubai). Сотрудничество же выражается в попытках унифицировать регуляторные нормы и совместно противостоять киберугрозам. Например, в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (далее – ССАГПЗ) ведется активное обсуждение единого законодательства в сфере электронной торговли и цифровых услуг, осознавая, что разрозненные правила мешают развитию регионального рынка и это дополнительно может повлечь за собой уровень интеграции внутри союза. Внешние вызовы – такие как кибератаки или необходимость интеграции в глобальные цепочки – вынуждают страны GCC преодолевать разногласия ради общей цифровой повестки[95].

Геополитический контекст также влияет на цифровую сферу. Санкционное давление на некоторых глобальных игроков (например, ограничения США против китайских телеком-оборудования) вынуждает страны GCC маневрировать между партнерами, чтобы не оказаться без доступа к критичным технологиям. Регион выступает ареной соперничества

[95]Digital Challenge for the Arab World: Integration or Differentiation Factor – URL: https://www.researchgate.net/publication/361765753_Digital_Challenge_for_the_Arab_World_Integration_or_Differentiation_Factor (Дата обращения: 26.04.2025).

крупных держав и в технологической области: Китай предлагает инвестиции и технологии (5G, умные города) в обмен на доступ на рынок, тогда как западные страны продвигают свои стандарты и видение цифровых правил (например, по кибербезопасности, этике AI). Странам Залива приходится балансировать, извлекая выгоду из всех сторон. Внешняя конкуренция стимулирует их формировать собственную экспертизу, участвовать в международных организациях (ITU, WEF) и вырабатывать коллективную позицию по вопросам цифровой экономики.

Колебания мировой экономической конъюнктуры, прежде всего на сырьевых рынках, является не менее важным фактором. Хотя косвенно, но это существенно влияет на финансирование цифровых проектов в GCC. В периоды высоких цен на нефть бюджеты наполняются, и государства могут щедро инвестировать в ИТ-инфраструктуру, стартап-фонды, образовательные программы. При падении цен – как, например, в 2020 г. – возможна переориентация расходов на социальные нужды и сокращение капитальных вложений, что замедляет цифровую экспансию. Аналитики отмечают, что цифровая трансформация в Заливе, будучи частью стратегии диверсификации, все еще частично зависит от нефтяных доходов: т.е. парадоксально, но успех цифровых инициатив связан с ситуацией на традиционном для региона нефтегазовом рынке. В силу этого правительства стараются планировать инициативы так, чтобы вовлекать и частный капитал, и международные фонды в целях снижения зависимости от бюджетных циклов и развития государственно-частного партнерства в странах.

Инвестиционный климат GCC для внешних инвесторов выступает внешним фактором: если глобальные инвесторы уверены в стабильности региона, они вкладываются и в цифровые активы. Однако любая дестабилизация (геополитическая напряженность на Ближнем Востоке, глобальные кризисы ликвидности) может снизить приток средств. Пока страны Залива сохраняют репутацию достаточно стабильных и благоприятных

юрисдикций, что отражается в успешных раундах финансирования стартапов и интересе крупных технологических корпораций:

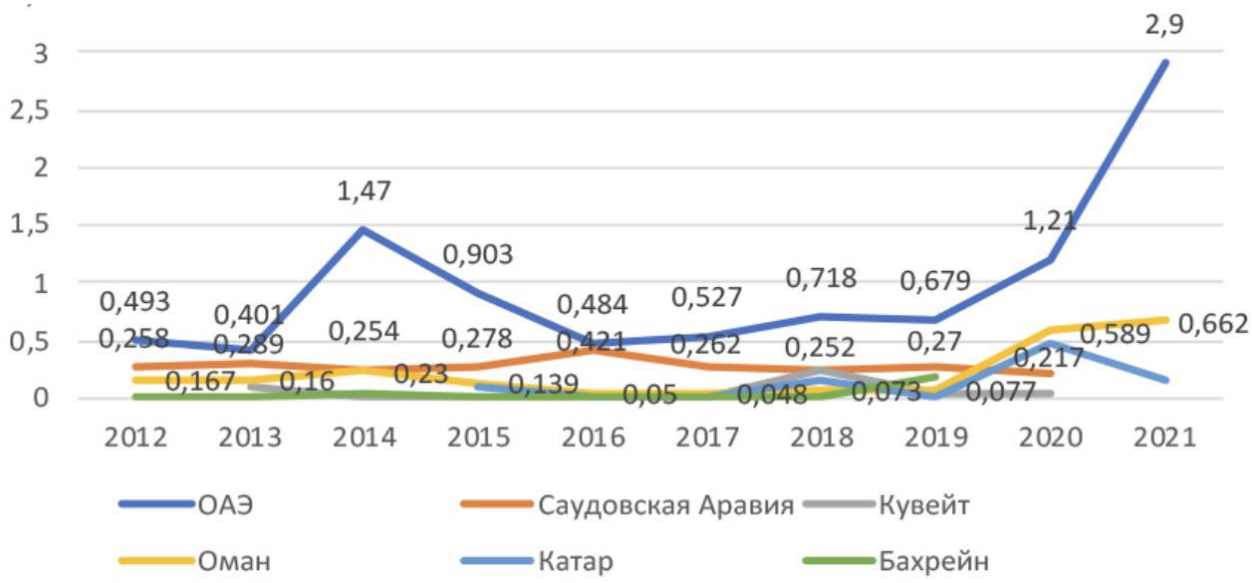

Рисунок 2. Экспорт высокотехнологичной продукции из стран ССАГПЗ, млрд долл.

[Источник: https://stimul.online/articles/analytics/innovatsii-persidskogo-zaliva на основании данных Всемирного Банка]

По данным Всемирного банка, ОАЭ добились резкого роста экспорта высоких технологий – до ~$2,9 млрд в 2021 г., тогда как другие страны остаются ниже $0,7 млрд. Такой разрыв указывает на внешнюю гетерогенность технологического развития внутри GCC[96]. Это отчасти следствие экзогенных факторов: ОАЭ лучше интегрировали глобальные технологические цепочки и привлекли иностранных специалистов, тогда как остальные страны еще «догоняют» в режиме catch-up развития, испытывая влияние традиционной специализации (нефть, газ) и внешних ограничений.

Итого, среди экзогенных факторов можно выделить как позитивные импульсы (глобальные тренды, новые технологии, иностранные инвестиции), так и внешние риски (зависимость от крупных держав и корпораций, конкуренция, мировые кризисы). Страны Персидского залива стараются воспользоваться преимуществами внешней среды – быстро перенимают

[96] Инновации Персидского залива. – URL: https://stimul.online/articles/analytics/innovatsii-persidskogo-zaliva/ (Дата обращения: 29.04.2025).

лучшие практики, сотрудничают с лидерами цифрового рынка, наращивают присутствие в международных технологических дискуссиях. Одновременно предпринимаются шаги для минимизации негативных влияний: развитие собственной экспертной базы для снижения зависимости, региональная координация (через ССАГПЗ) для усиления позиций на глобальной арене, диверсификация партнерств Восток–Запад, создание резервов на случай экономических потрясений.

Важно подчеркнуть, что границы между внутренними и внешними факторами подвижны. Например, воспитание местных кадров (внутренний фактор) позволит лучше использовать глобальные технологии (внешний фактор). Улучшение институтов внутри страны привлечет больше иностранных инвесторов. Напротив, благоприятная внешняя конъюнктура при слабой внутренней готовности может не дать эффекта. В случае государств GCC внутренние усилия и внешние возможности в последние годы сошлись: цифровизация ускорилась благодаря синергии эндогенных реформ и экзогенных драйверов.

1.3 Роль и место внешнеторговой политики стран Персидского залива в реализации стратегий цифровизации рынков

Для текущей структуры экономики стран Персидского залива характерна высокая степень устойчивости и динамичного развития, что в свою очередь коррелирует с обширными резервами углеводородов и эффективными попытками экономической диверсификации.

Инвестиционные фонды суверенных государств, развитие секторов, не связанных с добычей нефти, таких как финансовые услуги, туризм и недвижимость, а также инвестиции в инновационные технологии и возобновляемые источники энергии способствуют формированию устойчивой экономической структуры. Эти аспекты, в сочетании с политической стабильностью и активной международной торговлей, обеспечивают странам региона значительные конкурентные преимущества на глобальной экономической арене. При этом, предметно рассматривая экономическую доминантность государств Персидского залива, неизбежно приходит осознание того, что нефтяные ресурсы являются фундаментальным элементом их экономик и успеха на мировой арене.

То есть, в случае с арабскими странами Персидского залива, несмотря на активное стремление к диверсификации, нефть все еще превосходит свою первичную функцию как природный ресурс, превращаясь в инструмент финансовой, политической и стратегической мощи, что создает видимость единственного вектора дальнейшего развития арабских стран Персидского залива. Однако планы самих государств по диверсификации экономики и развитию смежных сервисов совершенно иные.

Государства Персидского залива, такие как: КСА, ОАЭ, Катар, Султанат Оман, Кувейт и Бахрейн, занимают лидирующие позиции среди мировых экспортеров нефти. Объединенные в ССАГПЗ (араб. مجلس التعاون لدول الخليج العربية)

перечисленные страны представляют собой один из наиболее влиятельных экономических альянсов[97].

В связи с этим, возникает вопрос о происхождении этой могущественной организации и о том, подвергается ли ее коллективное процветание и дальнейшее удержание лидирующих позиций в мире угрозе в свете глобального переосмысления структуры мировой экономики и ее цифровой трансформации, в рамках которой также учитывается переход на возобновляемые источники энергии, увеличение количества роботизированной техники и появление большего количество сопряженных с трансформацией цифровых услуг в различных сферах экономики каждой страны-члена ССАГПЗ.

Решение о создании ССАГПЗ (араб. مجلس التعاون لدول الخليج العربية) было принято в 1981г. на совещании совета министров иностранных дел шести стран, состоявшемся в Эр-Риаде.[98] Изначально предполагалось, что это будет способ сотрудничества по вопросам политики, будь то экономическая или даже оборонная политика. В течение нескольких лет Совет стран можно обозначить как политически спящий. Действительная активация Совета как экономического и политического альянса произошла в момент принятия первых крупных политических решений во время «Арабской весны»[99] (араб. الربيع العربي) в 2011 году.

В свою очередь, страны Персидского залива отреагировали на «арабскую весну» усилением мер безопасности и политических стратегий. Примером подобного вмешательства служит нестабильная ситуация в Йемене,

---

[97] Форма международного сотрудничества, при которой объединение стран происходит для достижения общих экономических целей

[98] Мелкумян, Е.С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах / Е.С. Мелкумян. - ИИИиБВ и ИВ РАН, М., 1999 г., 197 с. – URL: http://book.iimes.su/wp-content/uploads/1999/r99reg_1.pdf (дата обращения: 25.03.2025). – Текст: Электронный.

[99] Арабская весна – серия антиправительственных протестов, восстаний и вооруженных конфликтов, начавшихся в конце 2010 года в Тунисе, продолжающихся в более 20-ти других стран Ближнего Востока и Северной Африки, таких как: Ливия, Египет, Сирия, Йемен, Саудовская Аравия, Бахрейн, Марокко, Судан, Оман, Иордания и др. Официальная продолжительность – с 17 октября 2010 года по декабрь 2012 года.

отражающая сложности региональной политики, однако члены-государства ССАГПЗ, несмотря на некоторые разногласия, в целом склонились к военному вмешательству для стабилизации ситуации и своего влияния в регионе. Более того, на протяжении серии протестов, внутренняя реакция стран ССАГПЗ включала в себя как попытки создать более инклюзивную экономику, так и жесткие репрессии против инакомыслия. Страны ССАГПЗ провели различные экономические реформы в ответ на «арабскую весну», направленные в первую очередь на борьбу с внутренним несогласием и предполагаемыми угрозами.

В рамках отмечаемой инклюзивности экономической политики, следует отметить, что одним из ключевых ответов стали усилия по формированию более инклюзивной экономики. Это включает в себя инициативы, направленные на расширение участия в экономике, что имеет решающее значение для смягчения недовольства среди населения. Страны ССАГПЗ признали необходимость проведения реформ, которые позволили бы вовлечь в экономическую деятельность более широкие слои населения.

Несмотря на политическую напряженность, в регионе наблюдается значительная торговая активность, особенно с Ираном. Эта торговля является частью более широкой стратегии, направленной на поддержание экономической стабильности и развитие отношений, которые могут стать противовесом политическим волнениям. Государства ССАГПЗ ориентируются в этой сложной динамике, чтобы обеспечить устойчивость своих экономик перед лицом внешнего давления.

Страны ССАГПЗ - одни из самых быстрорастущих экономик в мире. Несмотря на значительное стремление к уменьшению зависимости от нефти, все они по-прежнему являются углеводородными странами, за исключением Катара, связанным с реализацией природного газа. На долю стран Персидского залива, в частности Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейта, приходится около 30% мировой добычи нефти.

Однако, так было не всегда. Экономическое развитие стран Персидского залива (Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Омана, Кувейта и Бахрейна) прошло через несколько ключевых этапов, каждый из которых оказал значительное влияние на формирование современной структуры их экономик. Эти этапы, обусловленные природными ресурсами, географическим положением и глобальными вызовами, создали основу для перехода к цифровизации и диверсификации экономики.

До открытия крупных месторождений нефти экономика стран Персидского залива основывалась на традиционных отраслях: рыболовстве, добыче жемчуга, ремесленном производстве и торговле. Географическое положение региона играло ключевую роль, превращая порты, такие как Дубай и Кувейт, в важные транзитные узлы, связывающие Индию, Африку и Европу. В конце XIX века торговля жемчугом обеспечивала до 80–90% доходов таких стран, как Бахрейн и ОАЭ. Однако в 1930-х годах развитие японской технологии культивированного жемчуга привело к резкому падению доходов, что стало серьёзным вызовом для региона.

В 1938 году в Саудовской Аравии было открыто одно из крупнейших нефтяных месторождений — Гавар, а в 1958 году нефть обнаружили в Абу-Даби. Этот период стал началом эпохи, когда нефть и газ стали главными драйверами экономического роста. Доходы от экспорта углеводородов позволили финансировать строительство инфраструктуры, больниц, школ и дорог. В Саудовской Аравии уже к 1950 году нефть составляла более 50% доходов бюджета. В Кувейте начало коммерческой добычи нефти в 1946 году привело к значительным инвестициям в социальные программы, включая бесплатное образование и здравоохранение.

В 1970-х годах цены на нефть выросли из-за энергетического кризиса 1973 года, что привело к значительному увеличению доходов стран ССАГПЗ. Саудовская Аравия стала крупнейшим мировым экспортёром нефти, обеспечивая до 25% мирового производства. В этот период страны начали инвестировать в индустриализацию. Были построены города Джубайль и Янбу

в Саудовской Аравии, ставшие крупными индустриальными центрами, ориентированными на переработку нефти и производство химической продукции. В Бахрейне появились первые шаги к развитию финансового сектора.

ОАЭ начали трансформацию своей экономики: Дубай стал развивать портовую инфраструктуру, открыв в 1979 году порт Джебель Али, который стал крупнейшим в регионе и одним из самых загруженных в мире. Параллельно началось развитие туризма, что заложило основы для превращения региона в международный деловой и туристический центр.

Снижение цен на нефть в 1980-х годах стало серьёзным вызовом для экономик региона. В Саудовской Аравии рост ВВП замедлился до 1%, а доходы бюджета снизились почти на 50%. В ответ страны начали предпринимать первые шаги к диверсификации. В Кувейте был создан Суверенный фонд будущих поколений, который инвестировал нефтяные доходы в зарубежные активы, обеспечивая стабильность бюджета. В ОАЭ акцент сделали на развитии туризма и авиационного сектора, что привело к созданию авиакомпании Emirates в 1985 году. Катар начал активные инвестиции в газовую промышленность, что позволило стране стать мировым лидером по экспорту сжиженного природного газа.

На протяжении долгого времени нефтяная зависимость оставалась доминирующим фактором. Например, в начале 2000-х годов доля нефти в ВВП Саудовской Аравии составляла около 90%, а в Катаре — более 85%. Экономическая стабильность региона находилась под угрозой из-за волатильности цен на нефть. Падение цен в 2014 году, когда баррель нефти подешевел с $100 до $30, вынудило правительства стран ССАГПЗ ускорить процесс экономической трансформации[100].

[100] Пономарева Е. А. Цифровизация экономики как движущая сила экономического роста: только ли инфраструктура имеет значение? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2021. – № 3 (51). – С. 51–68.

В рамках национальных инициатив, у стран-членов совета сотрудничества стоит четкая цель по снижению доли нефтяного сектора и замещения ее долями и развитием новых отраслей становится ключевым направлением.

Страны Персидского залива расположены на пересечении торговых маршрутов между Европой, Азией и Африкой. Это делает их важными логистическими узлами. Например, порт Джебель Али в ОАЭ обслуживает более 15 миллионов контейнеров в год, укрепляя позиции региона в мировой торговле. Саудовская Аравия активно развивает транзитные коридоры, соединяющие Красное море и Персидский залив, что способствует увеличению транспортных потоков.

Страны ССАГПЗ обладают одними из крупнейших в мире запасов нефти и газа. Саудовская Аравия владеет 16% мировых запасов нефти, что позволяет ей оставаться крупнейшим экспортером. Катар ежегодно поставляет на мировой рынок более 77 миллионов тонн СПГ, занимая первое место в мире. Эти ресурсы позволили странам не только финансировать масштабные инфраструктурные проекты, но и создавать резервы для будущих поколений[101].

Таким образом, исторические этапы развития стран ССАГПЗ, их переход от традиционных отраслей к нефтяному богатству и современные усилия по диверсификации создают устойчивую основу для дальнейшего экономического роста. В условиях глобальных вызовов и изменений на энергетическом рынке страны региона активно работают над созданием инновационных и устойчивых экономических систем.

На данный момент экономики стран ССАГПЗ продолжают активно развиваться, демонстрируя уникальное сочетание традиционной зависимости от углеводородов и стремления к диверсификации. В условиях глобальных изменений и необходимости адаптации к новым экономическим реалиям

[101] Воронцовский А. В. Цифровизация экономики и ее влияние на экономическое развитие и общественное благосостояние // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – Т. 36, № 2. – С. 189–216.

страны региона сталкиваются с задачей перехода к более устойчивой модели развития. Современное состояние их экономик можно охарактеризовать через анализ ключевых отраслей, доли углеводородов в экономике, уровня диверсификации и основных макроэкономических показателей.

Экономическая структура стран Персидского залива остаётся разнообразной, хотя углеводороды продолжают играть доминирующую роль. Однако государства региона активно развивают нефинансовые сектора, такие как туризм, логистика, финансы и технологии.

Нефтегазовая промышленность остается основой экономики большинства стран и обеспечивает, например, в Саудовской Аравии около половины ВВП и 70% экспортной выручки. Катар лидирует на мировом рынке экспорта сжиженного природного газа (СПГ), который приносит стране более 60% всех доходов. В то же время такие страны, как ОАЭ и Бахрейн, добились значительного прогресса в диверсификации экономики за счёт туризма, финансов и технологий.

Другие важные отрасли включают:

- Строительство и инфраструктура: проекты, такие как NEOM в Саудовской Аравии, создают новые центры экономического роста и рабочие места;
- Туризм: в ОАЭ туризм стал ключевым драйвером роста, привлекая миллионы туристов ежегодно. В Саудовской Аравии развитие туризма является частью стратегии Vision 2030;
- Логистика и транспорт: порты ОАЭ, такие как Джебель Али, занимают лидирующие позиции в мировой торговле[102].

Однако, нефтегазовый сектор остается ключевым источником доходов для стран региона, несмотря на усилия по диверсификации, о чем свидетельствует текущее состояние углеводородного сектора:

[102] Parcero, O., & Ryan, J. C. (2024). Becoming a Knowledge Economy: the Case of Qatar, UAE and 17 Benchmark Countries.

Таблица 3. Доля углеводородов в экономике стран ССАГПЗ в 2023 г.

[Источник: составлено автором на основании данных источника: World Bank. (2023). Digital Progress and Trends Report. Washington, DC: World Bank.]

Страна	**Доля нефти и газа в ВВП, %**	**Доля в экспортной выручке, %**	**Доля в бюджете, %**
Саудовская Аравия	50	70	65
ОАЭ	30	40	40
Катар	60	85	70
Кувейт	60	90	80
Оман	65	85	75
Бахрейн	20	40	25

Четко отражено, что Саудовская Аравия, Кувейт и Катар продолжают сильно зависеть от углеводородного сектора, который обеспечивает значительную часть их бюджетных доходов и экспортной выручки. В то же время ОАЭ и Бахрейн демонстрируют более диверсифицированную структуру, где нефть и газ составляют менее 40% ВВП. Бахрейн, с его небольшими нефтяными запасами, делает ставку на развитие финансовых услуг, туризма и логистики. ОАЭ, благодаря Дубаю и Абу-Даби, активно продвигают новые технологии, умные города и альтернативные источники энергии.

Эти цифры подтверждают важность нефтегазового сектора для экономической устойчивости, но также подчеркивают необходимость ускорения процессов диверсификации, особенно в странах с высокой зависимостью от углеводородов, таких как Оман и Кувейт.

Процесс диверсификации в странах региона идет неравномерно. ОАЭ занимают лидирующую позицию благодаря активным инвестициям в нефинансовые сектора:

Таблица 4. Основные направления диверсификации в странах ССАГПЗ

[Источник: составлено автором на основании данных источника: PwC Middle East. (2021). Energizing the Gulf Digital Economy. PwC Report.]

Страна	**Основные направления диверсификации**
ОАЭ	Туризм, логистика, финансы, искусственный интеллект
Саудовская Аравия	Туризм, возобновляемая энергетика, стартапы
Катар	Спорт, образование, медицина
Кувейт	Финансовые услуги, строительство
Оман	Рыболовство, транспорт, горнодобывающая промышленность
Бахрейн	Финансы, логистика, туризм

Эти направления показывают, что диверсификация становится важным фактором роста, однако скорость её внедрения различается. ОАЭ значительно опережают другие страны, в то время как Оман и Кувейт сталкиваются с вызовами из-за ограниченного объёма инвестиций.

Однако, страны показывают достаточно высокий уровень общей экономической стабильности при условии всей проблематики активной диверсификации экономики:

Таблица 5. Основные макроэкономические показатели стран ССАГПЗ в 2023 г. [Источник: UNCTAD. (2024). Digital Economy Report 2024. New York: United Nations Conference on Trade and Development.]

Показатель	**КСА**	**ОАЭ**	**Катар**	**Кувейт**	**Оман**	**Бахрейн**
ВВП, трлн $	1.0	0.5	0.3	0.2	0.1	0.04
Рост ВВП, %	7.6	5.9	3.4	3.0	2.7	3.1
Уровень Инфляции, %	2.5	2.1	1.8	3.2	2.9	3.4
Уровень Безработицы, %	6.9	3.4	0.2	2.1	3.0	4.2

Саудовская Аравия показывает высокий рост ВВП, что связано с реализацией реформ Vision 2030. ОАЭ сохраняют низкую инфляцию и безработицу благодаря развитию новых секторов. Катар демонстрирует минимальный уровень безработицы, что связано с малой численностью населения и высоким уровнем инвестиций в инфраструктуру[103].

Современное состояние экономик стран Персидского залива отражает их устойчивость к внешним вызовам и способность адаптироваться к новым условиям. Однако для дальнейшего роста необходимы ускорение диверсификации, развитие человеческого капитала и поддержка инновационных технологий.

Исходя из исторических аспектов и текущей стадии трансформации экономической отрасли стран ССАГПЗ, следует, что цифровизация экономик стран ССАГПЗ представляет собой стратегический выбор, обусловленный

[103] Saudi Arabia Vision 2030. (2022). Annual Report on Digital Initiatives. Riyadh: Ministry of Economy.

сочетанием глобальных и внутренних факторов. Эти государства стремятся снизить зависимость от углеводородов, адаптироваться к быстро меняющейся мировой экономике и решать социально-демографические вызовы. Понимание факторов, способствующих переходу к цифровизации, позволяет оценить логику трансформации экономик региона.

Глобализация изменила традиционные механизмы экономического роста, усилив конкуренцию между странами за инвестиции, технологии и человеческий капитал. Страны ССАГПЗ, благодаря своему географическому положению, находятся на пересечении важнейших торговых маршрутов между Европой, Азией и Африкой.

Однако конкуренция со странами Восточной Азии, активно внедряющими технологии, и европейскими государствами, доминирующими в высокотехнологичных секторах, создаёт значительное давление:

- Повышение требований к инвестиционной привлекательности. Введение льготных налоговых режимов и упрощение бизнес-процессов стало важным условием для привлечения международного капитала. Например, в ОАЭ создано более 20 свободных экономических зон, включая Dubai Internet City, которые ориентированы на развитие IT и технологий;
- Сотрудничество с международными компаниями. Страны региона активно привлекают ведущие технологические компании. Так, Microsoft и Amazon Web Services инвестировали миллиарды долларов в создание дата-центров на территории ОАЭ и Саудовской Аравии, что позволяет регионам интегрироваться в глобальную цепочку создания цифровых продуктов[104].

Нестабильность цен на нефть и перспективы снижения глобального спроса на углеводороды вынуждают страны Персидского залива

[104] Пономарева Е. А. Цифровизация экономики как движущая сила экономического роста: только ли инфраструктура имеет значение? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2021. – № 3 (51). – С. 51–68.

адаптироваться к новым реалиям. Это давление вызвано несколькими факторами:

- Появление новых экспортёров. США с их сланцевой нефтью, Россия и страны Африки постепенно занимают позиции, ранее принадлежавшие государствам Персидского залива. Доля стран ССАГПЗ в общемировом экспорте нефти сократилась с 40% в 1980-х годах до 30% в 2020-х;
- Развитие возобновляемой энергетики. Европейские страны, Китай и Индия активно инвестируют в солнечную и ветровую энергетику. К 2030 году доля альтернативных источников энергии в общем мировом производстве энергии может вырасти до 20%, что приведёт к снижению зависимости от нефти;
- Давление на экологические стандарты. Введение углеродных налогов в странах ЕС и других регионах создаёт дополнительные барьеры для экспорта нефти и газа. Для адаптации Саудовская Аравия и ОАЭ начали развивать зелёные энергетические проекты. Например, проект Masdar[105] в Абу-Даби стал одним из крупнейших в мире примеров устойчивого развития[106].

Снижение мирового спроса на нефть и увеличение доли газа подтверждают необходимость перестройки энергетических стратегий. Катар и Саудовская Аравия активно инвестируют в СПГ-проекты, чтобы

[105] Проект, созданный в 2006г., сосредоточенный на использовании исключительно возобновляемых источников энергии, с ключевыми особенностями, такими как нулевой углеродный след и высокие технологии. Изначально был основан как часть более широкой стратегии Абу-Даби по диверсификации экономики и переходу к устойчивым источникам энергии. Он был задуман как модель для устойчивой городской среды и разработки технологий в области возобновляемой энергии. Masdar City ориентирован на использование солнечной и ветровой энергии. Важным элементом является солнечная электростанция мощностью 10 МВт, построенная в рамках проекта, а также важной его особенностью является проектирование с учетом уменьшения потребления энергии и воды, включая использование специальных материалов. По состоянию на 2024 год проект находится на стадии строительства.

[106] UNCTAD. (2024). Digital Economy Report 2024. New York: United Nations Conference on Trade and Development.

соответствовать новым требованиям рынка. Например, Катар планирует увеличить экспорт СПГ до 126 млн тонн к 2027 году, что составит более 25% мирового рынка:

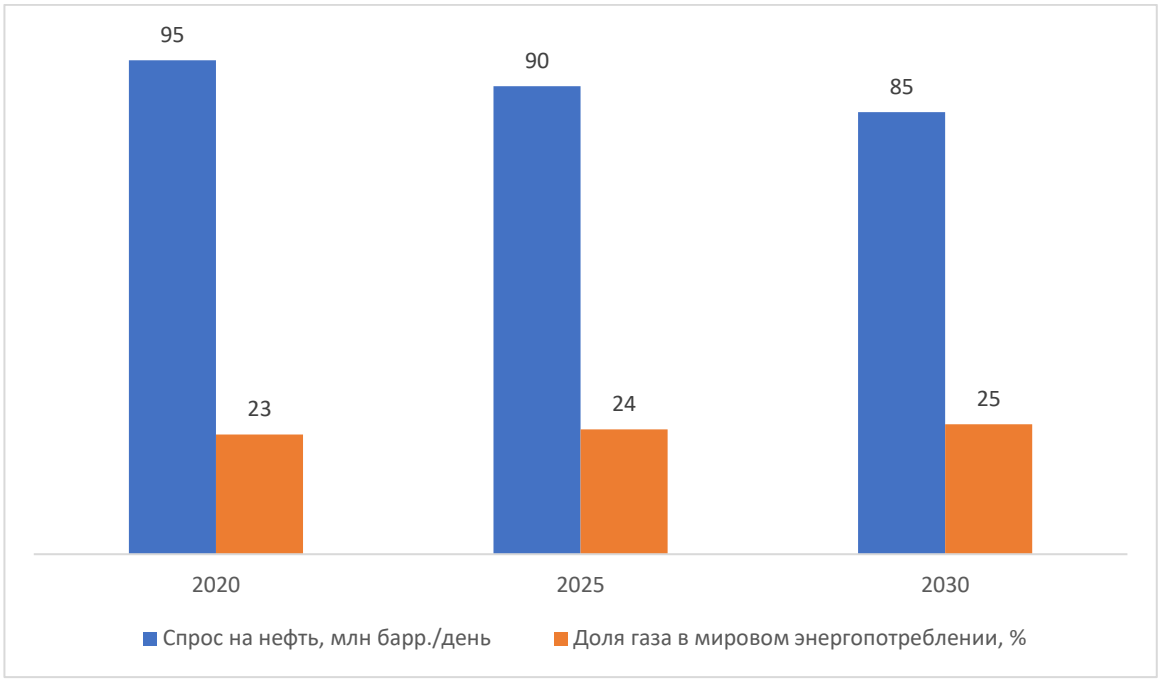

Рисунок 3. Динамика мирового спроса на нефть и газа (прогноз до 2030 года) [Источник: World Economic Forum. (2022). The Eight Digital Trends Defining The GCC's Future. Geneva: WEF.]

Помимо этого, социально-демографические изменения создают как вызовы, так и возможности для цифровизации. Молодое население региона, урбанизация и потребности в улучшении качества жизни требуют внедрения цифровых решений. Более 50% населения стран региона моложе 30 лет. Это поколение активно использует технологии и формирует спрос на цифровые услуги. В крупных городах, таких как Дубай, Эр-Рияд и Доха, население увеличивается на 2-3% ежегодно, что требует развития умной инфраструктуры.

В Саудовской Аравии уровень безработицы среди молодёжи превышает 25%, что заставляет правительство создавать рабочие места в высокотехнологичных секторах:

Таблица 6. Социальные и демографические показатели стран ССАГПЗ в 2023 г.

[Источник: составлено автором на основании данных источника: International Telecommunication Union (ITU). (2023). Digital Trends in the Arab States: Insights from GCC Economies. Geneva: ITU]

Страна	**Молодёжь до 30 лет, %**	**Уровень Урбанизации, %**	**Безработица среди молодёжи, %**
Саудовская Аравия	55	83	25
ОАЭ	48	86	7
Катар	52	91	3
Кувейт	49	85	12
Оман	53	78	17
Бахрейн	47	89	10

Высокая доля молодёжи создаёт большой потенциал для развития IT-отрасли, стартапов и образовательных технологий. Урбанизация усиливает потребность в цифровых решениях, таких как умные города, которые могут улучшить качество жизни.

Страны ССАГПЗ находятся в точке, где сочетание глобальных и внутренних факторов требует от них ускорения цифровизации. Глобализация, изменения на энергетическом рынке, значимость технологий и социальные вызовы определяют направление развития региона. Внедрение цифровых решений становится не только ответом на вызовы, но и возможностью для формирования устойчивой экономики[107], которая в свою очередь прошла несколько ключевых этапов: от традиционных отраслей, таких как рыболовство и добыча жемчуга, до нефтегазового бума, который стал основой их современного благосостояния. Нефтяная зависимость позволила странам создать значительные финансовые резервы, но одновременно сделала их уязвимыми перед волатильностью мирового энергетического рынка. Этот фактор стал катализатором для поиска новых путей экономического роста, включая цифровую трансформацию.

[107] Кузнецов С. В. Концепция устойчивого развития в условиях цифровой экономики // В кн.: Междисциплинарное исследование процессов трансформации социально-экономического пространства и территориального развития регионов. – СПб.: ГУАП, 2021. – С. 225–236.

Все это напрямую сопряжено с внешнеторговой политикой стран, которая дополнительно отражает активное стремление к цифровизации. Сама по себе внешнеторговая политика представляет собой совокупность мер, направленных на регулирование внешней торговли, расширение экономических связей с другими странами, а также на оптимизацию условий для международной экономической интеграции. В более широком контексте она включает в себя как внешнеэкономические стратегии, так и договорные обязательства, которые формируют внешнюю среду для национальных экономик.

Для стран Персидского залива внешнеторговая политика имеет особое значение, поскольку эти государства традиционно ориентированы на экспорт природных ресурсов, однако в последние десятилетия происходит явная диверсификация экономик, включая активное внедрение цифровых технологий и развитие высокотехнологичных секторов, обеспечивая доступ к передовым технологиям, стимулируя электронную торговлю и интегрируя национальные рынки в глобальную цифровую экономику. Для государств Залива характерны высокие показатели проникновения интернета и мобильной связи, а также значительные инвестиции в ИКТ-инфраструктуру.

Так, трансформация внешнеторговой политики государств ССАГПЗ в 2010-е—2020-е гг. стала ключевым инструментом, который стимулирует внутреннюю цифровизацию до уровня глобальной конкурентоспособности. В ее основе лежит, в первую очередь, последовательная либерализация доступа к технологиям и нормотворческое участие в формировании правил цифровой торговли. На тарифном уровне все шесть стран присоединились к Соглашению ВТО по информационным технологиям (ITA), что обеспечивает нулевые пошлины на широкий перечень ИКТ-товаров (компьютеры, сетевое и телеком-оборудование, компоненты), удешевляя импорт критичных для цифровизации решений и ускоряя их диффузию в частном и государственном секторах. Участники ITA покрывают около 97% мировой торговли ИКТ-

продукцией, что позволяет странам Залива быстро интегрироваться в глобальные цепочки поставок технологического оборудования[108].

Наряду с тарифной либерализацией страны региона продвигают режим предсказуемости цифровых потоков. Во-первых, они поддерживают многосторонний мораторий ВТО на пошлины на электронные передачи (digital transmissions), что сохраняет трансграничные поставки программного обеспечения, цифрового контента и данных беспошлинными. На Министровской конференции ВТО-13 в Абу-Даби действие моратория продлено до 2026 г., что, по оценке бизнеса, снижает регуляторную неопределённость для кросс-бордер e-commerce и экспорта цифровых услуг компаний из GCC[109]. Во-вторых, государства Залива являются активными участниками совместной инициативы ВТО по электронной торговле (JSI), где в 2024 году были стабилизированы первые глобальные правила цифровой торговли — признание электронных транзакций и подписей, защита прав потребителей онлайн, запрет таможенных пошлин на электронные передачи между участниками и др. положения.

На региональном уровне интеграции страны ССАГПЗ предпринимают активные усилия по гармонизации нормативно-правовой базы в сфере электронной торговли и цифровых услуг. В 2024 году министры торговли стран Совета подтвердили движение к унифицированной законодательной рамке для электронной коммерции, включающей гармонизацию правил электронных сделок, потребительской защиты онлайн, признания электронных подписей и упрощения посылочной торговли. Данный подход снижает транзакционные издержки для бизнеса и повышает масштаб рынка за счёт свободного доступа предпринимателей ко всем потребителям GCC как к

---

[108] Information Technology Agreement — 20 Years of Trade (Chapter 5) — URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/ita20years_2017_chap5lp_e.pdf (Дата обращения: 26.04.2025).

[109] WTO e-commerce tariff moratorium wins temporary reprieve. – URL: https://www.reuters.com/technology/wto-e-commerce-tariff-moratorium-wins-temporary-reprieve-2024-03-01/ (Дата обращения: 26.04.2025**).**

единому цифровому пространству. Поддержка ОАЭ и профильные заявления министерств подтверждают курс на совместные регуляторные стандарты и сопряжение с проектами Таможенного союза и Общего рынка GCC[110]. Координация в рамках Digital Cooperation Organization (DCO) и GCC на период 2025–2026 годов запланирована в областях цифрового управления, политики в отношении данных, регулирования искусственного интеллекта и стандартизации правил электронной коммерции, что отражает признание того, что единые регуляторные подходы к цифровой торговле способствуют укреплению позиций региона в глобальной экономике.

Необходимо также отметить активное применение двусторонних соглашений нового поколения, что отражено в последних всеобъемлющем соглашении об экономическом партнерстве[111] и соглашениях о свободной торговле[112] , где участвуют страны региона, растёт удельный вес глав о цифровой торговле: недискриминация цифровых продуктов, локализация серверов по принципу необходимости, кросс-граничные потоки данных при надлежащей защите, электронная аутентификация, paperless-trade и др. Подобный договорной каркас экспортирует во внешние отношения принципы, на которых уже строятся национальные программы цифровизации государственных услуг, финтеха и govtech-решений, фактически конвертируя

---

[110] UAE reiterates support for GCC's joint efforts to enhance intra-trade prospects, facilitate investment flows & establish unified legislative framework for e-commerce — Ministry of Economy & Tourism (UAE). – URL: https://www.moet.gov.ae/en/-/uae-reiterates-support-for-gcc-s-joint-efforts-to-enhance-intra-trade-prospects-facilitate-investment-flows-establish-unified-legislative-framework-for-e-commerce (Дата обращения: 04.05.2025).

[111] Данное соглашение, помимо снижения тарифов, охватывает услуги, инвестиции, госзакупки, цифровую торговлю (е-подписи, потоки данных, недискриминация цифровых продуктов, paperless trade, защита онлайн-потребителей и т.п.). В качестве примеров стоит выделить: СЕРА ОАЭ–Индия (в силе с 1 мая 2022) и ОАЭ–Израиль (в силе с 1 апреля 2023)

[112] В качестве примера стоит привести GCC–Singapore FTA (вступил в силу с 1 сентября 2013) - всеобъемлющее соглашение о свободной торговле между ССАГПЗ и Сингапуром, подписанное 15 декабря 2008 г. в Дохе. Оно стало первым, заключенным ССАГПЗ с государством вне Ближнего Востока и охватывает торговлю товарами и услугами, инвестиции, таможенные процедуры, госзакупки и электронную коммерцию, формируя предсказуемые правила для поставщиков цифровых услуг и устраняя до 99 % тарифов на взаимную торговлю (включая режимы происхождения и paperless-trade).

внутреннюю цифровую трансформацию в экспорт цифровых услуг[113]. Примечательно, что в договоре о свободной торговле между странами ССАГПЗ и государствами ЕАЭС, вступившем в переговорную стадию в марте 2023 года, одной из ключевых тем наряду с устранением технических барьеров определена цифровая торговля и защита интеллектуальной собственности.

Спрос на подобные договорные режимы объясняется структурной динамикой рынков региона. По оценкам отраслевых аналитиков, рынок электронной коммерции GCC растёт на приблизительно 11% в год и может приблизиться к 50 млрд долларов США к 2027 году; широкое проникновение интернета и социальной коммерции делает трансграничные заказы новой нормой. Именно в этом аспекте внешнеторговая политика — через многосторонние и двусторонние нормы — снимает барьеры и снижает трансакционные издержки, а логистические и таможенные регламенты упрощают процедуры[114].

Наконец, сопряжение внешнеторговой политики с цифровизацией в ССАГПЗ работает в трёх взаимодополняющих плоскостях: во-первых, либерализация и обеспечение предсказуемости доступа к ИКТ-товарам (через членство в ITA) формирует аппаратное обеспечение и сетевую инфраструктуру как материальную базу цифровой экономики; во-вторых, договорные правила для безбарьерной электронной торговли и цифровых потоков (многосторонний мораторий ВТО, инициативы JSI, главы о цифровой торговле в двусторонних соглашениях) создают правовой слой, регулирующий трансграничные услуги и данные; в-третьих, региональная гармонизация нормативной базы (унифицированная рамка электронной

[113] EU strengthens digital trade and e-commerce rules — European Commission Press Release. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_4022 (Дата обращения: 01.11.2025)

[114] E-commerce landscape in GCC — DHL. – URL: https://www.dhl.com/discover/en-sg/logistics-advice/import-export-advice/e-commerce-landscape-in-gcc (Дата обращения: 01.11.2025)

коммерции ССАГПЗ) обеспечивает масштабирование спроса и снижение транзакционных издержек на общем рынке Совета.

Рыночная динамика в секторе электронной коммерции и растущая доля ИКТ-услуг в структуре экспорта подтверждают, что внешнеторговые решения уже успешно трансформируются в конкретные результаты в цифровом секторе. Таким образом, внешнеторговая политика стран Персидского залива, исторически ориентированная на экспорт углеводородов и предоставление логистических услуг, претерпевает фундаментальные изменения под влиянием процессов цифровой трансформации. Системное развитие рынков цифровых услуг, поддерживаемое согласованной региональной политикой, становится катализатором не только диверсификации национальных экономик, но и пересмотра конфигурации международной торговой специализации ССАГПЗ в глобальной экономике.

Глава 2. Цифровизация экономических процессов в странах Персидского залива

2.1 Цифровизация и формирование современной структуры экономики в странах Персидского залива

Изменчивость цен на нефть, которые падали ниже 40 долларов за баррель и даже достигали отрицательных значений во время глобальной пандемии, подтверждает необходимость экономической диверсификации. Страны региона активно работают над разработкой стратегий диверсификации и осознают изменения в мировом порядке.

Ввиду того, что экономическую модель региона определяли более 80 лет нефтяного процветания, изменение структуры требует значительных усилий и времени. Однако благодаря активной диверсификации начали развиваться высокотехнологичные сектора, такие как финтех, искусственный интеллект и возобновляемая энергетика. В таких странах, как ОАЭ и Катар, доля ненефтяных секторов в ВВП достигла 30–40%, что свидетельствует о растущей важности цифровых технологий.

Переход стран региона к цифровизации был обусловлен как внутренними, так и внешними факторами:

- глобализация и международная конкуренция: конкуренция с развитыми странами и потребность интеграции в мировую экономику подтолкнули страны к внедрению современных технологий;
- волатильность энергетического рынка: колебания цен на нефть создали необходимость поиска устойчивых источников доходов;
- социальные и демографические вызовы: быстрое увеличение численности молодого населения требует создания новых рабочих мест, что стимулирует развитие технологического сектора.

Уникальное географическое расположение стран ССАГПЗ, находящихся на пересечении мировых торговых маршрутов, создаёт преимущества для развития цифровой экономики, включая логистику,

транспорт и электронную коммерцию. Это делает цифровизацию важным инструментом для усиления их конкурентоспособности на глобальном уровне.

В условиях глобальных вызовов, таких как переход к зелёной энергетике и усиление конкуренции на мировом рынке, цифровизация стала стратегической необходимостью для стран региона. Она позволяет не только повысить эффективность существующих отраслей, но и создать новые сектора экономики, ориентированные на технологии и инновации.

Исторические предпосылки, текущая экономическая структура и стратегические вызовы сформировали основу для перехода стран ССАГПЗ к цифровизации. Развитие технологий стало ключевым направлением их диверсификации, что позволяет адаптироваться к изменениям мировой экономики и обеспечить устойчивый рост в долгосрочной перспективе.

Таким образом, основными элементами модели цифровой трансформации стран Персидского залива по состоянию на 2024 год являются:

1. Цифровая основа: ответственные органы власти, инфраструктура, политика и нормативные акты выступают в качестве ключевых элементов для внедрения цифровых инноваций.

2. Национальная стратегия цифровизации является ключевым фактором, способствующим развитию цифровой экономики. Для достижения значительного социально-экономического эффекта необходимо улучшить внедрение цифровых технологий правительством, бизнесом и частными лицами.

3. Отраслевые инновации играют решающую роль в цифровой экономике. Трансформация экономики осуществляется путем изменения традиционных бизнес-моделей и создания новых на базе знаний. Централизованное внедрение цифровых технологий на отраслевом уровне способствует диверсификации экономики.

4. Навыки работы с цифровыми технологиями являются основой и отправной точкой для их широкомасштабного внедрения. Эффективное использование цифровых технологий требует специальных навыков в области

информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что предполагает инвестиции государства в образование и науку.

5. Цифровая экосистема прорывных технологий выступает в качестве катализатора масштабных преобразований. Комплексная экосистема ИКТ создает благоприятную среду, способствует инновациям в подсекторах и приносит значительные выгоды предпринимателям, малым и средним предприятиям.

6. Стабильный приток финансового капитала и технологий – основные составляющие процесса цифровизации. Финансирование имеет чрезвычайно важное значение для реализации любых цифровых стратегий и программ развития.

Способность стран Персидского залива извлекать выгоду из цифровизации разная и зависит от преобладающей инфраструктуры ИКТ, условий доступа к ней, эффективности институтов поддержки, масштабов государственного финансирования и общей структуры экономики. В таких условиях встает задача оценки элементов модели цифровизации государств ССАГПЗ для определения ее эффективности и установления факторов, сдерживающих цифровую трансформацию в некоторых государствах региона.

Уникальное географическое расположение стран ССАГПЗ, находящихся на пересечении мировых торговых маршрутов, создаёт преимущества для развития цифровой экономики, включая логистику, транспорт и электронную коммерцию. Это делает цифровизацию важным инструментом для усиления их конкурентоспособности на глобальном уровне.

В условиях глобальных вызовов, таких как переход к зелёной энергетике и усиление конкуренции на мировом рынке, цифровизация стала стратегической необходимостью для стран региона. Она позволяет не только повысить эффективность существующих отраслей, но и создать новые сектора экономики, ориентированные на технологии и инновации.

Исторические предпосылки, текущая экономическая структура и стратегические вызовы сформировали основу для перехода стран ССАГПЗ к

цифровизации. Развитие технологий стало ключевым направлением их диверсификации, что позволяет адаптироваться к изменениям мировой экономики и обеспечить устойчивый рост в долгосрочной перспективе.

При вступлении в ВТО (2005 г.) Саудовская Аравия присоединилась к Соглашению ВТО по информационным технологиям (ITA), тем самым обнулив таможенные пошлины на широкий спектр ИКТ-оборудования[115]. Это решение значительно удешевило импорт компьютеров, телекоммуникационного оборудования и электроники, создав основу для цифровой трансформации экономики. С конца 2010-х годов Эр-Рияд также последовательно снижает нетарифные барьеры и упрощает процедуры импорта высокотехнологичных товаров. Например, была модернизирована система таможенного оформления с упором на электронный документооборот и «единого окна», что ускорило ввоз цифровой техники и компонентов. Параллельно государство стимулирует экспорт собственных цифровых продуктов и услуг: хотя доля ИКТ в экспорте пока невелика (например, на 2021 год ИКТ-товары составляли лишь ~0,4%[116] от товарного экспорта), власти запускают программы развития IT-сектора и стартапов для увеличения несырьевого экспорта.

Конкретные меры торговой политики Саудовской Аравии, направленные на цифровизацию, включают налоговые льготы и создание специальных зон для технологичных компаний. В 2023 году была запущена специализированная Особая экономическая зона для облачных технологий в Эр-Рияде[117], предлагающая льготные условия для размещения центров обработки данных и облачных сервисов. Эта «Cloud Computing Special

---

[115] WTO. Document Download – URL: https://web.wtocenter.org.tw/downFiles/13730/396141/009M1vCXHQ8ls3IRB11111TWbgCekTGynZ9nqPn2TGiKiIj6xKgyiLoO3JyhLH5NYlXgO11111SL5hh9Mfmcc0EDJ8G1Gx2Q== (Дата обращения: 10.01.2025).

[116] Saudi Arabia – ICT Goods Exports (% of Total Goods Exports) – URL: https://tradingeconomics.com/saudi-arabia/ict-goods-exports-percent-of-total-goods-exports-wb-data.html (Дата обращения: 12.01.2025).

[117] Arab News. Saudi Arabia’s Digital Economy Strategy Progress – URL: https://www.arabnews.com/node/2568684/business-economy (Дата обращения: 14.01.2025).

Economic Zone» предоставляет упрощенное регулирование и налоговые стимулы компаниям в сфере облачных услуг, что должно ускорить переход к отечественным дата-центрам и развитию инфраструктуры для больших данных и искусственного интеллекта. Кроме того, правительство предоставляет иностранным инвесторам в IT-секторе беспрецедентные условия – согласно анализу, в 2022 году приток ПИИ в Саудовскую Аравию достиг $22 млрд, значительная часть которых направлена в высокотехнологичные отрасли (финтех, электронная коммерция, ИИ и т.д.)[118]. Отмена ограничений на иностранное владение компаниями в ряде отраслей, в том числе в сфере информационных технологий, способствовала привлечению крупных глобальных игроков.

На международной арене королевство активно участвует в выработке правил цифровой торговли. В июле 2024 г. Саудовская Аравия, наряду примерно с 80 другими странами, поддержала согласование первых глобальных правил электронной торговли в рамках совместной инициативы ВТО[119]. Это историческое соглашение охватывает признание электронных транзакций (цифровых подписей, электронных контрактов), защиту прав потребителей онлайн и запрет таможенных пошлин на трансграничные электронные передачи данных. Участие Саудовской Аравии в данной инициативе подтверждает ее приверженность интеграции в глобальные цифровые рынки и созданию благоприятных условий для электронной коммерции. Кроме того, страна укрепляет двустороннее сотрудничество в цифровой сфере: так, с Китаем подписаны соглашения о технологическом партнерстве (включая развитие 5G-сетей и «умных городов»), а с ЕС ведется диалог по регулированию электронных услуг и кибербезопасности. В итоге,

[118] Akin Gump. WTO MC13 Should Take Inspiration from UAE Success – URL: https://www.akingump.com/en/insights/blogs/ag-trade-law/wto-mc13-should-take-inspiration-from-uae-success (Дата обращения: 16.01.2025).

[119] Gulf Business. Saudi Arabia Joins Global E-commerce Agreement – URL: https://gulfbusiness.com/saudi-arabia-global-e-commerce-agreement (Дата обращения: 18.01.2025).

внешнеторговая политика Саудовской Аравии эволюционирует от традиционного фокуса на нефтяной торговле к поддержке цифровой экономики – путем либерализации импорта технологий, экспорта ИКТ-услуг и участия в формировании международных правил цифровой торговли.

В свою очередь, ОАЭ – признанный лидер региона по темпам цифровизации и развитию электронной торговли. Стратегия «Digital Economy» правительства ОАЭ ставит цель увеличить долю цифровой экономики с текущих ~11–12% ВВП до 20% к началу 2030-х годов[120]. Для достижения этой цели Эмираты проводятся чрезвычайно открытая внешнеторговая и инвестиционная политика. На национальном уровне базовая ставка импортного тарифа составляет всего 5%, и подавляющее большинство промышленных товаров, включая электронику и ИКТ-оборудование, облагаются пошлиной не выше этого уровня либо вовсе освобождены от нее[121]. Более того, ОАЭ, как и Саудовская Аравия, являются участником ITA ВТО, что означает нулевые пошлины на ключевые категории информационно-коммуникационных товаров. Тем самым импорт современной техники – от серверов до смартфонов – максимально облегчен, что снижает издержки цифрового сектора.

В дополнение к низким тарифам, ОАЭ заключает сеть двусторонних соглашений о свободной торговле нового поколения, которые включают разделы о цифровой торговле. В 2022–2023 гг. Эмираты подписали Комплексные экономические партнерства (CEPA) с Индией, Израилем, Индонезией и др., предусматривающие упрощение трансграничной электронной коммерции, совместное развитие финтеха и обмен данными при соблюдении стандартов конфиденциальности. Наряду с недавними

---

[120] Thomson Reuters. UAE Digital Economy Strategy Fuels Tech Transformation – URL: https://insight.thomsonreuters.com/mena/legal/posts/uae-digital-economy-strategy-fuels-tech-transformation (Дата обращения: 20.01.2025).

[121] Akin Gump. WTO MC13 Should Take Inspiration from UAE Success – URL: https://www.akingump.com/en/insights/blogs/ag-trade-law/wto-mc13-should-take-inspiration-from-uae-success (Дата обращения: 22.01.2025).

инициативами, ОАЭ также пользуются плодами ранее заключенных соглашений через Совет сотрудничества – например, ССАГПЗ имеет соглашения с EACT (Европейской ассоциацией свободной торговли) и Сингапуром, включающие положения об электронных услугах и инвестициях в технологии. Таким образом, внешнеторговые договоры ОАЭ формируют обширную зону свободной цифровой торговли, охватывающую ключевые мировые рынки.

Отдельно следует отметить роль свободных экономических зон ОАЭ, специально ориентированных на ИКТ и электронную коммерцию. Еще в начале 2000-х были учреждены Dubai Internet City и Dubai Silicon Oasis, предлагающие зарубежным IT-компаниям 100%-ное иностранное владение, налоговые каникулы и современную инфраструктуру. В 2017 г. в Дубае создана свободная зона Dubai CommerCity, первая в регионе, специально предназначенная для трансграничной электронной торговли: она предоставляет логистические и таможенные льготы предприятиям e-commerce, что превращает Дубай в узел реэкспорта онлайн-товаров по всему Ближнему Востоку. Такой комплекс мер привел к тому, что ОАЭ стали крупнейшим e-commerce рынком на душу населения в арабском мире – объем интернет-торговли в стране достиг $3,9 млрд в 2020 году (рост на 53% за год)[122] и продолжает увеличиваться двузначными темпами.

Притягивая технологические компании со всего мира, ОАЭ одновременно стимулируют и собственные цифровые решения на экспорт. Инновационные сервисы в сферах govtech (электронного правительства), smart city и финтех, обкатанные в Дубае и Абу-Даби, продвигаются на международные рынки при поддержке государства. Экспорт услуг ИКТ из ОАЭ уже заметен в статистике: по данным МВФ, на 2023 г. около 8,3% экспортных услуг страны составляли информационно-коммуникационные

[122] U.S. Department of Commerce. United Arab Emirates - eCommerce – URL: https://www.trade.gov/country-commercial-guides/united-arab-emirates-ecommerce (Дата обращения: 24.01.2025).

услуги (телекоммуникации, компьютерные и пр.)[123]. Для расширения экспорта услуг правительство ОАЭ разработало специальную Стратегию экспорта услуг, нацеленную на поддержку компаний, работающих за рубежом (например, в сфере программного обеспечения и консалтинга). В целом, благодаря проактивной торговой политике (минимальные барьеры, сеть соглашений, льготные зоны), ОАЭ сумели закрепиться как региональный узел цифровой торговли и привлекательная платформа для международных IT-бизнесов.[124] Это, в свою очередь, ускоряет достижение целей цифровизации экономики страны.

Тем временем Катар, обладая одним из самых высоких уровней ВВП на душу населения, делает ставку на построение «экономики знаний» и цифровой инфраструктуры мирового класса, что отражено в Национальной визии «Катар–2030». Внешнеторговая стратегия Катара в контексте цифровизации сочетает либерализацию, партнерство с глобальными технологическими компаниями и развитие собственного экспортного потенциала в сфере ИКТ. Как участник ВТО с 1996 г., Катар был одним из первых государств региона, присоединившихся к Соглашению ITA, что обеспечило обнуление пошлин на импорт высокотехнологичной продукции. Это позволило Дохе сравнительно дешево импортировать телекоммуникационное оборудование, вычислительную технику и электронику для строительства современной цифровой инфраструктуры. В 2022 г. Катар привлек крупные инвестиции от мировых «гиперскейлеров» – например, были открыты национальные облачные центры данных Microsoft Azure и Google Cloud[125]. Такие партнёрства означают трансфер технологий и превращение Катара в региональный узел по

---

[123] World Bank. ICT Service Exports (% of Service Exports, BOP) – URL: https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.CCIS.ZS (Дата обращения: 26.01.2025).

[124] 360tf. UAE Set to Launch Services Export Strategy – URL: https://www.360tf.trade/uae-set-to-launch-services-export-strategy (Дата обращения: 28.01.2025).

[125] U.S. Department of Commerce. Qatar - Digital Economy – URL: https://www.trade.gov/country-commercial-guides/qatar-digital-economy (Дата обращения: 30.01.2025).

предоставлению облачных и дата-центровых услуг, что косвенно способствует экспорту ИКТ-услуг в соседние страны.

Правительство Катара осознаёт необходимость стимулировать экспорт цифровых услуг и продуктов, чтобы в долгосрочной перспективе не оставаться лишь импортером технологий. В рамках национальной Digital Agenda 2030 поставлена цель превратить Катар из нетто-импортера в нетто-экспортёра цифровых услуг. Для этого запускается специальная программа поддержки цифрового экспорта – она призвана помогать катарским технологическим компаниям выходить на глобальные рынки, предлагая им финансирование, консультации и обучение. Особенно перспективными направлениями считаются финтех, кибербезопасность, арабоязычные цифровые контенты и решения для умных городов – ниши, где катарские стартапы уже заявляют о себе. В результате таких мер объем экспорта ИКТ-услуг Катара постепенно растет: в 2022 г. он достиг $1,1 млрд, что составляло ~3,7% от общего экспорта услуг. По последним данным, к 2023 г. доля ИКТ-услуг в экспорте услуг увеличилась до ~4,3%[126], отражая эффект мер по наращиванию цифрового сектора.

Государство активно участвует в международных усилиях по гармонизации правил цифровой торговли. Правительство заявило о намерении разработать «кросс-граничную цифровую экономическую рамочную политику», устанавливающую стандарты для заключения международных соглашений в области цифровой торговли и обмена данными. Это означает, что Катар готовится к будущим переговорам (например, о соглашениях по электронной коммерции или свободному потоку данных) с четкой национальной позицией, обеспечивающей баланс между открытостью и суверенитетом данных. На региональном уровне Доха активно сотрудничает с соседями: в мае 2024 г. Катар принимал заседание Комитета по торговому

[126] Qatar – ICT Service Exports (% of Service Exports, BOP) – URL: https://tradingeconomics.com/qatar/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (Дата обращения: 01.02.2025).

сотрудничеству ССАГПЗ, где одной из ключевых тем стало создание унифицированной законодательной базы для электронной торговли в регионе[127]. Кроме того, Катар присоединился в 2020 г. к Международной организации цифрового сотрудничества (DCO) – новой межправительственной структуре, продвигающей совместное развитие цифровой экономики (членами DCO являются, помимо Катара, Саудовская Аравия, Бахрейн, Кувейт, Оман и ряд других стран). Все эти шаги свидетельствуют о стремлении Катара не только импортировать технологии, но и стать активным игроком глобальной цифровой торговли.

В отличие от ОАЭ и Катара, цифровая трансформация в Кувейте долгое время шла более медленно, однако с середины 2010-х годов правительство приняло ряд мер для ускорения этих процессов. Внешняя торговая политика Кувейта поддерживает цифровизацию прежде всего через облегчение импорта технологий и регулирование электронной коммерции. Кувейт, как и другие соседи по ССАГПЗ, является участником соглашения ITA ВТО, благодаря чему пошлины на большую часть ИКТ-товаров отсутствуют. Это существенно снижает стоимость ввоза необходимого оборудования для телеком и ИТ-сектора. По данным Всемирного банка, около 7,4% стоимости импорта Кувейта приходится на ИКТ-товары (например, компьютеры и электроника[128]) – сравнительно высокий показатель, отражающий зависимость экономики от импорта технологий для модернизации инфраструктуры.

---

[127] الإمارات تجدد دعمها للجهود الخليجية لتعزيز آفاق التجارة البينية وتسهيل تدفقات الاستثمار وإرساء إطار تشريعي موحد للتجارة الإلكترونية [ОАЭ вновь подтверждают поддержку усилий стран ССАГПЗ по укреплению внутренней торговли, облегчению инвестиционных потоков и созданию единой законодательной базы для электронной торговли]. – URL: https://www.moec.gov.ae/en/-/uae-reiterates-support-for-gcc-s-joint-efforts-to-enhance-intra-trade-prospects-facilitate-investment-flows-establish-unified-legislative-framework-for-e-commerce?p_l_back_url=%2Fen%2Ftest1%3Fcategory%3D101602%26category%3D752020%26delta%3D8%26start%3D37 (Дата обращения: 07.02.2025).

[128] Index Mundi. ICT Goods Exports (% of Total Goods Exports) Rankings – URL: https://www.indexmundi.com/facts/indicators/TM.VAL.ICTG.ZS.UN/rankings (Дата обращения: 05.02.2025).

Одной из характерных черт Кувейта является значительный экспорт телекоммуникационных услуг. В стране базируются крупные региональные телеком-операторы, предоставляющие услуги связи и доступа в интернет за пределами государства. В результате, доля ИКТ-услуг в экспорте услуг Кувейта является наибольшей среди стран GCC – почти 46% по состоянию на 2023 г.. Этот уникально высокий показатель (для сравнения, в Саудовской Аравии ~3,5%[129], в Омане ~6,4%[130]) объясняется тем, что Кувейт экспортирует сравнительно мало иных услуг (туризм, транспорт), в то время как экспорт телекоммуникационных и IT-услуг заметен. Таким образом, Кувейт уже сейчас извлекает выгоду из цифровой торговли услугами, и внешнеторговая политика нацелена закрепить этот успех.

В 2024 году Кувейт совершил важный шаг в регулировании внутренней и внешней электронной коммерции, приняв новый Закон о цифровой торговле. Этот закон впервые вводит всеобъемлющие нормы для онлайн-торговли, включая требования к регистрации интернет-магазинов, правила защиты прав потребителей и признание юридической силы электронных сделок. По оценкам Министерства торговли и промышленности Кувейта, новый закон создаст прозрачную и безопасную среду для электронной коммерции, что стимулирует как местный онлайн-бизнес, так и международные платформы к работе в Кувейте. Закон, в частности, обязывает всех онлайн-продавцов регистрироваться в коммерческом реестре, гарантирует потребителям право возврата товара в течение 14 дней и устанавливает ответственность продавцов за срыв сроков доставки[131]. Также документ легализует использование передовых технологий в торговле – электронных подписей, смарт-контрактов,

---

[129] Saudi Arabia – ICT Service Exports (% of Service Exports, BOP) – URL: https://tradingeconomics.com/saudi-arabia/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (Дата обращения: 07.02.2025).

[130] Oman – ICT Service Exports (% of Service Exports, BOP) – URL: https://tradingeconomics.com/oman/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (Дата обращения: 09.02.2025).

[131] Kuwait Times. New Digital Trade Law Will Boost Consumer Protection – URL: https://kuwaittimes.com/article/21945/kuwait/other-news/new-digital-trade-law-will-boost-consumer-protection/ (Дата обращения: 11.02.2025).

блокчейн – под надзором регулятора, что способствует внедрению инноваций в торговые процессы.

Принятие этого закона выравнивает правовую базу Кувейта с лучшими мировыми практиками регулирования e-commerce и устраняет многие скрытые барьеры для трансграничной онлайн-торговли. Ожидается, что усиление правовой определенности привлечет в страну глобальные платформы электронной торговли и позволит местным МСП активнее выходить на внешние рынки через цифровые каналы.

Помимо нормативных мер, Кувейт делает акцент на модернизации логистической инфраструктуры для торговли. В порту Шуаиба внедрены электронные системы обработки грузов, а таможенная служба переходит на безбумажные технологии, что облегчает импорт оборудования и экспорт посылок. Кувейт также участвует в региональных инициативах: поддерживает планы ССАГПЗ по интеграции платежных систем и обмену данными между странами. В рамках DCO (Организации цифрового сотрудничества) Кувейт как страна-учредитель активно продвигает темы развития цифровых навыков и поддержки технологического предпринимательства среди стран-участниц. В совокупности, усилия Кувейта во внешнеторговой политике закладывают фундамент для более диверсифицированной экономики, в которой цифровой сектор станет одним из драйверов роста и экспорта.

Весьма прогрессивным в цифровом отношении является Бахрейн, которых еще в 2000-х годах первым в регионе либерализовал телекоммуникационный рынок, привлекая зарубежные компании и разрушив монополию госоператора, что обеспечило стремительное развитие интернет-сервисов. В XXI веке королевство позиционирует себя как «песочница» для новых финансово-технологических и цифровых решений (здесь, например, впервые в регионе были протестированы технологии открытого банковского интерфейса Open Banking). Внешнеторговая политика Бахрейна тесно увязана с его ориентацией на услуги и технологии. Еще в 2006 году Бахрейн заключил двустороннее соглашение о свободной торговле с США – первое среди стран

Залива – и это соглашение включало главу об электронной коммерции, запрещающую обложение пошлинами электронных поставок и закрепляющую недискриминацию цифровых продуктов. Таким образом, Бахрейн с раннего этапа вписал цифровую торговлю в свою внешнеторговую архитектуру.

Для поддержки развития электронной торговли внутри страны Бахрейн запустил Национальную стратегию электронной коммерции. Стратегия направлена на создание интегрированной экосистемы e-commerce и закрепление за Бахрейном статуса предпочтительного центра электронной торговли в регионе. Предусмотрено совершенствование законодательства, повышение доверия потребителей к онлайн-сделкам и поддержка МСП в выходе в электронную коммерцию. В 2018 году был принят Закон об электронной торговле, устанавливающий правовые рамки для цифровых сделок и защиты данных потребителей.[132] Эти меры облегчают вхождение бахрейнских предпринимателей на глобальные платформы. В дополнение, правительство реализует программу «Пионеры цифровой торговли за рубежом» (араб. رواد التجارة الرقمية في الخارج), целью которой является стимулирование экспорта через электронные каналы для бахрейнских компаний. Программа предоставляет компаниям помощь в создании онлайн-магазинов, продвижении на международных e-commerce платформах и адаптации к требованиям зарубежных рынков. Ожидается, что такая поддержка увеличит вклад цифровой торговли в общий экспорт страны и ускорит цифровую трансформацию бизнеса.

Бахрейн также нацелен на привлечение иностранных инвестиций в свой цифровой сектор. В стране создан Bahrain FinTech Bay – финтех-хаб с льготным режимом для стартапов, что привлекло свыше 100 компаний из 20 стран. Американская корпорация Amazon Web Services выбрала Бахрейн для

[132] البحرين تطلق مبادرات رقمية جديدة [Бахрейн запускает новые цифровые инициативы]. – URL: https://www.albiladpress.com/news/2025/6010/bahrain/909035.html (Дата обращения: 13.02.2025).

размещения одного из первых в регионе крупных облачных дата-центров (запущен в 2019 г.), чему способствовали благоприятные условия – отсутствие налога на прибыль, надежная правовая защита данных (Бахрейн ввел закон о защите персональных данных, близкий к европейскому GDPR) и выгодное географическое положение для обслуживания Ближнего Востока. Наличие локальной инфраструктуры AWS позволило бахрейнским фирмам получать современные облачные услуги внутри страны и развивать новые продукты, конкурируя на мировом уровне.

Статистические показатели Бахрейна отражают постепенную цифровую трансформацию его торговли. Импорт ИКТ-товаров невелик (около 4–5% от импорта, наименьшая доля среди ССАГПЗ, учитывая ограниченный внутренний рынок), однако экспорт ИКТ-услуг составляет значительную часть экспортируемых услуг – порядка 8,6%[133] в 2023 г.. Это свидетельствует о том, что бахрейнские компании (в основном телеком и ИТ-провайдеры) уже оказывают услуги за рубежом, особенно в соседних странах. Участие Бахрейна в DCO и других инициативх (например, в 2022 г. Бахрейн председательствовал в Совете DCO) дает ему платформу для влияния на региональную цифровую политику и обмена опытом. В целом, внешнеторговая политика Бахрейна, несмотря на ограниченные ресурсы, сосредоточена на максимальном использовании преимуществ открытой цифровой экономики – через раннюю интеграцию в глобальные соглашения, улучшение внутренней e-commerce среды и таргетированную поддержку экспортеров в сфере цифровых услуг.

Султанат Оман, отличившийся более высоким уровнем диверсификации, показывает свою внешнеторговую политику как инструмент обеспечения доступа к технологиям и рынкам сбыта. Как и остальные соседи, Оман присоединился к соглашению ITA ВТО (при вступлении в ВТО в 2000

---

[133] Bahrain – ICT Service Exports (% of Service Exports, BOP) – URL: https://tradingeconomics.com/bahrain/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (Дата обращения: 15.02.2025).

г.), благодаря чему импорт компьютеров, сетевого оборудования и другой электроники освобожден от пошлин. Следствием этого стало широкое распространение доступных устройств и телеком-оборудования в стране, хотя уровень проникновения интернета в Омане все еще отстает от лидеров региона (в сельских районах доступ к широкополосному интернету имеют лишь около 50% домохозяйств).

Оман активно использует механизмы специальных экономических зон для привлечения инвестиций в технологический сектор. «Knowledge Oasis Muscat» – технопарк возле столицы – уже две декады функционирует как платформа для ИТ-компаний, предлагая им налоговые льготы и современную инфраструктуру. В крупной портовой зоне СЭЗ Дукм правительство планирует развитие дата-центров и ИТ-кластеров, рассчитывая на выгодное географическое положение для транзита интернет-трафика между Азией, Африкой и Европой. Оман инвестирует в международные подводные интернет-кабели (через компанию Omantel), превращаясь в важный узел глобальной сети передачи данных. Это позиционирует страну как потенциального экспортера услуг по хранению и передаче данных.

В области электронной коммерции Оман обновляет законодательство и заключает партнерства для усиления позиций национального бизнеса. С США действует соглашение о свободной торговле (вступило в силу в 2009 г.), которое, как и бахрейнское, содержит положения по электронной торговле и защите цифровых продуктов. Омани предприятия получают консультации государства по выходу на международные маркетплейсы. Например, правительство сотрудничает с глобальными платформами электронной торговли для продвижения оманских ремесленных и промышленных товаров онлайн. Хотя объем электронной коммерции в стране еще относительно мал, эти шаги готовят почву для его расширения.

На многостороннем уровне Оман входит в число стран-основателей DCO, подтверждая стремление развивать цифровую экономику через международное сотрудничество. В рамках DCO Оман участвует в

инициативах по повышению цифровых навыков населения и поддержке трансграничных потоков данных. Также Оман поддержал региональные планы ССАГПЗ по унификации правил защиты данных и электронных платежей, что облегчит омани бизнесу экспансию в соседние рынки в цифровом формате.

Согласно статистике, доля ИКТ-услуг в экспорте услуг Омана в 2023 г. составила около 6,4% – больше, чем у Саудовской Аравии или Катара, но меньше, чем у Бахрейна. Это отражает тот факт, что Оман предоставляет международные услуги связи (Omantel оперирует на международных маршрутах) и постепенно наращивает экспорт ИТ-услуг. Импорт же ИКТ-товаров в Омане относительно скромен (~5% от импорта), что связано с более низкой степенью технологической насыщенности по сравнению с ОАЭ или Катаром. Тем не менее, с улучшением инфраструктуры (развитие 5G сетей, где пока покрыто лишь ~15% территории) потребности в технологическом импорте будут расти, а торговая политика Омана уже готова к этому благодаря участию в ITA и другим соглашениям. В итоге, внешнеторговая политика султаната способствует поступательному развитию цифровой экономики – обеспечивая приток технологий, закрепляя правовые основы электронной торговли и включая Оман в международные цифровые сети.

Таким образом, Страны ССАГПЗ понимают, что успешная цифровая трансформация требует не только национальных усилий, но и коллективной координации на региональном уровне, а также интеграции в глобальные цифровые рынки. В последние годы наблюдается усиление регионального сотрудничества в сфере цифровой торговли между государствами Залива. В рамках ССАГПЗ создан профильный комитет, занимающийся выработкой единых подходов к электронной коммерции и цифровым услугам. На встрече министров торговли стран GCC в Дохе (май 2024 г.) было согласовано начать работу над унифицированным законодательством ССАГПЗ по электронной

торговле[134]. Предполагается гармонизировать нормы о электронных сделках, защите потребителей онлайн, цифровой подписи и трансграничном обмене данными. Это позволит устранить правовые барьеры во взаимной электронной торговле между странами Совета и создаст общий рынок e-commerce в регионе, увеличивая его емкость и привлекательность для инвесторов. Одновременно обсуждается взаимное признание электронных документов и упрощение таможенных процедур для посылочной торговли внутри GCC. Подобная координация должна увеличить объем внутрирегиональной электронной торговли, укрепляя экономические связи между странами Залива.

Еще одним важным направлением совместной политики является выстраивание партнерства с внешними игроками в цифровой сфере. ССАГПЗ как блок активизировал диалог с КНР по вопросу цифровой экономики. В 2023 г. прошел второй экономико-торговый министрский диалог Китай–ССАГПЗ, в ходе которого особое внимание уделялось сотрудничеству в областях инвестиций, промышленности и технологий. Параллельно идут переговоры о всеобъемлющем соглашении о свободной торговле между GCC и Китаем, где предполагается учесть и аспекты электронной торговли, облегчить взаимный доступ на рынки цифровых услуг.

Страны Залива высоко ценят китайский опыт в области развития платформ электронной коммерции и финтеха и стремятся привлечь китайские технологии (например, в области 5G, умных городов) в обмен на доступ китайских компаний к рынкам GCC. Аналогично, ведется активное взаимодействие с ЕС: хотя соглашения о свободной торговле между ЕС и GCC пока нет, проходят консультации по вопросам цифровой экономики,

---

[134] الإمارات تجدد دعمها للجهود الخليجية لتعزيز آفاق التجارة البينية وتسهيل تدفقات الاستثمار وإرساء إطار تشريعي موحد للتجارة الإلكترونية [ОАЭ вновь подтверждают поддержку усилий стран ССЗ по укреплению внутренней торговли, облегчению инвестиционных потоков и созданию единой законодательной базы для электронной торговли]. – URL: https://www.moec.gov.ae/en/-/uae-reiterates-support-for-gcc-s-joint-efforts-to-enhance-intra-trade-prospects-facilitate-investment-flows-establish-unified-legislative-framework-for-e-commerce?p_l_back_url=%2Fen%2Ftest1%3Fcategory%3D101602%26category%3D752020%26delta%3D8%26start%3D37 (Дата обращения: 21.02.2025).

кибербезопасности и стандартизации ИКТ. ЕС финансирует программы технической помощи по развитию электронного правительства и цифровых навыков в арабских странах Залива, что косвенно облегчает интеграцию в мировые цифровые цепочки стоимости.

На глобальном уровне все шесть стран GCC вовлечены в работу многосторонних институтов по вопросам цифровой торговли. Во Всемирной торговой организации государства Залива занимают про-либеральную позицию в обсуждениях моратория на пошлины на электронные трансмиссии и в переговорах по электронной коммерции. Как отмечалось, Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Кувейт и Оман – все присоединились к Соглашению по информационным технологиям, тем самым взяв на себя обязательства по полной либерализации торговли основными видами ИКТ-товаров. Более того, по состоянию на 2024 г. большинство этих стран участвовало в инициативе ВТО по разработке новых правил электронной торговли (Joint Statement Initiative on E-commerce)[135].

Так, ОАЭ с 2019 г. входили в число ~80 участников переговорного процесса, а Саудовская Аравия и Катар официально присоединились позже и поддержали итоговое соглашение 2024 года о цифровой торговле. Хотя это соглашение носит пока незавершенный характер (ввиду того, что некоторые члены ВТО не участвуют), для стран Залива оно служит ориентиром в формировании национальных правил. В частности, подтвержденный на глобальном уровне запрет на таможенное обложение электронных поставок (файлов, софта и т.д.) и требования признавать юридическую силу электронных подписей были уже ранее имплементированы в законах Кувейта, ОАЭ, Бахрейна.

Особого упоминания заслуживает Организация цифрового сотрудничества (DCO) – новая международная структура, инициированная

---

[135] Gulf Business. Saudi Arabia Signs Global E-Commerce Agreement – URL: https://gulfbusiness.com/saudi-arabia-global-e-commerce-agreement/ (Дата обращения: 23.02.2025).

Саудовской Аравией. DCO была запущена в 2020 году, и пятью из семи ее стран-учредителей стали члены ССАГПЗ: Саудовская Аравия, Бахрейн, Кувейт, Оман, а затем присоединился и Катар. ОАЭ пока не входят в DCO, что объясняется, вероятно, самостоятельной активностью Эмиратов на мировом уровне. Организация ставит целью ускорение роста цифровой экономики за счет объединения усилий участников в различных направлениях – от развития цифровой инфраструктуры до совершенствования нормативной базы и поддержки трансграничного движения данных. В рамках DCO страны обмениваются лучшими практиками и реализуют совместные инициативы: например, программы по развитию цифровых навыков молодежи, проекты упрощения трансграничных платежей и согласования требований к локализации дата-центров.

DCO предоставляет странам Залива дополнительный канал влияния на глобальную дискуссию – так, в 2022 г. организация получила статус наблюдателя Генеральной Ассамблеи ООН, что повышает ее легитимность. Региональные эксперты отмечают, что DCO может стать основой для формирования общего цифрового рынка на Ближнем Востоке, включающего не только GCC, но и другие заинтересованные страны, с едиными стандартами и облегченной торговлей цифровыми услугами.[136]

Для количественной оценки роли внешнеторговой политики в цифровой трансформации необходимо рассмотреть основные показатели импорт и экспорт цифровых товаров и услуг странами ССАГПЗ.

[136] Access Partnership. Introducing the Digital Cooperation Organization: Towards a Common Digital Market in the Middle East – URL: https://accesspartnership.com/introducing-the-digital-cooperation-organization-towards-a-common-digital-market-in-the-middle-east/ (Дата обращения: 25.02.2025).

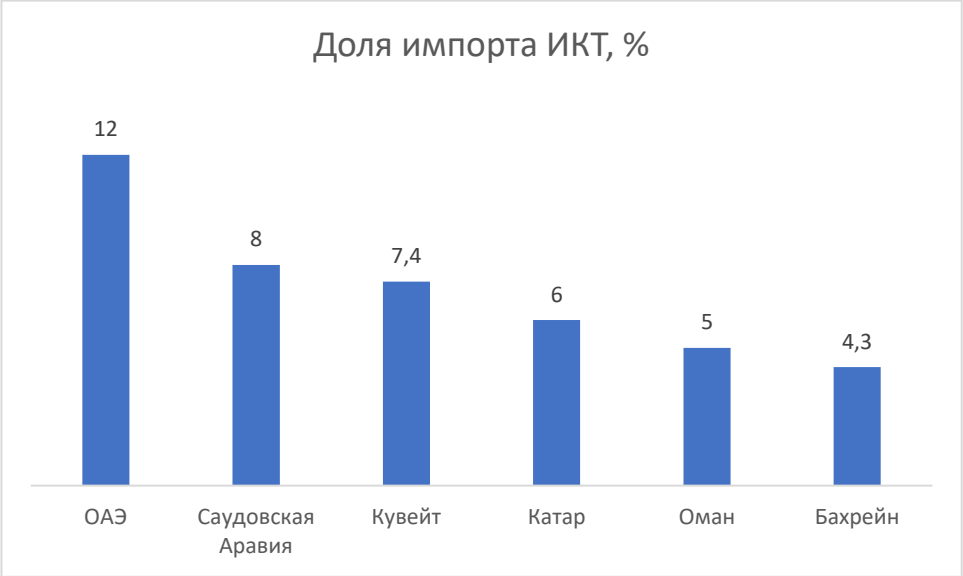

Рисунок 4. Доля импорта цифровых товаров в общей доле импорта в странах ССАГПЗ

[Источник: составлено автором]

Очевидно, что лидером является ОАЭ: порядка 12% импорта Эмиратов составляют товары ИКТ (компьютеры, электроника и телеком-оборудование)[137]. Высокий показатель ОАЭ отражает роль страны как регионального торгового хаба и крупного потребителя высокотехнологичной продукции. Саудовская Аравия и Кувейт также имеют сравнительно большие доли импорта ИКТ (7–8%), что соответствует их политике модернизации и масштабным проектам (например, развитие 5G-сетей, умных городов). У Омана и Бахрейна доля скромнее (менее 5%), в силу либо меньших потребностей (Бахрейн по размерам невелик) либо отставания инфраструктуры (Оман). В целом, значительная доля технологичного импорта – прямое следствие либерализации торгового режима: все страны обнулили пошлины на эти товары, что стимулирует их ввоз для нужд цифровой экономики.

Одновременно государства Залива начинают наращивать экспорт цифровых услуг – прежде всего телекоммуникационных и компьютерных. На

[137] United Arab Emirates - ICT Goods Imports (% of Total Goods Imports) (WB Data) – URL: https://tradingeconomics.com/united-arab-emirates/ict-goods-imports-percent-total-goods-imports-wb-data.html (Дата обращения: 27.02.2025).

следующей диаграмме сравниваются доли ИКТ-услуг в экспорте коммерческих услуг. Кувейт выделяется аномально высокой долей ~46%[138]: как обсуждалось, это связано с тем, что более половины доходов Кувейта от экспорта услуг приносит телеком-сектор (оказание услуг связи за рубеж, управление подводными кабелями и пр.), тогда как прочие виды услуг развиты слабо.

У других стран показатели скромнее, но тоже примечательны. Бахрейн и ОАЭ получают ~8%[139] экспортных услуг от ИКТ-сектора– благодаря активным телеком-операторам (Batelco, Etisalat, Du) и растущему экспорту IT-консалтинга, в том числе на основе развитых e-government платформ (эмиратские компании продают решения для «умных городов» за рубеж). Оман и Катар имеют 4–6%, отражая их промежуточное положение. Саудовская Аравия пока лишь около 3,5%[140]– несмотря на все усилия, цифровой экспорт королевства пока на начальной стадии (значительная часть сервисного экспорта Саудовской Аравии – это транспортные и туристические услуги). Но рост этого показателя в перспективе ожидаем по мере развития несырьевого сектора.

---

[138] World Bank. Exports of ICT Services (% of Service Exports) – URL: https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.CCIS.ZS (Дата обращения: 29.02.2025).

[139] Bahrain - ICT Service Exports (% of Service Exports) (WB Data) – URL: https://tradingeconomics.com/bahrain/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (Дата обращения: 02.03.2025).

[140] Saudi Arabia - ICT Service Exports (% of Service Exports) (WB Data) – URL: https://tradingeconomics.com/saudi-arabia/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (Дата обращения: 04.03.2025).

Рисунок 5. Доля экспорта цифровых товаров в общей доле экспорта в странах ССАГПЗ

[Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка]

Отдельное внимание во внешнеторговой политике уделено масштабам электронной коммерции в рассматриваемом регионе. По данным DHL и Zawya (LSEG), суммарный рынок e-commerce стран Залива к 2023 г. превышал $30 млрд и прогнозируется достичь $50 млрд к 2025–2027 гг. при среднегодовом росте ~11%[141]. Такой быстрый рост обусловлен почти полной интернет-проникновенностью (у 95% населения есть доступ в сеть) и высокой вовлеченностью жителей в цифровые платформы (около 99% пользуются социальными сетями).

Свыше половины интернет-пользователей GCC совершают онлайн-покупки, притом всё более популярными становятся мобильные каналы и социальная коммерция (через запрещенную в Российской Организации социальную сеть Instagram, WhatsApp и др.). Активной электронной торговле способствуют и усилия правительств: программы вроде Dubai Smart City и Saudi Vision 2030 улучшают доверие к цифровым сервисам и стимулируют развитие логистики для e-commerce.

[141] DHL Discover. E-Commerce Landscape in GCC – URL: https://www.dhl.com/discover/en-sg/logistics-advice/import-export-advice/e-commerce-landscape-in-gcc (Дата обращения: 06.03.2025).

Так, в Саудовской Аравии запущены специальные сервисы для ускоренной доставки онлайн-заказов в отдаленные районы, а в ОАЭ почтовый оператор Emirates Post наладил интеграцию с глобальными маркетплейсами для облегчения трансграничной торговли. Следует отметить, что значительная часть онлайн-торговли – трансграничная. Жители Залива активно заказывают товары из США, Европы, Китая через интернет; по оценкам, доля трансграничных онлайн-покупок достигает 20–30%[142] в некоторых категориях . Это подтолкнуло правительства снизить пошлины на мелкие посылки и упростить их таможенное оформление.

Таким образом, внешнеторговая политика стран Персидского залива приносит ощутимые плоды в виде роста цифровой торговли. Устранение тарифных и многих нетарифных барьеров на ИКТ-товары привело к широкому распространению современных устройств и сетей, без чего цифровая экономика невозможна. Создание условий для экспорта цифровых услуг – через соглашения, развитие бренда «арабские Финтех/ИТ-решения» – постепенно отражается в статистике экспорта услуг. Региональные интеграционные шаги (типа единого законодательства e-commerce) обещают мультиплицировать эти успехи, расширив рынок сбыта для каждой из стран.

Более того, внешнеторговые соглашения (как многосторонние, так и двусторонние) обеспечили странам Залива доступ к передовым технологиям и внешним рынкам: нулевые пошлины в рамках ITA, соглашения о свободной торговле с положениями о e-commerce, участие в DCO – все это интегрирует GCC в глобальные цифровые цепочки. Специальные меры – налоговые льготы, свободные зоны, экспортные программы – стимулировали рост национальных ИТ-секторов и вывод их продукции на мировой рынок.

[142] The Robin Report. Explosive Cross-Border Middle East E-Commerce Growth – URL: https://therobinreport.com/explosive-cross-border-middle-east-ecommerce-growth/ (Дата обращения: 09.03.2025).

2.2 Институциональные основы цифровизации (национальные программы/стратегии цифровой трансформации) стран Персидского залива

Страны Персидского залива обладают значительными финансовыми ресурсами, которые они могут мобилизовать для реализации долгосрочных проектов. В этом контексте цифровизация становится ключевым инструментом для повышения институциональной устойчивости и улучшения экономических показателей. Национальные программы, такие как: Qatar National Vision 2030 в Катаре, Vision 2030 в Саудовской Аравии, UAE Artificial Intelligence Strategy, Kuwait Vision 2035 в Кувейте, Oman Vision 2040 и eOman в Омане, а также Bahrain Economic Vision 2030 — все они служат основой для создания цифровых экономик, направленных на развитие инфраструктуры, повышение качества образования, подготовку кадров, стимулирование инновационного потенциала частного сектора и создание условий для роста цифровых услуг.

Однако, можно сформулировать три основные группы стратегий, существующих в настоящее время в рассматриваемых странах:

- Стратегии ИИ и данных;
- Стратегии цифрового правительства;
- Комплексные программы диверсификации и цифровизации экономики.

Важно подчеркнуть, что в рамках указанных стратегических документов цифровая трансформация и развитие IT-сектора рассматриваются не исключительно как производная диверсификации, а как самостоятельное направление государственной политики. В большинстве стран Персидского залива за последние годы сформирована специализированная институциональная архитектура цифрового развития, включающая профильные органы управления, межведомственные координационные механизмы и отдельные национальные стратегии в области искусственного

интеллекта, цифрового правительства и управления данными. Тем самым цифровая повестка была выведена за рамки отраслевых министерств и получила статус приоритетного направления социально-экономического развития.

Параллельно с общенациональными программами развития в странах региона были разработаны специализированные стратегии цифровой трансформации, ориентированные на формирование устойчивого IT-сектора и внедрение передовых цифровых решений в систему государственного управления. Так, в Саудовской Аравии в рамках Vision 2030 была принята Национальная стратегия по данным и искусственному интеллекту, а также создано Управление данных и ИИ (SDAIA), ответственное за координацию проектов в сфере больших данных, ИИ и цифровых платформ. В Объединённых Арабских Эмиратах цифровая трансформация институционально закреплена через Национальную стратегию искусственного интеллекта до 2031 г. и систему федеральных и эмиратских органов цифрового управления. Аналогичные подходы реализуются в Катаре (GovAI), Омане (National Digital Economy Program), Бахрейне и Кувейте, где создаются специализированные регуляторы и агентства, отвечающие за цифровую политику и развитие ИКТ-сектора.

Одним из самых ярких вышеупомянутых примеров такой стратегии является программа Vision 2030 (араб. رؤية السعودية 2030)[143] в **Саудовской Аравии**, которая служит стратегическим фундаментом для уменьшения нефтяной зависимости страны.

Программа стратегии КСА предусматривает собой безукорительное достижение следующих целей к 2030 году:

1. Диверсификация экономики в части снижения зависимости от нефти и нефтяных доходов;
2. Развития основополагающих секторов экономики страны:

[143] 2030 الرؤية السعودية [Saudi Vision 2030]. — URL: https://www.vision2030.gov.sa/ar/ (Дата обращения: 10.10.2024).

- Туристический сектор;
- Сектор образования;
- Сектор здравоохранения;
- Инфраструктурный сектор.

Инвестиции в эти области направлены на создание новых рабочих мест, стимулирование предпринимательства и инноваций, а также повышение общего уровня жизни населения.

Инвестиции в эти сферы нацелены на создание новых рабочих мест, стимулирование предпринимательства и инноваций, а также на повышение общего уровня жизни населения. Саудовская Аравия также реализует масштабные институциональные и законодательные реформы, направленные на улучшение бизнес-климата и повышение привлекательности страны для инвесторов, как местных, так и зарубежных, что соответствует аналогичным инициативам в Объединенных Арабских Эмиратах.

В свою очередь, ярчайшим примером реорганизации существующего фонда является Государственный инвестиционный фонд Саудовской Аравии (Public Investment Fund (далее - PIF))[144], который играет одну из ключевых ролей в реализации стратегии экономического развития Королевства. С момента своего создания в 1971 году фонд выполнял функцию механизма инвестирования в важнейшие экономические проекты внутри страны и за рубежом. Однако в последние годы его значение значительно возросло, что связано с вышеупомянутыми амбициозными задачами. В условиях глобальной экономической трансформации, когда страны, традиционно зависящие от экспорта углеводородов, сталкиваются с новыми вызовами, роль PIF как многофункционального института приобретает еще большую значимость.

[144] Государственный инвестиционный фонд Саудовской Аравии (PIF), созданный в 1971 году в соответствии с королевским указом № M/24, первоначально помогал создавать компании, имеющие основополагающее значение для экономики Саудовской Аравии. PIF был «возрожден» в марте 2015 года, когда Совет министров королевства издал резолюцию 270, в соответствии с которой Фонд перешел под управление вновь созданного Совета по вопросам экономики и развития (CEDA), председателем которого является наследный принц Его Королевское Высочество Мухаммед бин Салман бин Абдулазиз.

На фоне мировых изменений, таких как переход на альтернативные источники энергии и внедрение устойчивых экономических моделей, PIF становится ключевым драйвером достижения долгосрочных экономических целей Саудовской Аравии. По состоянию на кризис 2020 года активы фонда превышали 400 миллиардов долларов, что сделало его одним из крупнейших суверенных фондов в мире.[145]

Более того, его статус продолжает подтверждаться положительной динамикой роста активов. По данным Саудовского агентства прессы[146] (далее - SPA), по состоянию на 2023 год, активы фонда стремительно выросли на 91% и составили суммарно более 2,87 триллионов саудовских риалов, что эквивалентно 765 миллиардам долларов.[147] (Рис. 1).

Рисунок 6. Динамика роста активов PIF
[Источник: составлено автором]

Долгосрочные инвестиции в традиционные секторы экономики, такие как строительство и нефтехимия, наряду с вложениями в высокие технологии, здравоохранение, транспорт и возобновляемые источники энергии, позволяют

[145] Public Investment Fund. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Public_Investment_Fund (Дата обращения: 10.10.2024).
[146] Саудовское агентство прессы (Saudi Press Agency (SPA)) - государственное новостное агентство Королевства Саудовская Аравия
[147] صُمّم «صندوق الاستثمارات العامة» لتعزيز التنمية الاقتصادية في السعودية [«Публичный инвестиционный фонд» как инструмент стимулирования экономического развития Саудовской Аравии]. – URL: https://www.spa.gov.sa/N2157212 (Дата обращения: 10.10.2024).

фонду направлять капитал в перспективные направления. Одним из наиболее значимых проектов PIF является финансирование NEOM[148] — мегапроекта, который будет символизировать технологическую революцию в Саудовской Аравии. К 2030 году фонд ставит цель достичь активов в размере более 2 триллионов долларов.

Кроме того, PIF активно инвестирует в международные компании и стартапы, что не только укрепляет позиции Саудовской Аравии на глобальной арене, но и способствует развитию внутреннего инновационного сектора. Вложения в такие компании, как Uber и Lucid Motors, подчеркивают стратегическую ориентацию фонда на передовые технологические сектора с высоким потенциалом роста. Одна из важнейших задач PIF заключается в диверсификации инвестиционного портфеля с акцентом на долгосрочные и устойчивые активы, что помогает минимизировать экономические риски, связанные с волатильностью цен на нефть.

Таким образом, PIF Саудовской Аравии является ярким примером того, как государственный инвестиционный фонд может стать движущей силой экономических преобразований. Он способствует инновационному развитию и устойчивому росту, играя ключевую роль в реализации национальных стратегий и интеграции в глобальную экономику.

Опираясь на мнение наследного принца Саудовской Аравии, Мухаммада Бин Салмана Абдулазиза Аль-Сауда[149] (далее – Мухаммад Бин Салман), «Видение Саудовской Аравии 2030» основана на трех столпах[150], в свою очередь представляющих их уникальные конкурентные преимущества:

---

[148] NEOM - первый в мире проект строительства полностью умного города с созданием в нем особой экономической зоны, основанный на использовании исключительно возобновляемых источников энергии на северо-западе Саудовской Аравии

[149] Официально утвержден в звании наследного принца Королевства в 2017 году. Ранее в период с 2015 по 2022гг. являлся министром Обороны Саудовской Аравии. С сентября 2022 г. занимает должность премьер-министра Королевства.

[150] Saudi Vision 2030 – Kingdom of Saudi Arabia. – URL: https://www.vision2030.gov.sa/media/rc0b5oy1/saudi_vision203.pdf (Дата обращения: 10.10.2024).

- Саудовская Аравия – сердце арабского и исламского мира. В страну ежегодно приезжают миллионы мусульман для совершения паломничества[151], ввиду уникального расположения на землях Королевства святынь Исламской религии;
- Стремление Королевства стать глобальной инвестиционной державой. Особенно подчеркивается инвестиционный потенциал и стремление его всестороннего использования для стимулирования экономики страны;
- Уникальность географического расположения Королевства и превращение его в глобальный хаб, способный соединить три континента – Азию, Европу и Африку.

То есть, при реализации стратегии в полном объеме, статус центра арабского и исламского мира позволит Королевству укрепить лидирующие позиции и предоставить возможности для каждого мусульманина, посещающего страну, инвестиционный потенциал будет использован для создания более разнообразной, диверсифицированной и устойчивой экономики, а уникальность расположения служит стратегическим факторов для укрепления роли неотъемлемой части движущей силу международной торговли.

Помимо опорных столпов, стратегия развития разработана вокруг трех ключевых направлений:

- Динамичное развитие общества;
- Процветающий экономический сектор;
- Амбициозность нации.

Первое направление является неотъемлемой частью реализации концепции и создания прочной базы для полноценного экономического

[151] Хадж (араб. حَجّ) – религиозное паломничество мусульман в г. Мекка (Саудовская Аравия) в определенное время года. По совместительству, пятый столп Ислама, обязанность любого мусульманина, имеющего возможность его совершить (см. https://hajinformation.com/)

развития Саудовской Аравии. Это особенно важно в свете планомерного и активного развития таких сфер, как социальная поддержка и здравоохранение, которые играют ключевую роль в улучшении качества жизни населения.

Среди наиболее значимых достижений программы Vision 2030 на 2024 год стоит отметить заметный рост объема прямых иностранных инвестиций, а также улучшение инвестиционного климата в стране. В 2022 году Саудовская Аравия привлекла более 19 миллиардов долларов прямых иностранных инвестиций, что на 30% больше по сравнению с предыдущим годом. В ответ на вызовы мировой экономики правительство Королевства предприняло ряд шагов для упрощения процедур регистрации компаний, снижения бюрократических барьеров и обеспечения правовой защиты для инвесторов, что делает страну более привлекательной для зарубежных инвестиций. Важным шагом в рамках этих изменений стало введение законодательных реформ, в том числе разрешение иностранным гражданам владеть бизнесом на 100%, что способствовало росту интереса международных компаний к Саудовской Аравии.

Важную роль в социальном развитии страны играет также активная поддержка культурных и спортивных мероприятий мирового масштаба, таких как фестивали, спортивные соревнования и концерты. Эти инициативы, прежде всего, способствуют созданию рабочих мест для молодежи и повышению интереса к Саудовской Аравии как туристическому направлению. Ярким примером этого является ежегодный фестиваль Riyadh Season, который привлекает миллионы туристов не только из соседних стран региона, но и со всего мира, что способствует развитию туристического сектора и стимулирует экономический рост.

Одним из самых впечатляющих результатов реализации программы на 2024 год является значительный прогресс в гендерной политике государства. В рамках Vision 2030 активно поддерживается расширение прав и возможностей женщин, что привело к увеличению доли женщин в рабочей силе Саудовской Аравии до более чем 35%. Это существенное достижение по

сравнению с предыдущими годами. Кроме того, в последние годы были сняты ограничения на вождение для женщин, и они получили возможность занимать высокие должности как в государственных, так и в частных организациях, что несколько лет назад казалось невозможным.

Цифровая трансформация является важнейшим элементом стратегии Vision 2030 и активно поддерживается наследным принцем Мухаммедом Бин Салманом. Саудовская Аравия вкладывает значительные ресурсы в развитие электронного правительства (e-government), что направлено на повышение эффективности и прозрачности государственных услуг. В рамках программы Vision 2030 создаются цифровые платформы, которые позволяют гражданам и бизнесу получать доступ к государственным услугам в онлайн-формате. Одним из таких проектов является платформа Absher[152], запущенная Министерством внутренних дел, которая на сегодняшний день предоставляет более 160 услуг, включая регистрацию граждан, обновление паспортов и доступ к медицинским записям. В 2024 году планируется перевести в цифровой формат более 90% всех государственных услуг, что должно значительно снизить административные издержки и упростить взаимодействие граждан с государственными структурами. В дополнение к этому, по данным организации Invest Saudi, Саудовская Аравия намерена привлечь более 20 миллиардов долларов иностранных инвестиций в IT-сектор[153].

Особое внимание в рамках стратегии Vision 2030 уделяется искусственному интеллекту (ИИ). В 2020 году Саудовская Аравия представила свою Национальную стратегию в области искусственного интеллекта, которая нацелена на превращение страны в один из ведущих мировых центров

---

[152] Цифровая платформа, разработанная Министерством внутренних дел Саудовской Аравии, с целью упрощения взаимодействия граждан и резидентов с государственными учреждениями. Absher предоставляет более 160 услуг, включая обновление паспортов, регистрацию транспортных средств, выдачу водительских удостоверений, оформление виз и получение медицинских справок.

[153] Information Technology — Invest Saudi. – URL: https://investsaudi.sa/en/sectors-opportunities/information-technology/ (Дата обращения: 10.10.2024).

разработки и внедрения ИИ. Для координации проектов в этой области было создано Национальное управление по данным и искусственному интеллекту (SDAIA), которое также разрабатывает нормативно-правовую базу для развития и интеграции ИИ в различные сферы экономики. Стратегия включает в себя планы по увеличению вклада ИИ в ВВП страны до 135 миллиардов долларов к 2030 году, что составит примерно 12,4% от общего объема ВВП.

Таким образом, программа Vision 2030 Саудовской Аравии напрямую связана с цифровой трансформацией, как на уровне самой страны, так и на уровне региона. Внедрение цифровых услуг и технологий является важнейшей частью реализации целей стратегии и способствует ускорению экономических и социальных преобразований. В рамках реализации программы цифровая трансформация рассматривается не только как инструмент повышения эффективности государственной программы, но и как средство стимулирования инноваций, создания новых экономических возможностей и роста конкурентоспособности страны в мировом масштабе.

В свою очередь, **Государство Катар** также показывает активное стремление к цифровому переходу в рамках реализации своей программы развития к 2030 году. Официально утвержденная программа “Национальное видение Катара 2030”, - Qatar National Vision 2030 (QNV 2030), - была представлена еще в 2008 году как точная карта развития страны и представляет собой полноценный план развития и комплексной модернизации страны, одной из ключевых целей которого является преобразование государства Катар в развитое общество, способное к достижению устойчивого развития в 2030 году.[154] Фактически, программа призвана поддержать стремление к удержанию высокого уровня жизни граждан Катара, эффективно используя современные технологии и адаптируясь к динамично изменяющимся глобальным условиям.

[154] Qatar National Development Strategy 2018–2022 — Overview — Planning and Statistics Authority (PSA), Qatar. – URL: https://www.psa.gov.qa/en/nds1/Pages/Overview.aspx (Дата обращения: 11.10.2024).

Также, как и в программе развития Королевства Саудовская Аравия, национальная программа развития государства Катар предполагает сбалансированное развитие по нескольким ключевым направлениям:

- Динамичное развитие общества;
- Социальное развитие;
- Экономическое развитие;
- Инфраструктурное развитие.

Развитие каждого из данных направлений влечет за собой изменения в экономической структуре государства. В связи с тем, что цели программы связаны с трансформацией Катара в страну с высокоразвитой экономикой, конкурентоспособной на мировой арене и устойчивой к вызовам глобальной экономики, экономическое измерение QNV 2030 подразумевает развитие технологий и инноваций, которые будут способствовать росту несырьевого сектора, укреплению сектора услуг и повышению уровня жизни.

В рамках программы особое внимание уделяется развитию предпринимательства и привлечению иностранных инвестиций, что призвано стимулировать устойчивый экономический рост и создать новую основу для национальной экономики. Неотъемлемой ее частью стала цифровизация, которая рассматривается как главный стратегический приоритет для создания современной инфраструктуры и эффективного государственного управления.

Важной задачей программы является создание условий для успешного функционирования цифрового рынка, который предоставит новые возможности для бизнеса, инвесторов и рабочих кадров. В частности, программа акцентирует внимание на укреплении институциональной поддержки стартапов и технологий, а также активной поддержки развития рынков цифровых услуг.

Цифровизация в рамках QNV 2030 представлена как ключевой элемент для диверсификации экономики и интеграции страны в глобальную цифровую экосистему. Катар стремится использовать ее инструменты как способ

достижения устойчивого развития, что включает цифровую модернизацию государственного управления, бизнес-сектора и социальных услуг. [155]

Таким образом, формирование современной цифровой инфраструктуры играет важную роль в достижении экономических целей, установленных в QNV 2030. В рамках программы были осуществлены значительные инвестиции в развитие сетей связи и интернет-покрытия, что позволяет Катару входить в число лидеров по уровню цифровой интеграции. Так, по данным Министерства транспорта и коммуникаций Катара, к 2024 году более 95% населения страны имеет доступ к высокоскоростному интернету, а общий объем инвестиций в ИТ-инфраструктуру превысил $3,5 млрд.[156]

Показатели интернет-покрытия и качества связи демонстрируют, что Катар уверенно движется к созданию одной из передовых цифровых инфраструктур на Ближнем Востоке. Эти достижения являются основой для развития рынка цифровых услуг, который, согласно отчёту PricewaterhouseCoopers, увеличился на 18% в 2023 году и достиг объёма $1,2 млрд.[157]

Одним из приоритетных направлений цифровизации в рамках QNV 2030 является развитие электронного правительства (e-government), которое должно обеспечить прозрачность и доступность государственных услуг, а также снизить транзакционные издержки. К 2024 году более 80% основных государственных услуг стали доступны онлайн, что позволило сократить затраты на их предоставление на 12%.[158] Электронное правительство также способствует повышению доверия граждан к государственным институтам и

---

[155] Qatar — 2023 Article IV Consultation; Press Release, Staff Report, and Statement by the Executive Director. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/06/09/Qatar-2023-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-the-525486 (Дата обращения: 11.10.2024).

[156] ICT Report 2024 — Ministry of Transport and Communications (Qatar). – URL: https://www.motc.gov.qa/sites/default/files/ict_report_2024.pdf (Дата обращения: 11.10.2024).

[157] Digital Qatar 2023 — PwC Middle East. – URL: https://www.pwc.com/m1/en/publications/digital-qatar-2023.pdf (Дата обращения: 11.10.2024).

[158] E-Government — Ministry of Transport and Communications (Qatar). – URL: https://www.motc.gov.qa/en/programs/e-government (Дата обращения: 11.10.2024).

повышению экономической эффективности за счет оптимизации административных процессов.[159]

Другое подобное направление в рамках динамичного развития общества и социального аспекта государства представляет собой подготовка квалифицированных кадров, необходимых для работы в новых условиях. Так, С 2020 по 2023 год количество выпускников с техническими специальностями увеличилось на 25% благодаря образовательным программам по направлениям, связанным с IT. [160]

В ходе экономического и социальных отраслей Государства, национальная программа развития также придает особое значение развитию МСП. Статистика отражает, что число зарегистрированных технологических стартапов в стране выросло на 40% с 2018 по 2023 год благодаря поддержке через программы льготного финансирования и налоговые преференции.[161] [162]

Необходимость продолжения внедрения и значимая роль цифровых технологий и услуг подтверждается и положительной динамикой улучшения инвестиционного климата страны и привлечения большего количества иностранных инвестиций в Катар. Так, за последние 5 лет прямые иностранные инвестиции в ИКТ-сектор Катара показывают исключительно положительную динамику, отражающую высокий уровень доверия международных инвесторов на фоне активной реализации стратегии:

---

[159] Digital Economy and Structural Reforms: Qatar 2023 — IMF Working Paper. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/04/10/Digital-Economy-and-Structural-Reforms-Qatar-2023-518993 (Дата обращения: 11.10.2024).

[160] Statistics of Education in Qatar — Planning and Statistics Authority (PSA), Qatar. – URL: https://www.psa.gov.qa/en/statistics1/Statistics%20of%20Education%20in%20Qatar.pdf (Дата обращения: 11.10.2024).

[161] Qatar National Vision 2030 Report — Planning and Statistics Authority (PSA), Qatar. – URL: https://www.psa.gov.qa/en/statistics/Statistical%20Releases/General/QNV/QNV2024_Report.pdf (Дата обращения: 11.10.2024).

[162] При этом, по состоянию на 2023 год малые и средние предприятия (МСП) Катара составляют около 97% частного сектора и вносят от 15% до 17% в ВВП несырьевого сектора. Для поддержки их дальнейшего роста и увеличения вклада в экономику, правительство Катара и различные организации, такие как Qatar Development Bank, предоставляют финансовые гарантии и разрабатывают программы поддержки, что усиливает способность МСП привлекать инвестиции и увеличивать объем производства.

Рисунок 7. Динамика прямых иностранных инвестиций в ИКТ-сектор Катара, млрд долл/год

[Источник: составлено автором]

По состоянию на начало 2024 года Катар завершил два этапа QNV 2030 - National Development Strategy-1 и National Development Strategy-2 (NDS-1[163] и NDS-2[164]), и приступил к третьему этапу — Национальной стратегии развития на 2024–2030 годы (NDS-3). Этот этап усиливает акцент на экономической диверсификации, социальной интеграции и устойчивом развитии. Основной целью является достижение высоких показателей экономического роста и стабильности, что позволяет не только поддерживать существующий уровень жизни, но и улучшать его.

В рамках NDS-3 Катар планирует достичь среднего ежегодного темпа роста экономики на уровне 4% до 2030 года, опираясь на увеличение объемов

[163] Первый этап QNV 2030 - Национальная стратегия развития 2011-2016гг. Была сосредоточена на формировании ключевой инфраструктуры и укреплении государственных институтов, таких как Qatar Investment Authority и Qatar Foundation, с целью создания базы для долгосрочного социального и экономического развития Катара. В рамках NDS-1 особое внимание было уделено развитию образования, здравоохранения и созданию устойчивой социальной среды

[164] Второй этап QNV 2030 - Национальная стратегия развития 2018-2022гг. Была сосредоточена на на улучшение инфраструктуры и на укрепление экономической устойчивости Катара, включая диверсификацию источников дохода за пределами нефтегазового сектора. В этом этапе особое внимание уделялось проектам, связанным с организацией чемпионата мира по футболу 2022 года, а также повышению качества государственных услуг и внедрению новых технологий

добычи газа, диверсификацию экономических активностей и привлечение иностранных инвестиций в секторы вне нефтегазового производства. [165]

Диверсификация экономики остается одним из центральных элементов NDS-3 и направлена на уменьшение зависимости от нефтегазового сектора. В стратегии подчеркивается необходимость создания специализированных экономических кластеров в таких ключевых отраслях, как производство, логистика и туризм. Эти кластеры, включающие передовые отрасли и направленные на увеличение экспорта, помогут поддерживать стабильный приток прямых иностранных инвестиций и создадут условия для дальнейшего развития частного сектора.

В частности, в целях поддержки роста частного сектора и привлечения прямых иностранных инвестиций в размере $100 млрд, NDS-3 ставит задачу обеспечить конкурентоспособность катарской экономики, что, согласно данным Oxford Business Group, предполагает внедрение новых налоговых и регуляторных механизмов, а также модернизацию бизнес-среды.

Финансовая устойчивость является еще одним важным приоритетом NDS-3. В его рамках предусмотрено создание среднесрочного бюджетного плана, направленного на обеспечение стабильности государственных доходов и на укрепление государственных финансов. Согласно данным Министерства финансов Катара и рекомендациям МВФ, новый бюджетный план предполагает внедрение различных фискальных реформ, включая увеличение доли несырьевых доходов, введение НДС и оптимизацию государственных расходов.

Введение НДС, однако, может быть отложено, поскольку государство намерено учитывать как внутренние, так и внешние экономические факторы перед его запуском. Эти меры позволят Катару снизить зависимость бюджета

---

[165] Qatar’s Third National Development Strategy: The Road Ahead — Invest Qatar. – URL: https://www.invest.qa/en/media-and-events/news-and-articles/qatars-third-national-development-strategy-the-road-ahead (Дата обращения: 12.10.2024).

от нефтегазовых доходов, а также улучшить устойчивость финансовой системы к экономическим колебаниям.[166]

Для укрепления трудового рынка и улучшения квалификации рабочей силы в NDS-3 особое внимание уделено подготовке высококвалифицированных кадров. К 2030 году доля сотрудников с высокими профессиональными навыками должна составить не менее 46% от общего числа занятых. Для достижения этих показателей Катар планирует привлечь высококвалифицированных специалистов из-за рубежа, что будет сопровождаться изменением политики в области трудовой миграции и созданием новых визовых режимов для квалифицированных специалистов.

Кроме того, стратегия предусматривает реформы в системе государственной службы, которые направлены на развитие компетенций местной рабочей силы, повышение привлекательности частного сектора для катарцев и сокращение разрыва между оплатой труда в государственных и частных секторах.

В сфере социальной политики NDS-3 направлена на укрепление семейных ценностей и поддержку института брака, а также на улучшение доступности социальных услуг для наиболее уязвимых групп населения, включая пожилых людей и людей с ограниченными возможностями. Такие инициативы, как создание единых платформ для предоставления услуг, направлены на улучшение социального обеспечения и равный доступ ко всем услугам.

Для осуществления планов по обеспечению экологической устойчивости и сокращению выбросов парниковых газов на 25% в рамках NDS-3 Государство намерено внедрить меры по оптимизации потребления воды и энергии, переходу на экологически чистые технологии и транспорту. В рамках этой цели правительство активно привлекает "зеленые" инвестиции и

---

[166] Qatar launches Third National Development Strategy for 2024–2030 — Qatar Tribune. – URL: https://www.qatar-tribune.com/article/101807/latest-news/qatar-launches-third-national-development-strategy-for-2024-2030 (Дата обращения: 12.10.2024).

создает благоприятные условия для проектов, ориентированных на принципы ESG[167], что также соответствует международным требованиям по устойчивому развитию. Ожидается, что к 2030 году общий объем устойчивых инвестиций в Катаре составит более $75 млрд[168], что подчеркнет его приверженность экологически ответственному развитию.

Прогнозы на будущее показывают, что опыт Катара по внедрению программы Vision 2030 окажет влияние на весь регион Персидского залива, задавая стандарты для других стран в вопросах цифровизации и экологической устойчивости. Программа является примером для других стран, показывая, что успешное экономическое развитие возможно за счет синергии между государственными и частными инвестициями, открытостью к глобальным изменениям и активным внедрением новейших технологий. Уже сейчас Катар становится центром притяжения для крупных международных компаний и инвесторов, что также способствует улучшению делового климата в стране.

По итогам реализации стратегии и достижения всех ее целей, ожидается, что Катар, нацелив внимание на цифровые технологии, не только укрепит свою экономику, но и создаст рабочие места, повысит инвестиционную привлекательность и повысит стандарты жизни граждан. Более того, институциональные программы цифровизации способствуют развитию новой парадигмы государственной политики, где государство играет ведущую роль в стимулировании инноваций и поощрении цифровых технологий как основы для долгосрочного экономического роста.

Представления ОАЭ, как региональном лидере в области технологий, о будущем своей страны диверсифицированы в несколько профильных

---

[167] ESG (Environmental, Social, and Governance) — принципы устойчивого развития, направленные на интеграцию экологических, социальных и управленческих аспектов в деятельность компаний и государств. Принципы ESG требуют учитывать влияние на окружающую среду (например, сокращение выбросов и сохранение ресурсов), социальную ответственность (включая условия труда и вклад в развитие сообществ) и стандарты корпоративного управления (например, прозрачность и подотчетность).

[168] Qatar launches Third National Development Strategy for 2024–2030 — Qatar Tribune. – URL: https://www.qatar-tribune.com/article/101807/latest-news/qatar-launches-third-national-development-strategy-for-2024-2030 (Дата обращения: 12.10.2024).

стратегий, объединенных одной целью. Так, изложение видения будущего в государстве отражено через амбициозные стратегические инициативы. При этом, общей основой являются WE THE UAE 2031 (араб. نحن الامارات ٢٠٣١), представляющая собой национальный план - некую дорожную карту, благодаря которой предполагается тесное сотрудничество между государственным и частным секторами для обеспечения непрерывности процесса развития, также отражающая общие направления и принципы развития страны в ближайшем обозримом будущем и UAE Centennial 2071 (араб. مئوية الإمارات 2071), представляющая собой более четкую карту действий правительства для становления ОАЭ как мирового лидера. Различаются они, в первую очередь, своей продолжительностью.

Таким образом, можно выделить четыре ключевых национальных программы развития в ОАЭ:

- UAE Centennial 2071 (араб. مئوية الإمارات 2071);
- UAE National AI Strategy 2031;
- Digital Economy Strategy;
- National Strategy for Advanced Innovation;

Видение будущего сосредоточено на предвосхищении общественных и национальных потребностей, повышении экономического роста через инновационное законодательство и вовлечении частного сектора. Ключевыми компонентами являются современная цифровая инфраструктура для устойчивого развития и гибкая модель правительства, разработанная для эффективности и оперативности. Кроме того, инициатива подчеркивает устойчивую продовольственную и водную безопасность, развитие местных возможностей и международное сотрудничество для обеспечения устойчивости ресурсов для национального процветания.

В свою очередь, одной из наиболее значимых и весомых инициатив является ранее упомянутая UAE Centennial 2071, фактически являющаяся стратегией, охватывающей ближайшие 50 лет развития страны и ее подготовки к возможным вызовам будущего. Также, план развития называется

«столетним», так как он направлен на подготовку страны к столетию со дня основания в 2071 году[169]. В ее рамках предполагается реализация следующих основных целей:

- Укрепление национальной экономики;
- Развитие человеческого капитала;
- Повышение качества жизни в государстве;
- Диверсификация источников дохода страны;
- Переход к цифровому государству.

В целом, большинство целей совпадают и с другими странами Персидского залива ввиду достаточной близости исходных данных, включая схожую степень развития, желание и стремление к диверсификации и уменьшению нефтяной зависимости, активное развитие туристического и других секторов. Однако именно ОАЭ показывают наиболее яркое стремление к полному цифровому переходу государства и большими и более активными внутренними инвестициями в образование с упором на высокие технологии и инженерное дело[170].

Не менее важное место отведено «Национальной стратегии искусственного интеллекта 2031» (UAE National AI Strategy 2031). Эта программа, в первую очередь, направлена на позиционирование ОАЭ как мирового лидера в области искусственного интеллекта и максимальную интеграцию искусственного интеллекта в ключевые отрасли экономики страны и ее общества, то есть:

- Здравоохранение;

---

[169] Официальной датой создания государства Объединенные Арабские Эмираты считается 2 декабря 1971г. Фактически, его создание было осуществлено за счет объединения на тот момент 6-ти эмиратов: Дубая, Абу-Даби, Аджмана, Умм-Аль-Кувейна, Шарджи и Фуджейры. В 1972г. к ранее упомянутым шести эмиратам присоединился седьмой – Рас-Аль-Хейма. По состоянию на 2024г., ОАЭ состоит из тех же семи эмиратов и является дуалистической монархией.

[170] UAE Centennial 2071 — Strategies, Plans and Visions (Innovation and Future Shaping) — Official Portal of the UAE Government (u.ae). – URL: https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/uae-centennial-2071 (Дата обращения: 20.10.2024).

- Транспорт;
- Энергетический сектор;
- Государственное управление.

Основными стратегическими целями программы при этом являются:

- Повышение конкурентоспособности путем интеграции искусственного интеллекта в ранее упомянутых секторах;
- Значительное снижение операционных расходов в государственном секторе за счет автоматизации процессов;
- Развитие самой экосистемы искусственного интеллекта;
- Развитие современных исследовательских центров, а также привлечение и обучение перспективных кадров для будущих рабочих мест в сфере ИИ; Например, создание первой в мире школы искусственного интеллекта в ОАЭ[171], обучающей людей в области машинного обучения и анализа данных или открытие исследовательского центра Artificial Intelligence Lab (AI Lab)[172];

---

[171] Школа искусственного интеллекта в ОАЭ, известная как Mohamed bin Zayed University of Artificial Intelligence (MBZUAI), основанная в 2019г., является первой в мире аспирантской образовательной и исследовательской организацией, полностью сосредоточенной на изучении и применении искусственного интеллекта. Основными целями, заложенными в ходе разработки проекта, является подготовка специалистов мирового уровня в области ИИ (в т.ч. в рамках реализации национальной стратегии ИИ), стимулирование и развитие современных исследований в таких направлениях, как машинное обучение, компьютерное зрение, обработка естественного языка, а также содействие инновациям и сотрудничеству с международными организациями, правительствами дружественных ОАЭ стран (по большей части стран-членов ССАГПЗ) и частными компаниями. Основными программами обучения на уровне магистратуры и докторантуры (в ОАЭ и других странах ССАГПЗ отсутствует ступень и понятие «аспирантура» как таковое) являются алгоритмы и методы анализа данных, модели глубокого обучения (в рамках машинного обучения), разработка систем для анализа изображений и видео и распознавание объектов, лица и других визуальных данных (в рамках компьютерного зрения), работа с текстами и языками (в рамках обработки естественного языка) и интеграция ИИ в робототехнику для использования в промышленности и других особо важных секторах (в рамках робототехники и автоматизации).
По состоянию на 2024г., в школе обучается более 200 студентов, опубликовано более 300 статей и налажено сотрудничество с компаниями-мировыми лидерами в области ИИ (напр., Google, Microsoft, MIT).

[172] Исследовательский центр, созданный в рамках программы цифровизации страны, чтобы ускорить внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в ключевые сектора экономики и

- Привлечение большего количества иностранных инвестиций;
- Обеспечение эффективного регулирования внедряемых нововведений, т.е., создание полноценной законодательной и этической базы для ИИ.

Таблица 7. Ключевые отличия институтов в ОАЭ, сосредоточенных на ИИ в рамках реализации национальной стратегии ИИ.
[Источник: составлено автором]

Характеристика	**AI Lab**	**MBZUAI**
Цель	Внедрение прикладных решений в экономику	Образование и фундаментальные исследования
Фокус	Практическое использование ИИ	Теоретические исследования и обучение
Целевая аудитория (ЦА)	Бизнес, государство	Ученые, студенты
Роль в экономике	Повышение эффективности процессов	Подготовка кадров и создание научной базы
Партнерства	Сотрудничество с частным сектором	Международное академическое взаимодействие
Выходные продукты	Инновационные технологии, оптимизационные системы	Научные публикации, образовательные программы

Несмотря на относительную близость целей и данных стратегии, разделение ее с общей стратегией цифровизации экономики в государстве связано, в первую очередь, со спецификой конкретной области, на которую она акцентирует свое внимание, так как ИИ имеет потенциал, выходящий за рамки цифровизации. Более того, внедрение и подобное пристальное внимание к ИИ

государственного управления. Центр был инициирован правительством ОАЭ в рамках национальной стратегии искусственного интеллекта 2031. Основной целью является разработка и внедрение решений на основе ИИ для повышения эффективности и конкурентоспособности страны. Основными задачами – Исследования и разработки (Создание инновационных технологий на основе искусственного интеллекта, проведение исследований в области машинного обучения, обработки данных и автоматизации), практическое применение ИИ (Разработка прикладных решений для государственных органов и бизнеса, интеграция ИИ в приоритетные отрасли), Повышение знаний и компетенций (Обучение государственных служащих и специалистов в области ИИ, повышение уровня осведомленности об этике и регулировании использования ИИ), при этом отличается от MBZUAI тем, что AI Lab сосредоточен на внедрении и применении искусственного интеллекта в прикладных целях. Основной упор делается на разработку решений для конкретных проблем, с которыми сталкиваются государственные учреждения и частный сектор, а миссия MBZUAI — это академическая и исследовательская организация, направленная на подготовку специалистов мирового уровня в области искусственного интеллекта.

требует отдельных подходов в области законодательства, инфраструктуры и подготовки кадров. Например, алгоритмы машинного обучения требуют больших объемов данных, мощных вычислительных ресурсов и профессионалов с уникальными компетенциями. Однако, национальная стратегия искусственного интеллекта по праву может считаться межотраслевой, что в свою очередь позволяет отследить синергетический эффект, не ограничиваясь рамками исключительно экономической цифровизации.

Разработка Национальной стратегии ИИ началась в 2017 году с масштабного анализа возможностей и вызовов, связанных с применением ИИ. Этот процесс включал несколько ключевых этапов:

- Инициатива "Стратегия передовых инноваций": стратегия стала логическим продолжением программы "Smart Dubai" и общей стратегии передовых инноваций;
- Создание Министерства искусственного интеллекта[173]: В 2017 году ОАЭ стало одной из первых стран, учредивших министерство, полностью сосредоточенное на искусственном интеллекте;
- Международный опыт и консультации;
- Консультации с частным сектором;
- Глобальные вызовы и амбиции ОАЭ: по оценкам PwC, к 2030 году вклад искусственного интеллекта в мировую экономику должен составить приблизительно 15,7 трлн долл., что безусловно послужило мотивацией для ОАЭ.

[173] Полное название – Министерство искусственного интеллекта, цифровой экономики и удаленной работы, было утверждено в 2017г., как решающий орган в формировании политики, стратегий и правил, связанных со всеми вопросами в области ИИ. Государственным министров по искусственному интеллекту назначен Омар Султан Аль Олама.

Активная реализация стратегии искусственного интеллекта демонстрирует успешную интеграцию передовых технологий в государственное управление и отрасли экономики ОАЭ.

Будучи тесно связанной, Национальная стратегия передовых инноваций (National Strategy for Advanced Innovation), как отмечается в официальных источниках, направлена на применение передовых научных знаний для решения будущих задач и поддержку правительства в достижении целей столетнего плана ОАЭ до 2071 года.

Принятая в 2018 году, стратегия по продвинутым инновациям фактически преследует цели, ориентированные на человечество и сосредоточена на жизненно важных областях, таких как безопасность продовольствия и воды, благополучие, образование и технологии для человечества, с целью повышения устойчивого развития и улучшения качества жизни в ОАЭ. Ключевые инициативы включают снижение потребления воды и увеличение повторного использования воды, содействие профилактическому здравоохранению и активному образу жизни, а также содействие инновациям в образовании для подготовки студентов к будущим навыкам. Кроме того, стратегия стремится интегрировать передовые технологии в различных секторах для создания умных городов и обеспечения устойчивых, доступных услуг.

Также, ОАЭ показывают быстрое развтие инфраструктуры мирового класса для мобильности, сосредоточив внимание на инновациях в транспорте, таких как беспилотные летательные аппараты, автономные транспортные средства и инфраструктура для электрических автомобилей, стремясь улучшить связь и эффективность в умных городах. В секторе чистой энергии ОАЭ инициировали значительные проекты, такие как АЭС «Барака» и Солнечный парк имени Мохаммеда бин Рашида Аль-Мактум, наряду с

амбициозной Энергетической стратегией 2050[174], направленной на повышение энергоэффективности и увеличение доли чистой энергии.

В каждом из этих секторов предусмотрены инициативы, направленные на стимулирование инноваций и внедрение передовых технологий. Например, в области возобновляемой энергии стратегия предусматривает развитие солнечной и ядерной энергетики, что соответствует цели ОАЭ увеличить долю чистой энергии в общем энергетическом балансе до 50% к 2050 году.

Другой важной инициативой является «Стратегия цифровой экономики ОАЭ». Её цель заключается в увеличении вклада цифровой экономики в ВВП страны с 9,7% в 2021 году до 20% к 2031 году в условиях того, что ее доля показывает стабильный рост за последние 5 лет:

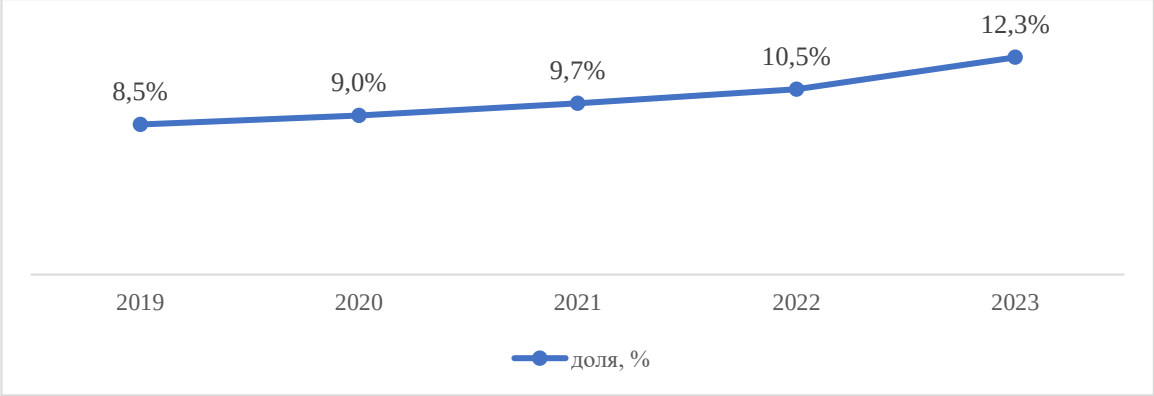

Рисунок 8. Вклад цифровой экономики в ВВП ОАЭ, доля, %
[Источник: составлено автором на основании данных источника https://businessemirates.ae/news/uae-property-news/v-oae-obnarodovali-prognozy-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki]

Этот рост, в первую очередь, обусловлен активным внедрением цифровых технологий и развитием инновационных секторов экономики. Для обеспечения дальнейшего роста в подобном темпе, предусмотрены меры по развитию цифровой инфраструктуры[175], созданию благоприятных условий для инвестиций и предпринимательства, а также поддержке инноваций в сфере

[174] Стратегия, разработанная с целью обеспечения устойчивого и сбалансированного развития энергетического сектора в стране. Основными задачами стратегии являются диверсификация энергетических источников, повышение доли чистых и возобновляемых источников энергии, а также улучшение энергоэффективности.

[175] Эль-Сайед А.Х. Интеграция искусственного интеллекта в государственные структуры ОАЭ: правовые основы и экономические выгоды / Эль-Сайед А.Х., Цыплакова А.Д. // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 9. С. 93-96

финансовых технологий, электронной коммерции и цифрового образования. Программа акцентирует внимание на таких ключевых технологиях, как блокчейн, искусственный интеллект и интернет вещей (IoT).

Согласно данным Министерства экономики ОАЭ, уровень проникновения интернета достиг 98% в 2023 году, что свидетельствует о высоком уровне цифровой грамотности населения и доступности цифровых услуг:

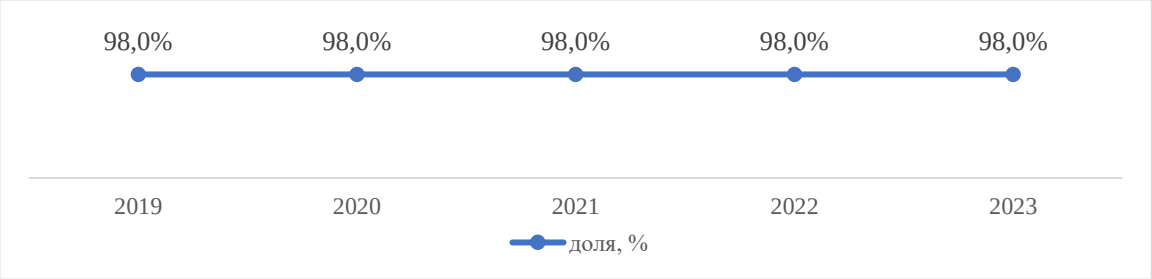

Рисунок 9. Уровень проникновения интернета в ОАЭ.
[Источник: составлено автором на основании данных источника https://inclient.ru/users-internet-stats/]

Эта стратегия также способствует развитию электронной коммерции и цифровых платежей. Объем рынка электронной коммерции в ОАЭ составил 5,7 млрд долларов США в 2023 году, и ожидается его рост до 8 млрд долларов к 2025 году. Рынок электронной коммерции демонстрирует значительный рост за последние 5 лет, что связано с онлайн-покупок и развитием цифровых платежных систем:

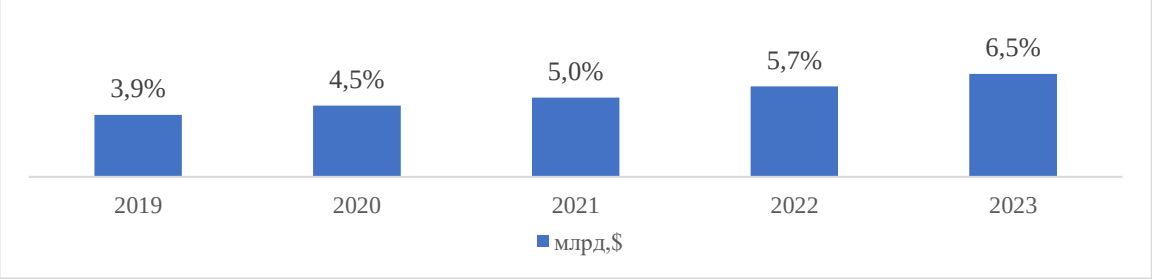

Рисунок 10. Объем рынка электронной коммерции в ОАЭ.
[Источник: составлено автором на основании данных источника https://businessemirates.ae/news/uae-property-news/v-oae-obnarodovali-prognozy-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki]

В связи с этим, также растет и доля электронных платежей в общей системе расчетов, обусловленная развитием финтех-сектора и повышением доверия к электронным платежным системам:

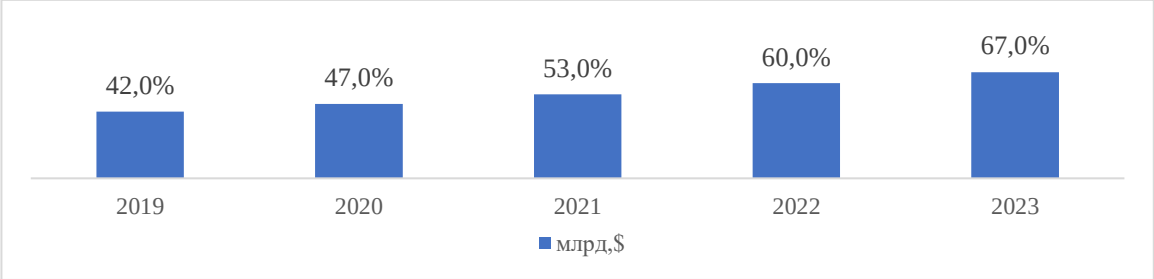

Рисунок 11. Уровень электронных платежей в ОАЭ.
[Источник: составлено автором на основании данных источника источника https://businessemirates.ae/news/uae-property-news/v-oae-obnarodovali-prognozy-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki]

Важным аспектом стратегии является развитие цифровых навыков и компетенций у населения.

В отличие от Национальной стратегии искусственного интеллекта и Стратегии передовых инноваций, которые фокусируются на развитии конкретных технологических направлений и инновационных экосистем, Стратегия цифровой экономики охватывает более широкий спектр вопросов. Она направлена на цифровизацию всех секторов экономики, в то время как другие рассматриваемые стратегии более конкретизированы.

Для более четкого выделения различий и взаимосвязи между ключевыми национальными стратегиями цифровизации и развитию рынков цифровых услуг ОАЭ, необходимо упомянуть, что ранее указанные стратегии не только связаны, но и явно дополняют друг друга, создавая полноценный, комплексный подход страны к внедрению нововведений. В то время, как UAE Centennial 2071 описывает долгосрочное видение и задает конкретные векторы развития, стратегии ИИ и инноваций предоставляют конкретные механизмы для достижения этих целей. Совместная реализация этих программ в рамках достижения общих целей способствует более быстрому достижению установленных целей.

По состоянию на 2024 год, ОАЭ достигли значительных успехов в реализации этих стратегий. Согласно данным официального портала правительства ОАЭ, страна активно продвигается в направлении достижения целей, установленных в UAE Centennial 2071. С момента ее запуска в области государственного управления была внедрена ранее рассмотренными нами Стратегия искусственного интеллекта, стратегия цифровой экономики и стратегия передовых инноваций, в сфере образования представлена Национальная повестка по передовым наукам 2031, которая использует достижения науки для решения вызовов будущего, а экономику страны было принято диверсифицировать через энергетическую стратегию 2050, ставящую целью увеличение доли чистой энергии в энергетическом балансе до 50% и повышение энергоэффективности на 40%.

Кроме того, данные инициативы создают условия для расширения рынков цифровых услуг. Сфера электронной коммерции в ОАЭ демонстрирует устойчивый рост, с увеличением объема продаж на 25% ежегодно, а ожидаемая выручка от онлайн-торговли к 2025 году превысит $17 миллиардов. Параллельно развивается финтех-индустрия, где количество стартапов увеличилось на 230% за последние пять лет благодаря поддержке государства.

Институциональной основой цифровизации султаната **Оман** является программа развития всей страны Oman Vision 2040, и разработанная в рамках нее программа eOman, получившая свое место среди амбициозных стратегий стран Персидского Залива в середине 2000-х годов. Основной задачей программы стало создание современной цифровой инфраструктуры, улучшение качества государственных услуг и повышение цифровой грамотности населения. В более широком контексте eOman является составной частью стратегической инициативы Oman Vision 2040, которая направлена на достижение диверсифицированной и инновационной экономики, как и у стран-соседей Омана по географическому положению.

Инициатива Oman Vision 2040 возникла как логическое продолжение предыдущих стратегий, включая Oman Vision 2020[176], которая была сосредоточена на диверсификации экономики и снижении зависимости от нефтяного сектора. Однако к концу срока действия Vision 2020 стало очевидно, что необходимы более масштабные преобразования. Основной целью этой стратегии является преобразование Омана в динамичную и устойчивую экономику, способную адаптироваться к вызовам современного мира. Цифровизация, как один из ключевых элементов стратегии, рассматривается не только как инструмент для экономической диверсификации, но и как способ улучшения качества жизни граждан и повышения конкурентоспособности страны на глобальном уровне.

В рамках «Видения Омана 2040» можно выделить следующие ключевые направления развития страны:

- Диверсификация экономики;
- Развитие цифровой инфраструктуры;
- Инновации и исследования;
- Цифровое государственное управления;
- Образование и развитие человеческого капитала;
- Устойчивое развитие.

[176] Национальная стратегия диверсификации экономики страны, разработанная в начале 1990-х годов. Основная цель программы заключалась в снижении зависимости страны от нефтяного сектора, который исторически был основным источником государственных доходов. Стратегия охватывала период с 1996 по 2020 годы и включала комплексные меры по развитию других секторов экономики, таких как туризм, сельское хозяйство, рыболовство, логистика и промышленность. Ключевую роль играли инвестиции в инфраструктуру, образование и развитие человеческого капитала, что должно было подготовить экономику страны к более устойчивому будущему. Одним из значимых направлений Oman Vision 2020 стала модернизация государственных институтов и внедрение технологий для повышения их эффективности. Это создало основу для дальнейшей цифровизации, которая впоследствии стала центральным элементом Oman Vision 2040. К концу реализации Vision 2020 Оман добился заметных успехов: улучшились показатели экономической диверсификации, снизилась зависимость от доходов от нефти, а также были внедрены механизмы электронного управления, что стало основой для цифровой трансформации страны в последующие годы.

Фактически, вышеупомянутые цели и направления представляют собой комплексно одну – превращение султаната Оман в привлекательный центр для инвестиций и инноваций с учетом соседей по региону. Для их достижения безусловно требуется активное применение цифровизации и внедрение цифровых услуг.

Отдельно можно выделить несколько ключевых направлений цифровизации султаната в рамках программы eOman:

- Цифровая инфраструктура: высокоскоростные сети передачи данных, центры обработки информации и облачных платформ;
- Электронное правительство: не менее, чем в ОАЭ, для Омана перевод наибольшего количества государственных услуг в онлайн-формат является неотъемлемым компонентом;
- Поддержка цифрового бизнеса: создание благоприятной и улучшение существующей среды для стартапов и компаний, работающих в цифровом секторе;
- Цифровые здравоохранение и образование: телемедицина, онлайн-платформы для обучения и повышения квалификации граждан.

В рамках успешной реализации данной программы, прослеживается положительный экономический эффект. Программа eOman позволила оптимизировать деятельность государственных структур, уменьшив административные издержки и улучшив взаимодействие с бизнесом и гражданами. Например, создание платформы eProcurement[177] сократило время

[177] Платформа, предназначенная для автоматизации, упрощения и повышения прозрачности процессов закупок в государственном секторе. Функционирует как цифровой портал, через который государственные учреждения могут взаимодействовать с поставщиками, размещать тендеры, проводить аукционы и заключать контракты. То есть, она автоматизирует все этапы закупок — от публикации тендера до заключения договора и оплаты, что позволяет минимизировать временные затраты и сократить количество ручных операций, что повышает общую эффективность системы. Более того, поставщики, использующие эту платформу, могут видеть полную информацию о тендерах, включая требования, сроки и критерии оценки, что снижает вероятность коррупции и непрозрачных решений. Основной ее особенностью и удобством является то, что платформа

на проведение государственных закупок и повысило их прозрачность, и, согласно данным Министерства финансов Омана, внедрение eProcurement позволило сократить административные издержки на закупки на 15% уже в первые годы эксплуатации.

Согласно исследованию Mordor Intelligence, рынок цифровой трансформации Омана в 2023 году оценивался в 1,889 млрд долларов США, а к 2029 году ожидается его рост до 3,560 млрд долларов при среднегодовом темпе роста 11,36%:

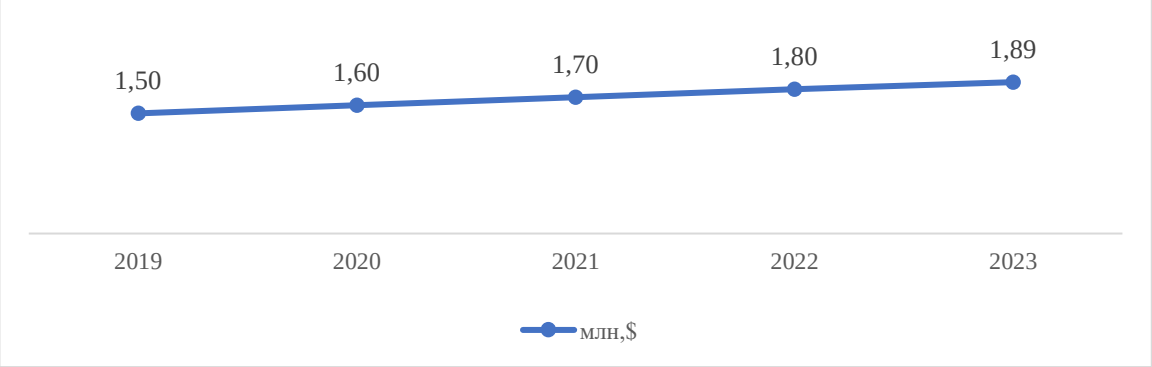

Рисунок 12. Динамика роста рынка цифровой трансформации в Омане, млн долл.
[Источник: составлено автором на основании данных источника https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/oman-digital-transformation-market]

Особое внимание уделяется электронной коммерции, которая демонстрирует значительный рост. По данным на 2024 год, объём рынка электронной коммерции в Омане вырос на 23% по сравнению с 2020 годом, что связано с увеличением числа интернет-пользователей и улучшением логистической инфраструктуры:

интегрирована с налоговыми и финансовыми системами Омана, что позволяет государственным учреждениям в режиме реального времени проверять юридическую и финансовую надёжность поставщиков и значительно сокращать процесс закупок.

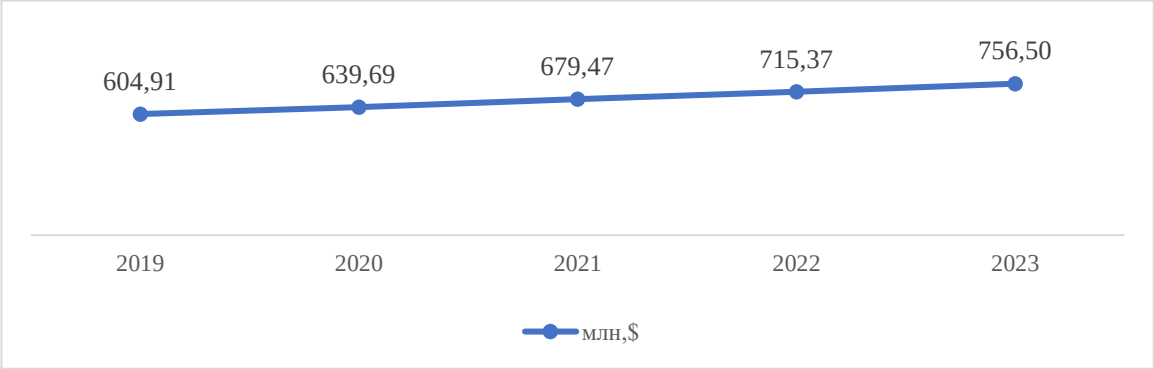

Рисунок 13. Объем рынка электронной коммерции в Омане, млн долл. [Источник: составлено автором на основании данных источника https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/oman-digital-transformation-market]

По состоянию на 2024 год, Оман продолжает активно продвигать цифровизацию как ключевую часть своей экономической политики. Важным направлением является интеграция технологий искусственного интеллекта в различные сектора экономики, однако реализация стратегии сталкивается с рядом вызовов. Одним из них является необходимость увеличения инвестиций в НИОКР, так как конкуренция на глобальном рынке требует постоянного технологического обновления. Также остаётся актуальной проблема обеспечения равного доступа к цифровым технологиям для всех групп населения.

Так, в стратегии «Оман 2040» цифровая экономика – один из основных столпов развития. В 2021 г. при MTCIT учреждена Национальная программа цифровой экономики (National Digital Economy Program) с тремя столпами:

- Умное правительство;
- Цифровое общество;
- Цифровой бизнес.

Программа ориентирована на рост вклада цифрового сектора в ВВП с ~2 % до 10 % к 2040 г.

Экономическая стратегия «Vision 2030 for Bahrain», принятая в 2008 г., определила цифровизацию в качестве сквозного фактора устойчивого развития. В практической плоскости институциональные основы цифровой

трансформации сформированы «Digital Government Strategy 2022 – 2026», подготовленной Управлением информации и электронного правительства (iGA). Стратегия исходит из принципа «Digital First» (араб. الخدمات الرقمية أولاً), предполагающего приоритет цифровых каналов во взаимодействии граждан и бизнеса с государством. Центральными направлениями выступают: развитие инфраструктуры облачных вычислений, совершенствование законодательной среды, такой как закон о защите персональных данных 2018 г.и создание единой платформы сервисов eGovernment.

Важнейшей чертой бахрейнской стратегии является акцент на инновациях и цифровизации как движущих силах развития. Как отмечается в официальных материалах, «Розничная инновация и цифровая трансформация выступают основополагающими столпами в построении диверсифицированной и устойчивой экономики, основанной на знаниях, эффективности и участии общества»[178]. Иными словами, цифровизация служит “хребтом” Vision 2030, стимулируя инновации и эффективность во всех отраслях[179].

Стратегия предусматривает превращение Бахрейна в региональный центр финансов, туризма, технологий и предпринимательства, формирование динамичной и инклюзивной экономики, приносящей пользу всем гражданам. Частный сектор в соответствии с Vision 2030 выступает главным двигателем роста, тогда как роль правительства смещается в сторону регулятора и фасилитатора благоприятной среды для бизнеса[180].

---

[178] صحيفة الأيام البحرينية. البنية الرقمية.. محرك رؤية 2030 [Цифровая инфраструктура.. Двигатель «Видение 2030»] – URL: https://www.alayam.com/Article/alayam-article/423872/%D8%A7%D9%84%D8%A8%D9%86%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%82%D9%85%D9%8A%D8%A9..-%D9%85%D8%AD%D8%B1%D9%83-%D8%B1%D8%A4%D9%8A%D8%A9-2030.html (Дата обращения: 08.06.2025)

[179] GO-Globe. Bahrain’s Digital Transformation: Digitization of Economy in lieu with Vision 2030 – URL: https://www.go-globe.com/bahrains-digital-transformation-vision-2030/ (Дата обращения: 08.06.2025)

[180] Kingdom of Bahrain Official Portal. البحرين 2030: إرساء ركائز مستقبل البحرين: الاستدامة والتنافسية والعدالة للجميع [Укрепление основ будущего Бахрейна: устойчивость, конкурентоспособность и справедливость для всех] –

Сама по себе, Bahrain Vision 2030 придала существенный импульс цифровой трансформации бахрейнской экономики. Благодаря реализации стратегических инициатив, Бахрейн стал одним из региональных лидеров в сфере электронного правительства и финтех. Уже к середине 2010-х годов королевство внедрило ряд передовых технологий: одним из первых в мире оно приняло государственную политику перехода в облако (Cloud First[181]), заключив партнёрство с Amazon Web Services по размещению национальной облачной инфраструктуры[182].

В 2017 г. Бахрейн одним из первых в регионе запустил коммерческие сети 5G, что создало базис для развития интернета вещей и высокоскоростных цифровых сервисов. Цифровая трансформация провозглашена приоритетом в основных секторах экономики: прежде всего в финансовой сфере, где банковский сектор активизировал внедрение цифровых решений (онлайн-банкинг, автоматизация процессов) с целью перехода к безналичному обществу[183]. Например, национальная платёжная система Benefit Pay предоставила жителям единый электронный кошелек для осуществления

URL:https://www.bahrain.bh/wps/portal/ar/!ut/p/z1/nZJNb4JAEIb_Cj14JDPLyodHWttgm5RWRWQvZhcobCsLki325xeOmii2c5vkmXln5h1gsAWmeCcLrmWt-L7PE-bsyMLGwHtADF7f5uiEgeda7j0NZxbEpwBZR4jvm4W_DJ_mBKcE2C31eCF8vK3-CsCut98AA9akMoOEekjQnaVmxh3HnOYWmgKd1BQkFRahVsptPtCp0o0uIRGq2fF2glzU39rQZW58SVVkdTVBwcuWS2VYSPE0g-exjfqTy8_Dgfm9Uq10_qNh-z-peJj2ilhAz4Ez-15wBBj8Hbtw0jvkXl6YQtzJ_AiRqtuq_7jVHw0JEFa8haaKoqjyqL3vmseld1x_FHe_xgxEJQ!!/ (Дата обращения: 08.06.2025)

[181] Утверждённый Советом министров Бахрейна в сентябре 2017 г. нормативный документ, разработанный Управлением информации и электронного правительства (Information & eGovernment Authority, iGA). Фактически, обязывает все государственные органы рассматривать «облако» как приоритетную площадку при создании, модернизации или закупке ИТ-систем; развёртывание «на земле» допускается лишь при доказанной невозможности или экономической нецелесообразности облака.

[182] Oxford Business Group. Bahrain’s development plans facilitate economic diversification – URL: https://oxfordbusinessgroup.com/reports/bahrain/2023-report/economy/sustainable-growth-medium-and-long-term-development-plans-implemented-to-guide-efforts-to-facilitate-economic-diversification-overview/ (Дата обращения: 08.06.2025)

[183] Wilson Center. AI in Bahrain: Integrating AI Into Economic Visions, National Security and a Growing Workforce – URL: https://www.wilsoncenter.org/blog-post/ai-bahrain-integrating-ai-economic-visions-national-security-and-growing-workforce (Дата обращения: 08.06.2025)

большинства платежей через смартфон, что значительно повысило долю безналичных операций.

В Бахрейне под эгидой Vision 2030 была внедрена обширная программа eGovernment, благодаря которой сотни государственных услуг стали доступны гражданам онлайн (через портал Bahrain.bh и мобильные приложения). Бахрейн регулярно входит в число лидеров регионального рейтинга ООН по индексу электронного правительства, конкурируя за первенство с ОАЭ[184]. Развитие электронной системы государственных услуг не только повысило эффективность и прозрачность госуправления, но и создало новые возможности для ИТ-сектора – частные компании участвуют в разработке решений для правительства, стимулируя рост местных ИТ-кадров и бизнеса. Рынок цифровых финансовых услуг в Бахрейне также заметно преобразился: традиционные банки адаптируют свои бизнес-модели, конкурируя с финтех-стартапами, которые получают поддержку через регуляторную “песочницу” центрального банка[185]. Появляются новые продукты – от электронных кошельков до исламских финтех-сервисов – ориентированные как на внутренний рынок, так и на экспорт в соседние страны. В целом, Bahrain Vision 2030 создала условия для появления “цифровой экосистемы”: совокупности инфраструктуры (высокоскоростной интернет, дата-центры), нормативных актов (закон о защите данных, электронных транзакциях и др.) и человеческого капитала (инициативы по обучению IT-навыкам, технологические хабы при университетах – например, облачный инновационный центр AWS[186] при Университете Бахрейна.

---

[184] Al-Jarida. 2035 الحكومة الرقمية... خريطة طريق لرؤية [Цифровое правительство... Дорожная карта к Видению 2035] – URL: https://www.aljarida.com/article/86646 (Дата обращения: 08.06.2025)

[185] Wilson Center. AI in Bahrain: Integrating AI Into Economic Visions, National Security and a Growing Workforce – URL: https://www.wilsoncenter.org/blog-post/ai-bahrain-integrating-ai-economic-visions-national-security-and-growing-workforce (Дата обращения: 08.06.2025)

[186] Облачный инновационный центр AWS (AWS CIC) при Университете Бахрейна, открытый в 2019 г., стал первым подобным центром на Ближнем Востоке. Площадка позволяет студентам, преподавателям и государственным ведомствам совместно решать насущные задачи публичного сектора, используя методологию инноваций AWS и доступ к

Кувейтская стратегия Vision 2035, известная как «Новый Кувейт» (New Kuwait), была официально представлена в 2017 году по инициативе эмира шейха Сабаха аль-Ахмада ас-Сабаха[187]. Данный долгосрочный план развития нацелен на трансформацию Кувейта к 2035 году в международно признанный финансово-торговый узел с привлекательным инвестиционным климатом. Vision 2035 предполагает переход от доминирования госсектора к экономике, в которой ведущую роль играет частный сектор и диверсификация базируется на знаниях и инновациях.

Основные приоритеты «Нового Кувейта 2035» – повышение вклада несырьевых отраслей, рост производительности и снижение зависимости граждан от государственного сектора в занятости[188]. На институциональном уровне главной целью провозглашено сокращение доли государства в реализации экономических проектов с нынешних ~90% до 30–40%, что отражает решимость передать инициативу частному бизнесу.

Стратегия «New Kuwait» структурирована по семи стратегическим столпам (пиларсам) развития, охватывающим все ключевые аспекты:

- Экономика;
- Государственное управление;
- Инфраструктура;
- Человеческий капитал;
- Система здравоохранения;
- Окружающая среда;

облачным сервисам компании, а финансируется при поддержке фонда Tamkeen и служит ядром подготовки кадров для цифровой экономики королевства.

[187] KAFA Kuwait. CBK Booklet for Students 2023 – URL: https://kafaakw.org/wp-content/uploads/2024/11/CBK-Booklet-Student-2023Final-4_compressed.pdf (Дата обращения: 08.06.2025)

[188] LSE Middle East Centre. Building the New Kuwait: Vision 2035 and the Challenge of Diversification – URL: https://eprints.lse.ac.uk/103198/1/Olver_Ellis_building_the_new_Kuwait_published.pdf (Дата обращения: 08.06.2025)

- Глобальная позиция в мире.[189]

Kuwait Vision 2035 также оказала заметное влияние на цифровое развитие, хотя прогресс носит более постепенный характер ввиду институциональных особенностей страны. После запуска «Нового Кувейта» правительство активизировало программы по электронному правительству и модернизации государственных услуг. Более 50 кувейтских государственных ведомств в последние годы приступили к оцифровке своих услуг, объединяя усилия под эгидой Центрального агентства информационных технологий (ЦАИТ)[190]. Создаётся единый портал электронных услуг, нацеленный на повышение удобства для граждан и бизнеса. Благодаря этим шагам Кувейт улучшил свои позиции в глобальном рейтинге ООН по развитию электронного правительства. Правительственные руководители подчёркивают, что цифровизация государственных сервисов рассматривается как «дорожная карта» реализации Видения 2035 и необходимое условие для устойчивого развития и всесторонних реформ.

В экономике Кувейта Vision 2035 стимулировало развитие инфраструктуры для цифрового сектора. Так, в сотрудничестве с иностранными и местными инвесторами продвигаются проекты создания технологических парков и стартап-инкубаторов. Особое внимание уделяется развитию телекоммуникаций: в стране внедряются сети 5G операторами связи, расширяется широкополосный доступ к интернету, что должно поддержать рост цифровых услуг (онлайн-торговли, электронного банкинга, облачных сервисов и др.). Частный сектор постепенно вовлекается в проекты цифровой экономики – это одно из целевых направлений третьего Национального плана (2020–2025). Однако Кувейт сталкивается и с препятствиями. Эксперты отмечают, что отсутствие целостного межведомственного подхода и

[189] World Bank. Country Engagement Framework for the State of Kuwait 2021–2025 – URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/06a7eba0bc51a01f8b1e4ba80be0bcdf-0280012021/original/KuwaitCEF-2021-2025-Final-English.pdf (Дата обращения: 08.06.2025)
[190] Al-Jarida. 2035 الحكومة الرقمية... خريطة طريق لرؤية [Цифровое правительство... Дорожная карта к Видению 2035] – URL: https://www.aljarida.com/article/86646 (Дата обращения: 08.06.2025)

фрагментация мер поддержки сдерживают развитие инновационной экосистемы предпринимательства[191].

Например, специально созданный Национальный фонд развития малого и среднего бизнеса пока не стал эффективным инструментом стимулирования стартапов, из-за недостатка стратегического видения и институциональной координации. Очевидно, что для полной цифровой трансформации кувейтской экономике требуются дальнейшие реформы – в том числе в области образования, рынка труда и государственного управления – на выполнение которых и направлены последовательные этапы стратегии 2035[192].

Тем не менее, процесс цифровой модернизации в Кувейте набирает скорость. Правительство декларирует приверженность курсу на региональное цифровое лидерство в согласовании с Видением «Нового Кувейта»[193]. Это включает и развитие непосредственно цифровой экономики – от электронных платежей и финтех (где, например, Национальный банк Кувейта внедряет новые онлайн-сервисы) до внедрения кибербезопасности и искусственного интеллекта в государственном секторе. Важным шагом стало создание в 2021 г. отдельного Министерства государственных услуг и цифрового развития (условное название, объединившего ИТ и связь) – аналогично тому, как в других странах региона появляются министерства цифровой экономики. Кроме того, реализуются инициативы с международными организациями

---

[191] KAFA Kuwait. CBK Booklet for Students 2023 – URL: https://kafaakw.org/wp-content/uploads/2024/11/CBK-Booklet-Student-2023Final-4_compressed.pdf (Дата обращения: 08.06.2025)

[192] LSE Middle East Centre. Building the New Kuwait: Vision 2035 and the Challenge of Diversification – URL: https://eprints.lse.ac.uk/103198/1/Olver_Ellis_building_the_new_Kuwait_published.pdf (Дата обращения: 08.06.2025)

[193] KUNA. وزير «الاتصالات»: دعم الاقتصاد الرقمي بما ينسجم مع الرؤية التنموية [«Министр связи: поддержка цифровой экономики в соответствии с развивающимся видением»] – URL: https://www.kuna.net.kw/ArticleDetails.aspx?id=3233642&Language=ar (Дата обращения: 08.06.2025)

(например, сотрудничество с Всемирным банком и ООН) для обмена передовым опытом цифровизации и привлечения экспертизы[194]

Так, экономические стимулы, которые страны Персидского залива вкладывают в цифровизацию, значительно укрепляют их позиции на международном уровне. Программы цифровой трансформации создают благоприятные условия для притока иностранных инвестиций, ускорения роста внутренних рынков цифровых услуг и развития стартапов. Например, по мере роста цифровой инфраструктуры растет и производительность в отраслях, не связанных с добычей нефти.

Существенной особенностью институциональной модели цифровизации в странах Персидского залива является активная роль государства как якорного заказчика цифровых решений. Реализация программ электронного правительства, национальных платформ цифровой идентификации, облачной инфраструктуры и межведомственных информационных систем формирует устойчивый внутренний спрос на цифровые услуги и IT-продукты. При этом данные инициативы выполняют не только административную функцию, но и закладывают институциональные условия для дальнейшего развития частного сектора цифровых услуг, не предполагая прямого вмешательства государства в рыночные механизмы.

Сами по себе национальные программы и стратегии цифровизации в странах Персидского залива выступают инструментом для устойчивого экономического развития, где инвестиции в цифровую инфраструктуру направлены на достижение глобальной конкурентоспособности. Каждая страна выстраивает уникальный путь цифровой трансформации, учитывая свои экономические условия, и эта диверсификация путей показывает, что цифровизация становится основным элементом устойчивой экономики региона.

---

[194] World Bank. Country Engagement Framework for the State of Kuwait 2021–2025 – URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/06a7eba0bc51a01f8b1e4ba80be0bcdf-0280012021/original/KuwaitCEF-2021-2025-Final-English.pdf (Дата обращения: 08.06.2025)

Таким образом, национальные программы и стратегии цифровой трансформации стран Персидского залива формируют комплексную институциональную основу развития цифровых технологий и IT-сектора. Сочетание стратегического планирования, специализированных органов управления и активного участия государства в создании цифровой инфраструктуры позволяет рассматривать цифровизацию как системный элемент экономической политики региона. Сформированная институциональная среда создаёт предпосылки для трансформации рынков цифровых услуг и изменения отраслевой структуры экономик стран Персидского залива, что требует отдельного анализа на уровне рыночных механизмов и экономических эффектов.

2.3 Проблемы внедрения цифровых технологий в различные отрасли экономики стран региона

В мировой науке продолжается изучение инструментов и механизма цифрового развития государств Персидского залива. При этом, оценки результатов внедрения цифровых услуг в отраслях экономики таких стран региона, как: Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Королевство Саудовская Аравия являются противоречивыми.

Группа ученых положительно оценивает результаты цифровизации экономики стран Персидского Залива. Указывается, что за счет цифровизации государствам удалось ускорить экономический рост и провести частичную диверсификацию экономики с увеличением доли ненефтегазовых отраслей, в том числе, высокотехнологичных и сферы услуг.

Несмотря на то, что цифровизация экономики стран Персидского залива началась на десятилетия позже, чем в государствах Западной Европы, она проходила более интенсивно. В 2010-2015 гг. были превышены ключевые среднемировые значения развития цифровых технологий. Цифровая трансформация в странах ССАГПЗ «принесла преобразующие преимущества» во всех отраслях экономики, траектория трансформации открывает захватывающие возможности для будущего с большей интеграцией новых технологий и достижений в различных секторах[195].

Ученые полагают, что цифровые технологии открывают возможности для диверсификации промышленности стран и развития внутрирегиональной торговли, в том числе за счет новых сравнительных преимуществ в сфере туристических, транспортных, финансовых услуг.

Другая группа ученых более сдержанно описывает успехи цифровой трансформации экономики стран ССАГПЗ, указывая на наличие комплекса проблем. Х. Барини обращает внимание на увеличение цифрового разрыва и

---

[195] Эль-Сайед А.Х. Проблематика внедрения цифровых услуг в отраслях экономики стран Персидского залива / Эль-Сайед А.Х., Дигилина О.Б. // Горизонты экономики. – 2024. – № 6 (86). С. 89-98

различий между странами, отраслями региона, что не способствует развитию промышленной кооперации, росту внутрирегиональной торговли и инвестиций. Высокий уровень цифровизации стран ССАГПЗ создает барьеры для экономического сотрудничества с государствами, где изучаемые процесса протекают медленнее. Стоит обратить внимание на низкий уровень цифрового сотрудничества между операторами цифровизации стран Персидского залива. Государственные субъекты являются движущей силой цифровой трансформации, что снижает роль частных инвесторов. Такая модель позволяет лучше контролировать процесс, но также создает политическую и техническую уязвимости.

Особой чертой изучаемого региона является ограниченность возможностей для обмена цифровыми товарами и услугами, что локализует и сдерживать масштабы цифровой трансформации экономик. Развитие цифровизации стран ССАГПЗ сдерживается медленным развитием индустрии знаний и инноваций.

Результаты исследования О. Парсело, Ж. Риан показывают, что страны Персидского залива значительно отстают от лидеров мировой экономики, основанной на знаниях, особенно заметно в области инноваций[196]. Н. Саиди полагает, что в случае задержки с внедрением цифровых технологий существующие различия могут увеличиться, что приведет к ухудшению результатов и перспектив цифровой трансформации стран региона.

Таким образом, оценка результатов цифровой трансформации стран Персидского залива показывает, что, несмотря на успехи начальных этапов, государства сталкиваются с проблемами, которые замедляют процесс. В таких условиях следует уделять внимание изучению результатов преобразований, учитывая значительные объемы государственных инвестиций, направляемых на программы цифровой трансформации.

---

[196] Parcero O., Ryan J.Ch. Becoming a Knowledge Economy: the Case of Qatar, UAE and 17 Benchmark Countries. Journal of the Knowledge Economy. – №8 (4). – 2017. URL: https://arxiv.org/pdf/2401.04214 (дата обращения.1.10.2024).

Проблемы внедрения цифровых технологий в отрасли экономик стран Персидского залива можно разделить на три ключевых группы:

1. Технические и инфраструктурные;
2. Экономические и социальные ограничения;
3. Государственные и правовые;

Внедрение цифровых технологий в странах ССАГПЗ действительно сталкивается с рядом ключевых технических и инфраструктурных проблем. Несмотря на значительные успехи в создании телекоммуникационной инфраструктуры, остаются серьёзные вызовы, связанные с неравномерным доступом к интернету, ограниченным развертыванием сетей пятого поколения (5G) и растущими угрозами кибербезопасности. Эти проблемы оказывают прямое влияние на скорость и качество цифровой трансформации в регионе.

Телекоммуникационная инфраструктура стран ССАГПЗ играет важнейшую роль в процессе цифровизации, однако её развитие остаётся неравномерным, особенно в сельских районах:

- Разрыв между городами и сельской местностью. Уровень проникновения интернета в городах стран региона, таких как Дубай или Доха, достигает 98–99%. В то же время, в сельских районах Саудовской Аравии и Омана только 50–70% населения имеют доступ к стабильному интернету. Это создаёт серьёзный дисбаланс в доступе к современным технологиям и усложняет развитие цифровой экономики в этих регионах[197];
- Проблемы с развитием сетей пятого поколения (5G). В ОАЭ и Катаре покрытие 5G достигает 85% и 75% территории соответственно, что делает эти страны лидерами в регионе. Однако в Омане и Кувейте сети пятого поколения охватывают менее 20% регионов, что связано с высокой стоимостью инфраструктуры и низкой экономической рентабельностью в

[197] Миронова М. С. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 120 с.

сельских районах. Согласно отчёту GSMA за 2023 год, в Саудовской Аравии только 60% населения имеет доступ к сетям 5G, причём большая часть покрытия сосредоточена в крупных городах, таких как Эр-Рияд и Джидда[198];

- Инициативы по развитию инфраструктуры. В Саудовской Аравии программа Vision 2030 предусматривает инвестиции в размере $3 млрд на строительство базовых станций и увеличение охвата сельских районов. С 2020 по 2023 годы доля домохозяйств, подключённых к интернету, выросла с 60% до 80%. В ОАЭ реализация национальной программы по субсидированию интернета для малообеспеченных семей позволила увеличить общее проникновение интернета до 98% населения.[199]

Таблица 8. Доступ к интернету и покрытие 5G в странах ССАГПЗ. [Источник: составлено автором]

Страна	**Проникновение интернета, %**	**Покрытие 5G, %**	**Доля пользователей в сельских районах, %**
ОАЭ	99	85	95
Саудовская Аравия	85	60	70
Катар	96	75	80
Кувейт	88	20	65
Оман	75	15	50
Бахрейн	92	50	60

ОАЭ и Катар остаются лидерами в регионе благодаря значительным инвестициям в инфраструктуру. Саудовская Аравия делает существенные успехи, но сельские районы всё ещё отстают по сравнению с городскими. В Омане и Кувейте уровень внедрения 5G остаётся низким, что требует значительных усилий для развития инфраструктуры.

[198] Zubrin, T., & Al-Mutawa, Y. (2023). Policy-Driven Digitalization in GCC Economies: A Focus on Saudi Arabia and UAE. Governance and Technology Review, 6(2), 75–90.
[199] Saudi Arabia Vision 2030. (2022). Annual Report on Digital Initiatives. Riyadh: Ministry of Economy.

С ростом цифровизации возрастает угроза кибератак. Страны ССАГПЗ сталкиваются с недостаточной защитой данных, особенно в государственных и стратегических секторах, таких как финансы, здравоохранение и энергетика:

- Увеличение числа кибератак. В 2022 году, по данным Kaspersky Lab, количество кибератак в регионе выросло на 30% по сравнению с предыдущим годом. Основные цели атак включают финансовые учреждения, государственные базы данных и энергетические компании. В 2021 году атака на компанию Saudi Aramco привела к утечке данных и нанесла ущерб в размере $50 млн. В ОАЭ участились атаки на государственные платформы, такие как «UAE Pass»[200], что привело к увеличению расходов на обеспечение безопасности;
- Недостаточная защита данных. Несмотря на высокий уровень цифровизации, многие компании и государственные учреждения региона сталкиваются с устаревшими системами защиты. В Катаре более 40% компаний до сих пор используют уязвимые платформы, а в Омане наблюдается нехватка специалистов в области кибербезопасности;
- Национальные инициативы по усилению безопасности. Саудовская Аравия создала Национальный центр кибербезопасности, который ежегодно обучает более 10 000 специалистов. Этот центр внедряет передовые стандарты защиты для всех критически важных систем. В Катаре реализуется Национальная стратегия кибербезопасности с бюджетом $500 млн,

[200] Система аутентификации, разработанная для упрощения взаимодействия граждан и резидентов ОАЭ с государственными и частными учреждениями. Инициатива была запущена в 2018 году и стала ключевым элементом стратегии цифровой трансформации страны. Система позволяет пользователям безопасно подтверждать свою личность в различных сервисах без использования физических удостоверений. Они могут создать учетную запись, привязав к ней свои биометрические данные и с ее помощью получать доступ к различным государственным и частным услугам, включая подачу заявок, получение документов, оплату сборов и регистрацию бизнеса через мобильные приложения и веб-сайты, контролируя предоставляемые данные.

направленная на защиту стратегической инфраструктуры, включая энергетические объекты и банковский сектор[201].

Доступ к высокоскоростному интернету остаётся одной из самых острых проблем, особенно в сельских и удалённых районах. В Саудовской Аравии скорость интернета в сельских районах редко превышает 10 Мбит/с, что значительно ниже мировых стандартов. В Омане менее 50% домохозяйств в удалённых регионах имеют доступ к широкополосному интернету, что сдерживает развитие образования и здравоохранения. В Бахрейне стоимость подключения к 5G достигает $50 в месяц, что делает его недоступным для части населения. В Кувейте операторы связи неохотно развивают инфраструктуру в сельских регионах из-за низкой рентабельности.

В Саудовской Аравии к 2023 году было построено более 500 базовых станций, что позволило расширить доступ к интернету на 25% в сельских районах. В ОАЭ внедрены государственные субсидии, что обеспечило подключение более 98% малообеспеченных семей[202].

Технические и инфраструктурные проблемы продолжают ограничивать возможности цифровой трансформации в странах ССАГПЗ. Основные вызовы включают неравномерное развитие телекоммуникационных сетей, уязвимость к кибератакам и низкий уровень доступа к интернету в сельской местности. Для решения этих проблем необходимы долгосрочные инвестиции, программы подготовки специалистов и активное участие государственных структур. Решение этих задач позволит странам ССАГПЗ стать полноценными лидерами в области цифровых технологий.

В свою очередь, экономические и социальные препятствия серьезно ограничивают потенциал и эффективность рассматриваемых арабских стран. Высокая стоимость внедрения технологий, нехватка квалифицированных

[201] Khan, M., Saeed, A., & Al-Mutairi, K. (2022). Cybersecurity Challenges in GCC Economies: Policy Recommendations for Sustainable Digital Growth. Cybersecurity and Policy Review, 10(2), 15–28.

[202] World Economic Forum. (2022). The Eight Digital Trends Defining The GCC’s Future. Geneva: WEF.

кадров и социальные барьеры, включая культурное сопротивление и недоверие к цифровым инструментам, замедляют развитие инноваций в регионе. Эти проблемы требуют глубокого анализа и выработки стратегий для их преодоления.

Экономический аспект является одним из наиболее существенных ограничений цифровой трансформации в странах ССАГПЗ. Несмотря на их высокий финансовый потенциал, затраты на развитие цифровой инфраструктуры остаются значительными и требуют долгосрочных инвестиций, которые часто оказываются убыточными в краткосрочной перспективе.

В странах региона значительная часть средств направляется на развитие инфраструктуры в крупных городах, таких как Дубай и Эр-Рияд, где спрос на цифровые услуги высок, а окупаемость инвестиций максимальна. В то же время сельские и удаленные районы остаются в стороне.

Например:

- В Саудовской Аравии в 2023 году на развитие телекоммуникаций в сельской местности было выделено лишь 20% бюджета, выделенного на цифровизацию, что ограничивает доступ к интернету для миллионов жителей;
- В Кувейте около 30% сельских населенных пунктов остаются без подключения к широкополосным сетям, так как операторы не видят экономической целесообразности в развитии инфраструктуры в этих зонах[203].

Развитие сетей 5G требует значительных вложений: одна базовая станция обходится в $200 000. Для покрытия всей территории Саудовской Аравии необходимо построить более 10 000 станций, что требует инвестиций свыше $2 млрд. В Омане для модернизации инфраструктуры было выделено

[203] Воронцовский А.В., Цифровизация экономики и ее влияние на экономическое развитие и общественное благосостояние // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – Т. 36, № 2. – С. 189–216.

$1,5 млрд, однако значительная часть средств ушла на обслуживание уже существующих сетей, что замедлило внедрение новых технологий[204].

Инвестиции в цифровую трансформацию часто требуют длительного периода окупаемости:

- в Бахрейне внедрение цифровых платформ для управления водными ресурсами обошлось в $50 млн, но ожидается, что экономическая выгода от проекта проявится только через 7–10 лет;
- в Катаре проект «Smart Villages»[205] стоимостью $300 млн обеспечил подключение более 100 000 человек к интернету, но доходы от его реализации остаются минимальными.

Для снижения финансовой нагрузки государства вводят программы субсидирования:

- в ОАЭ национальная программа по поддержке операторов связи снизила затраты на подключение сетей 5G на 15%, что увеличило количество пользователей в сельских районах на 20%;
- в Саудовской Аравии в рамках Vision 2030 ежегодно выделяется более $1 млрд на проекты цифровизации, что позволяет постепенно сокращать разрыв между городскими и сельскими районами.

Проблема нехватки специалистов в области цифровых технологий остаётся одним из главных препятствий для успешной цифровизации. Это ограничивает внедрение инноваций и усиливает зависимость от иностранных

---

[204] GCC Secretariat General. (2022). The GCC Digital Economy Outlook: Strategies and Challenges. Riyadh: GCC Secretariat.

[205] Инициатива по созданию инновационных и устойчивых сообществ, которые используют современные технологии для повышения качества жизни граждан и резидентов. Запущенный в рамках более широкого подхода к умному городу, проект направлен на интеграцию цифровых решений и экологически чистых для обеспечения удобства, безопасности и устойчивости городской инфраструктуры. Фокусируется на создании высококачественных жилых и коммерческих пространств, которые обеспечивают доступ к современным услугам, таким как высокоскоростной интернет, умные системы управления энергоснабжением и водоснабжением и современные транспортные решения. Также, в рамках реализации проекта значительное внимание уделено ВИЭ в целях снижения углеродного следа.

экспертов. В Саудовской Аравии только 18% выпускников университетов обучаются специальностям, связанным с технологиями. Это значительно ниже потребностей экономики: в 2023 году нехватка ИТ-специалистов в стране составила около 10 000 человек. В Государстве Катар правительство инвестировало $50 млн в создание центров подготовки специалистов в области искусственного интеллекта, однако дефицит кадров продолжает ощущаться.

В таких странах, как ОАЭ и Катар, до 70% технологического сектора обеспечивается экспатами. Это создаёт дополнительные расходы на привлечение и удержание кадров.

Например:

- в 2022 году ОАЭ потратили более $500 млн на привлечение экспертов из Индии и Европы;
- в Бахрейне каждая компания тратит около $100 000 в год на обучение и адаптацию иностранных специалистов.

Для уменьшения зависимости от экспатов страны региона вводят национальные инициативы:

- в Саудовской Аравии ежегодно обучают более 50 000 человек в рамках программы Vision 2030. В 2022 году эта программа позволила увеличить долю местных специалистов в цифровом секторе на 15%;
- в ОАЭ действует программа «One Million Coders»[206], нацеленная на обучение программированию более миллиона человек к 2030 году[207].

[206] Инициатива, созданная в 2019 году для обучения миллиона человек программированию, с ключевыми особенностями, такими как бесплатное обучение, акцент на востребованные навыки в IT, и активное участие правительства и частного сектора. Является частью стратегий ОАЭ по развитию цифрового образования и экономике знаний. Предполагает за собой бесплатное обучение и охватывает различные языки программирования.

[207] Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник / Под ред. М. С. Мироновой. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 120 с

Социальные барьеры также замедляют внедрение цифровых технологий. Они связаны с культурными особенностями региона, недостаточным доверием к цифровым инструментам и сложностью адаптации старшего поколения.

В некоторых странах региона, таких как Оман и Кувейт, традиционные нормы общества препятствуют принятию новых технологий:

- женщины в сельских регионах реже получают доступ к образовательным и технологическим ресурсам из-за культурных ограничений;
- согласно опросу PwC, 40% граждан Саудовской Аравии избегают использования онлайн-услуг из-за опасений за конфиденциальность данных.

Старшее поколение часто сталкивается с проблемами в освоении цифровых технологий.

Например:

в Бахрейне только 12% граждан старше 60 лет используют мобильные приложения для государственных услуг;

- в Катаре действует программа «Digital Access for Seniors»[208], однако её результаты ограничены низкой вовлечённостью этой группы населения.

При этом, в ОАЭ реализуется инициатива «Digital Literacy»[209], в рамках которой более 100 000 человек прошли обучение работе с цифровыми

[208] Инициатива, направленная на повышение цифровой грамотности и доступности технологий для старшего поколения. Ее целью является помощь пожилым людям в освоении современных технологий (напр., компьютеры, смартфоны, интернет-сервисы) и для ее реализации программа включает в себя обучение основам работы с цифровыми устройствами, использование социальных сетей, электронного банкинга, онлайн-услуг и других ресурсов, которые могут улучшить качество жизни и социальное взаимодействие. Как и другие подобные инициативы, Digital access for Seniors включает в себя обязательное обучение участников основам кибербезопасности и защите личных данных.

[209] Инициатива, запущенная в 2018 году и направленная на повышение уровня цифровых навыков среди населения, акцентируя свое внимание на таких аспектах, как: обязательное обучение в школах, на критическое мышление и кибербезопасность, а также сотрудничество с частным сектором. Начала активное развитие после определение правительством ОАЭ цифровой грамотности как важного компонента образования для подготовки населения к возможным и предстоящим вызовам цифровой экономики.

платформами. В Саудовской Аравии программы поддержки женщин в ИТ-сфере увеличили их участие в технологическом секторе на 25% за последние пять лет.

Экономические и социальные ограничения существенно замедляют цифровую трансформацию в странах ССАГПЗ. Высокие затраты на внедрение технологий, нехватка квалифицированных кадров и социальное сопротивление требуют комплексных решений. Для преодоления этих барьеров необходимы долгосрочные инвестиции в образование, поддержка государственных субсидий и масштабные культурные инициативы. Только системный подход позволит странам региона использовать весь потенциал цифровизации для устойчивого развития.

Основные трудности государственного и правового сектора проблем также существенно замедляют процесс внедрения цифровых услуг и цифровизации как таковой в целом. Так, они включают в себя слабую законодательную базу, бюрократические барьеры и недостаточную координацию между государственным и частным секторами. Эти проблемы препятствуют эффективному внедрению технологий и тормозят развитие цифровой экономики. Для их преодоления требуются как институциональные реформы, так и инновационные подходы к управлению, так как правовая поддержка со стороны государства является одним из критических факторов успешного стремления к реализации национальных программ развития в области цифровизации.

Однако, в большинстве рассматриваемых стран законодательная база не показывает параллельного стремительного развития, что может приводить к пробелам в области государственного регулирования и частичному торможению внедрения инноваций. Практически в каждой арабской стране

Обязательное обучение в рамках инициативы предполагает собой внедренные курсы цифровой грамотности для студентов в школах и университетах, охватывающие базовые навыки работы с компьютерами, интернетом и программным обеспечением, а критическое мышление в свою очередь акцентируется на способности анализировать и фильтровать информацию в онлайн-среде.

Персидского залива есть наглядный пример, иллюстрирующий несовершенство законодательных актов в области цифровизации.

Например:

- В Саудовской Аравии платформа «Absher» активно используется для предоставления государственных услуг, однако законодательство, регулирующее обработку данных граждан, всё ещё находится в стадии разработки. Это вызывает обеспокоенность среди пользователей относительно безопасности их информации;
- В Омане правовые нормы, касающиеся искусственного интеллекта (ИИ), отсутствуют, что ограничивает возможности для его внедрения в государственных структурах и частном бизнесе;
- Низкий уровень защиты данных. В ОАЭ, несмотря на активное развитие государственных платформ, таких как «UAE Pass», законы о защите персональных данных остаются на уровне минимальных стандартов. Это ограничивает доверие граждан к цифровым услугам. Согласно исследованию PwC, около 40% граждан избегают использования онлайн-платформ из-за опасений за конфиденциальность данных. В Бахрейне законы о защите данных обновлялись последний раз в 2018 году, что не позволяет эффективно учитывать современные угрозы, включая кибератаки и утечки информации;
- Примеры успешных инициатив. В Катаре принят Data Privacy Law 2016[210], который стал эталоном для региона. Закон обязывает

[210] Закон №13 о защите персональных данных. был принят с целью создания правовой основы для защиты данных в условиях стремительной цифровизации и роста объемов личной информации, обрабатываемой как государственными, так и частными организациями. Его основные положения акцентируют внимание на праве людей контролировать свою персональную информацию и устанавливают правила для её сбора, хранения, обработки и передачи. Закон требует от организаций получения согласия пользователей на обработку их личных данных, что повышает уровень прозрачности и доверия между населением и организациями. Все организации, работающие с личной информацией, обязаны осознавать и реализовывать соответствующие меры безопасности

компании защищать данные граждан и соблюдать высокие стандарты конфиденциальности. Благодаря этому Катару удалось повысить доверие граждан к цифровым услугам, что привело к увеличению их использования на 25% за последние три года. Саудовская Аравия в 2023 году утвердила национальную стратегию по защите данных, которая включает строгие меры ответственности за утечку информации и штрафы до $1 млн для организаций, нарушающих правила.

Бюрократические сложности остаются одним из ключевых препятствий для реализации цифровых проектов. Эти барьеры проявляются в виде сложных административных процедур, долгих сроков принятия решений и недостаточной гибкости государственных структур.

В Саудовской Аравии каждый проект цифровизации требует согласования сразу в нескольких министерствах, что значительно увеличивает сроки его реализации. Например, проект по внедрению блокчейн-технологий в здравоохранении был задержан на два года из-за разногласий между министерством здравоохранения и министерством связи.

В Кувейте процесс согласования инициатив между государственными структурами занимает от 6 до 12 месяцев. Это замедляет реализацию цифровых программ, особенно в таких секторах, как образование и логистика.

Бюрократические процедуры также мешают эффективному финансированию проектов. Например, в Омане программа модернизации телекоммуникационной инфраструктуры задержалась на три года из-за сложностей с распределением бюджетных средств.

для защиты данных от несанкционированного доступа и утечек. Основным из ключевых принципов является минимизация данных, т.е. возможность сбора и использования только необходимой информации для конкретных целей. Кроме того, закон регулирует передачу данных за пределы страны, требуя соблюдения стандартов безопасности и защиты прав пользователей при такого рода операциях.

В Бахрейне значительная часть цифровых инициатив остаётся недофинансированной, так как процесс утверждения бюджета на проекты требует прохождения нескольких этапов согласования.

Успешные примеры сокращения бюрократии:

- В ОАЭ внедрена система «Smart Decisions»[211], которая позволяет согласовывать государственные инициативы в электронном формате. Благодаря этому процесс принятия решений сократился с нескольких месяцев до двух недель. Эта система особенно эффективна в секторе образования, где новые цифровые платформы запускаются быстрее;
- В Катаре действует программа автоматизации бюрократических процессов, благодаря которой сроки согласования инициатив сократились на 30%.

Для успешной цифровизации необходимо тесное взаимодействие между государственными органами и бизнесом. Однако в странах ССАГПЗ координация между этими секторами часто оказывается недостаточной.

---

[211] Интегрированная платформа для поддержки принятия решений в сфере государственного управления и бизнеса. Разработана с целью улучшения уровня управления и повышения эффективности операций в различных секторах экономики, используя современные технологии и аналитические инструменты. Основной акцент системы сделан на анализ данных, а ключевой задачей является интеграция данных из различных источников, включая правительственные учреждения, частные компании и общественные организации, что позволяет создавать единую базу данных, которая включает в себя разнообразную информацию, такую как демографические данные, экономические показатели, данные о здравоохранении и образовании, а также данные о состоянии инфраструктуры. Собранные данные обрабатываются с использованием передовых методов анализа, что позволяет выявлять тренды, модели и возможности для улучшения. Система обеспечивает доступ к мощным аналитическим инструментам, позволяющим государственным служащим и менеджерам эффективно моделировать различные сценарии и оценивать последствия принимаемых решений. Например, Smart Decisions может быть использована для планирования городской инфраструктуры, управления транспортом, распределения ресурсов в сфере здравоохранения и других жизненно важных аспектов государственного управления. Smart Decisions также поддерживает концепцию открытых данных. Платформа способствует обмену знаниями между государственными учреждениями и частными компаниями, что создает возможности для сотрудничества и инноваций.

Государственные проекты и частные инициативы нередко реализуются изолированно, что снижает их эффективность. Например, в Саудовской Аравии государственные платформы, такие как «Absher», плохо интегрированы с частными сервисами. Это приводит к дублированию функций и увеличению затрат.

В Кувейте около 60% цифровых проектов реализуются без участия частного сектора, что ограничивает их масштаб и инновационный потенциал. В Омане отсутствуют налоговые льготы и гранты для компаний, участвующих в цифровых инициативах. Это снижает интерес бизнеса к реализации таких проектов.

В Бахрейне малый и средний бизнес не включён в программы поддержки цифровизации, что приводит к замедлению инновационного развития в этом сегменте.

В ОАЭ инициатива Dubai Data Initiative[212] стала платформой для обмена данными между государственными и частными структурами. Это позволило запустить несколько совместных проектов, включая модернизацию транспортной системы Дубая с использованием искусственного интеллекта.

[212] Инициатива, представляющая собой комплексный подход к сбору, анализу и использованию данных для улучшения качества жизни граждан и резидентов, а также для повышения конкурентоспособности города на глобальной арене. Одной из ключевых задач инициативы является создание единой платформы для обмена данными между различными правительственными учреждениями, частными компаниями и общественными организациями. Это позволяет оптимизировать процессы управления и принимать более обоснованные решения на основе анализа данных. Также активно поддерживает концепцию открытых данных, предоставляя доступ к информации всем заинтересованным сторонам и стимулируя сотрудничество между различными секторами. Она включает в себя создание стандартизированных протоколов для обработки и обмена данными, что обеспечивает совместимость и надежность данных.

В Катаре программа государственного и частного партнёрства (PPP)[213] обеспечила совместное финансирование цифровых проектов, таких как внедрение умных систем в энергетическом секторе[214].

Государственные и правовые ограничения остаются значительным барьером для цифровизации стран ССАГПЗ. Недостаточная разработка законодательной базы, сложные бюрократические процедуры и слабая координация между государственными и частными структурами замедляют реализацию цифровых проектов. Для преодоления этих проблем необходимы масштабные реформы, включая принятие современных законов, автоматизацию административных процессов и создание стимулов для частного сектора. Только комплексный подход позволит странам региона максимально использовать потенциал цифровой трансформации.

При этом, критически важным активом монархий Персидского залива является нефтегазовый сектор, который выступил инвестиционной базой для ускоренной цифровизации экономики. В меньшей степени используются зарубежные инвестиции, однако более важное значение имеют внешние технологии, которые получают страны региона.

---

[213] Программа, ориентированная на привлечение частных инвестиций для реализации проектов в различных секторах экономики, включая инфраструктуру, здравоохранение, образование и услуги. Была запущена с целью ускорения экономического развития, повышения эффективности управления проектами и создания устойчивой экономической среды. Ключевым элементом является Закон о Государственном и Частном Партнерстве, принятый в 2014 году, который устанавливает правовую основу для сотрудничества между государственными учреждениями и частным сектором. Закон определяет основные принципы ГЧП, включая открытость, прозрачность и честную конкуренцию. Он также регулирует вопросы, связанные с распределением рисков, финансированием, правами и обязанностями сторон в партнерстве. Одной из главных целей программы является привлечение частных инвестиций в инфраструктурные проекты, такие как строительство дорог, мостов, больниц и школ. Частный сектор имеет возможность участвовать в проектировании, финансировании, строительстве и эксплуатации объектов, что позволяет снизить финансовую нагрузку на государственный бюджет. Программа также способствует внедрению инновационных технологий и лучших практик управления, что улучшает качество предоставляемых услуг. В рамках программы ГЧП, правительство Катара активно ищет партнеров для реализации крупных проектов, создавая привлекательные условия для частных инвесторов. Это включает в себя налоговые льготы, гарантии доходности и поддержку в получении необходимой инфраструктуры и ресурсов.

[214] UNCTAD. (2024). Digital Economy Report 2024. New York: United Nations Conference on Trade and Development.

Тесные контакты стран ССАГПЗ с Китайской Народной Республикой поддерживают цифровую трансформацию экономики. Так, например, Пекин реализует в регионе инициативу Цифровой шелковый путь[215], являющийся технологическим подразделением глобальной инициативы «Один пояс, один путь». Более 50 стран[216] подписали соглашения о сотрудничестве в области цифровых технологий в рамках этой инициативы, где страны Персидского Залива стали не исключением. Ярким примером подобного соглашения служит «Соглашение о стратегическом партнерстве в сфере цифровых технологий» (араб. اتفاقية الشراكة الاستراتيجية في التكنولوجيا الرقمية) между ОАЭ и Саудовсвкой Аравией[217], соответсвующее целям повышения экономической производительности ОАЭ за счет продвижения инноваций и внедрения большего количества цифровых технологий. Таким образом, китайский бизнес участвует в развитии телекоммуникаций, проектов «умных» городов, искусственного интеллекта и финтеха во многих государствах региона.

Действительно, в своем процессе стремительной цифровой трансформации страны ССАГПЗ сталкиваются со значительной

---

[215] Разработка проекта «Цифровой шелковый путь» началась до 2017 года и является концепцией, представляющей инициативу, направленную на развитие цифровой инфраструктуры, увеличение объемов торговли и культурного обмена между странами, особенно в контексте стран Азии и Европы. Этот проект является частью более широкой инициативы "Пояс и путь", предложенной Китаем в 2013 году. Изначально, идея «Пояс и путь» была представлена председателем Китая Си Цзиньпином в 2013 году, и изначально сосредоточилась на физической инфраструктуре, такой как дороги и железные дороги. Однако, с течением времени, стало ясно, что цифровая инфраструктура также критически важна для взаимосвязанности. Далее, в 2018 году в рамках этой инициативы началась работа над созданием цифровых коридоров, которые обеспечивают свяжу между государствами через высокоскоростные интернет-сети, облачные технологии и цифровую торговлю.

[216] Казахстан, Узбекистан, Пакистан, Индонезия, Россия, Турция, Малайзия, Азербайджан, Беларусь, Армения, Кыргызстан, Таджикистан, Вьетнам, Лаос, Бангладеш, Монголия, Камбоджа, Сирия, Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия, Иран, Италия, Испания, Чехия, Португалия, Греция, Сербия, Хорватия, Латвия, Литва, Эстония, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Мьянма, Тунис, Южноафриканская Республика, Кения, Нигерия, Мавритания, Бразилия, Алжир, Грузия, Фиджи, Непал, Непал, Судан, Эстония, Япония, Южная Корея.

[217] Соглашение подписано между странами в 2020 году в рамках форума «День инноваций», проходившем в Дубае в феврале 2020г. В первую очередь, оно направлено на совместное развитие и внедрение новых технологий, а также на создание условий для сотрудничества в сфере инноваций между двумя подписантами.

проблематикой, однако, он проходит в благоприятных финансовых, институциональных и стратегических условиях, при масштабной поддержке властей и разнообразии проектов и программ. Особенности ранее упомянутых национальных программ развитие и учет текущих проблем внедрения позволяют проследить предварительные результаты процесса цифровой трансформации на основе нескольких распространенных индексов, характеризующих цифровое развитие.

В качестве показательного, арабский индекс цифровой экономики[218] (араб. مؤشر الاقتصاد الرقمي العربي) оценивает 9 направлений экономики и доказывает лидирующие позиции государств ССАГПЗ среди исламских стран. Монархии Персидского залива отнесены к первой группе (ведущие страны) по уровню развития и внедрению цифровых технологий. В рейтинге 2022 г. ОАЭ занимали первое место с 71,4 баллами, за ними следовали Саудовская Аравия –66,1, Катар – 65,1, Бахрейн – 64,9, Оман – 61,6 и Кувейт, занявший шестое место с 61,3 баллами.

В мире позиции государства ССАГПЗ по уровню цифрового развития не столь однозначны:

[218] Индекс направлен не только на оценку, но и на постоянный мониторинг развития цифровой экономики в арабских странах и позволяет сравнивать состояние инфраструктуры и цифровых услуг в различных странах региона, а также отслеживать прогресс в реализации цифровых стратегий. То есть, основной его целью является выявление сильных и слабых сторон в области цифровой экономики в арабских странах, содействие улучшению цифровой инфраструктуры и стимулирование инвестиций в цифровые технологии. Индекс может включать такие показатели, как доступ к интернету, уровень цифровых навыков населения, использование цифровых услуг, инновации в сфере технологий, бизнес-экосистема, а также правовая система и регулирование в области цифровой экономики.

Таблица 9. Значения индексов развития цифрового правительства (EGDI) и его субиндексов для стран Персидского залива по состоянию на 2024 г.

Показатели развития цифровизации	**EGDI[219] – индекс развития электронного правительства**	**OSI[220] – индекс онлайн услуг**	**TII[221] – индекс телекоммуникационной инфраструктуры**	**HCI[222] – индекс человеческого капитала**
Бахрейн	0,9196	0,9030	0,9877	0,8680
ОАЭ	0,9533	0,9163	1,00	0,9436
Саудовская Аравия	0,9841	0,9899	0,9841	0,9067
Катар	0,8244	0,7655	0,9963	0,7114
Оман	0,8576	0,8077	0,9674	0,7977
Кувейт	0,7812	0,6365	0,9988	0,7083
Мир	0,6382	0,5754	0,6896	0,6494
Европа	0,8493	0,7836	0,9227	0,8418

[Источник: составлено автором по данным источников: E-Government Survey 2024. Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. New York. – 2024. – 205 p., c. 38, c.111]

Для стран ССАГПЗ показатель EGDI значительно превысил среднемировое значение. Для 6 государств региона значение развития цифрового правительства в 2024 г. было выше, чем в Европе. Особенно существенное опережение страны Персидского залива получили по индексу

[219] Индекс, изначально разработанный ООН для оценки уровня развития электронного правительства в странах мира. EGDI учитывает степень, в которой государства используют информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) для улучшения предоставления государственных услуг, повышения прозрачности и вовлеченности граждан в процесс управления.

[220] Индекс, предназначенный для оценки доступности, качества и эффективности онлайн-услуг, предоставляемых государственными учреждениями и частным сектором. Он используется для мониторинга и анализа того, насколько хорошо различные организации (как государственные, так и частные) используют цифровые технологии для улучшения взаимодействия с гражданами и клиентами.

[221] Индекс, предназначенный для оценки состояния и качества телекоммуникационной инфраструктуры в различных странах или регионах. Также помогает измерять уровень доступности, надежности и производительности телекоммуникационных сетей, что является важным аспектом для экономического развития и общего благосостояния.

[222] Индекс, изначально разработанный Всемирным банком для оценки уровня инвестиций в человеческий капитал в разных странах. Учитывает образование, здоровье и доступ к различным возможностям, которые способствуют улучшению качества жизни и повышению производительности труда.

OSI. Во всех шести странах ССАГПЗ индекс TII не только выше среднемирового значения, но и опережает средний показатель по Европе.

Однако, несмотря на устойчивый рост индекса развития электронного правительства (EGDI) во всех странах ССАГПЗ, данные показатели в большей степени отражают уровень цифровизации государственных услуг, чем зрелость рынков цифровых услуг как самостоятельного сегмента экономики. Высокие значения EGDI свидетельствуют о значительных успехах в цифровизации публичного сектора, однако не позволяют в полной мере оценить степень вовлеченности частного сектора и уровень развития конкурентной среды на рынках цифровых услуг.

При этом, отмечая высокие значения EGDI для стран региона, следует указать на высокую степень дифференциации показателя. Выделяется группа лидеров по цифровизации - Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн; страны со средним показателем изменения - Оман и Катар; а также, страна с наименьшим показателями – Кувейт. Наиболее наглядно это отображается в рамках сравнения показателей за 2012 и 2024гг.:

Таблица 10. Изменение индекса EGDI для стран Персидского залива в 2012 г. и 2024 г.

Показатели развития цифровизации	**EGDI**		**Изменения EGDI за период 2012-2024 гг., %**
	2012 г.	2024 г.	
Бахрейн	0,6946	0,9196	132,39
ОАЭ	0,7344	0,9533	129,81
Саудовская Аравия	0,6658	0,9841	147,81
Катар	0,6405	0,8244	128,71
Оман	0,5944	0,8576	144,28
Кувейт	0,5960	0,7812	131,07
Мир	0,4882	0,6382	130,73
Европа	0,7188	0,8493	118,16

[Источник: составлено автором по данным источника: E-Government for the People. E-Government Survey 2012. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. New York. – 2012. – 155 p., c.28]

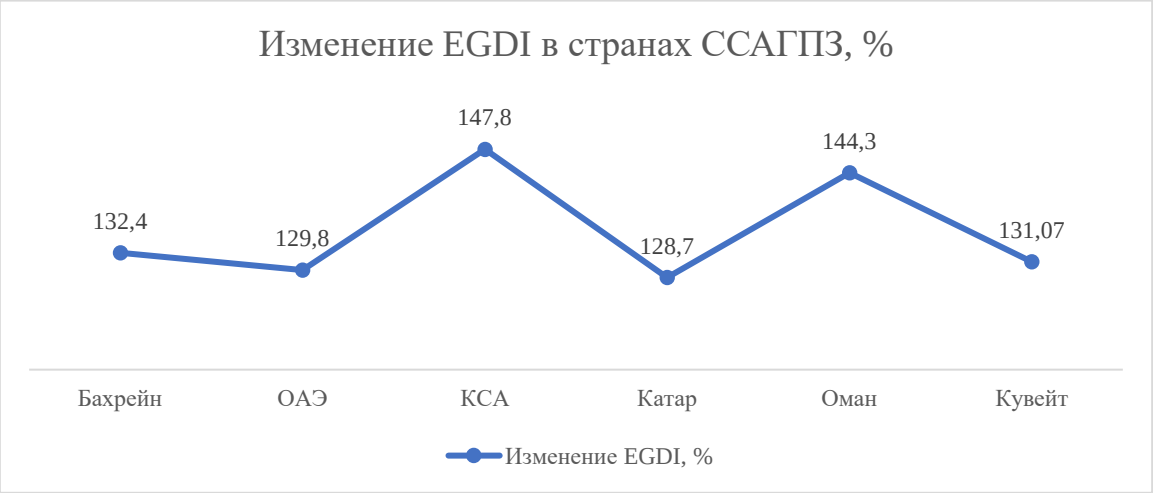

Рисунок 14. Динамика изменения индекса EGDI в странах Персидского залива
[Источник: составлено автором на основании данных Таблицы 10]

За рассматриваемый период для всех стран региона Индекс развития электронного правительства (EGDI) показал значительный рост, опережающий динамику индекса в странах Европы. В 4 государствах ССАГПЗ рост EGDI был выше среднемировых значений, что свидетельствует о положительных изменениях в использовании цифровых технологий для предоставления государственных услуг и улучшения взаимодействия с гражданами, а также подчеркивает важность дальнейших усилий по развитию электронного правительства в этих странах, что, в свою очередь, может способствовать экономическому росту и повышению качества жизни населения в рамках стремления к 100%-ой реализации своих национальных программ развития.

Положительная динамика внедрения, реализации и использования цифровых технологий дополнительно подтверждается динамикой индекса развития инновационных экосистем (GII)[223]:

[223] Индекс, изначально разработанный Всемирной организацией интеллектуальной собственности (англ. World Intellectual Property Organization (WIPO), - является специализированным учреждением ООН) и предназначенный для оценки уровня инновационного потенциала. Также предназначен для анализа инновационных экосистем в контексте их влияния на экономическое развитие, конкурентоспособность и общую производительность.

Таблица 11. Показатели индекса развития инновационных экосистем (GII) стран Персидского залива на 2024 г. (ранг страны в общемировом рейтинге)

Страны	**GII**	
	2012 г.	**2024 г.**
ОАЭ	37	32
Саудовская Аравия	48	47
Бахрейн	41	72
Катар	33	49
Оман	47	74
Кувейт	55	71

[Источник: составлено автором по данным источника E-GII Innovation Ecosystems & Data Explorer. WIPO, 2023. URL: https://www.wipo.int/gii-ranking/en/switzerland/section/economy-profile (дата обращения.1.10.2024)]

За рассматриваемый период все государства ССАГПЗ повысили свой ранг в глобальном рейтинге. Для большинства стран повышение было значительным (Бахрейн на 31 место, Оман – 28 мест, Кувейт – 16 мест, Катар – 16 мест). ОАЭ и Саудовская Аравия повысили свой ранг на 5 и 1 позицию соответственно.

Вместе с тем, улучшение позиций стран региона в рейтинге глобального инновационного индекса (GII) не всегда сопровождается пропорциональным развитием национальных рынков цифровых услуг. В ряде случаев инновационная активность концентрируется в рамках государственных и квазигосударственных проектов, что ограничивает трансляцию инноваций в коммерческий сектор и сдерживает формирование устойчивого спроса и предложения цифровых услуг на рыночной основе.

При этом, несмотря на формальные достижения в области цифровизации, развитие рынков цифровых услуг в странах Персидского залива сталкивается с рядом структурных и институциональных ограничений. Во-первых, доминирующая роль государства в инициировании и финансировании цифровых проектов формирует высокую зависимость рынка от бюджетного спроса, что сдерживает развитие частной инициативы и конкуренции. Во-вторых, фрагментарность нормативно-правового регулирования цифровых услуг и различия в подходах к стандартизации

между странами региона осложняют масштабирование цифровых решений и формирование трансграничных цифровых рынков. В-третьих, ограниченность национальных кадровых ресурсов в сфере информационно-коммуникационных технологий усиливает зависимость от иностранных специалистов и технологических платформ, снижая устойчивость локальных цифровых экосистем.

По формальным показателям можно сформулировать вывод о все же большей успешности цифровизации экономики странами Персидского залива, несмотря на существующие ограничения. Более важно определить роль изменений для национальных экономик. Одна из важных целей цифровой трансформации государств ССАГПЗ заключалась в попытке диверсификации экономики, прежде всего, увеличения вклада несырьевых секторов. В качестве подтверждения положительности динамики применим Глобального индекса диверсификации экономики (EDI) в хронологических рамках 2000-2021гг. с дополнительным приведением средних показателей[224]:

Таблица 12. Значения Глобального индекса диверсификации экономики (EDI) стран Персидского залива в 2000 г. и 2021 г.

Страны	**EDI**		
	2000 г.	**2021 г.**	**Измен., %**
ОАЭ	90,9	94,6	104,07
Саудовская Аравия	81,8	89,9	109,90
Бахрейн	90,4	92,3	102,10
Катар	84,2	89,2	105,94
Оман	79,5	87,6	110,19
Кувейт	81,9	85	103,79
Средний показатель лидеров	116,5	128,8	110,56
Средний показатель аутсайдеров	79,6	84,1	105,65

[Источник: составлено автором по данным источника Global Economic Diversification Index 2023. Commodity producers' Economic Diversification. MBRSG & World Government Summit. – 2023. – 92 p., с.13]

[224] Индекс, предназначенный для оценки уровня диверсификации экономики.

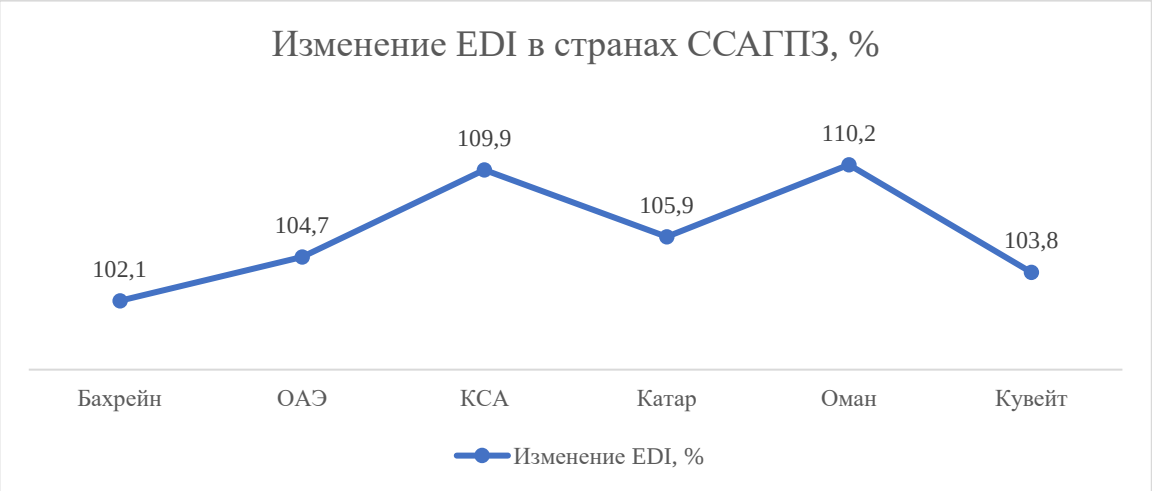

Рисунок 15. Динамика изменения индекса EDI в странах Персидского залива [Источник: составлено автором на основании данных Таблицы 12]

За рассматриваемый период EDI для стран Персидского залива вырос, что указывает на увеличение диверсификации экономики. За 20 лет рост индекса составил от 2 до 10%. ОАЭ и Бахрейн имеют более высокие показатели EDI, по сравнению со странами региона, в то время как Саудовская Аравия и Оман значительно улучшили свои показатели по сравнению с 2000 г. Значения EDI для стран ССАГПЗ остаются средними или низкими. Показатели Кувейта, Омана, Катара и Саудовской Аравии ближе к группе аутсайдеров, чем лидеров.

Показатели ОАЭ и Бахрейна попадают в условную среднюю группу, при этом отставание от лидеров сохраняется. Динамика роста индекса EDI стран ССАГПЗ ниже показателя глобальных лидеров, а для 5 государств она меньше или равна значению группы стран аутсайдеров. Масштабные инвестиции в цифровую экономику, как правило, способствуют диверсификации торговли, в частности, за счет возможности экспорта услуг.

Показательно, что ОАЭ и Саудовская Аравия были 8-м и 24-м крупнейшими экспортерами в мировой торговле коммерческими услугами (за исключением торговли внутри ЕС) в 2022 г. Таким образом, цифровая трансформация приводит к росту диверсификации экономики, прежде всего, за счет сектора услуг, однако, результаты являются скромными.

Отраслевые примеры внедрения цифровых технологий в странах региона демонстрируют наличие успешных пилотных проектов, однако одновременно выявляют системные ограничения масштабирования цифровых решений. Во многих случаях цифровизация носит точечный характер и реализуется в рамках отдельных программ, не формируя полноценных рынков цифровых услуг с устойчивыми механизмами воспроизводства.

Более того, основной проблемой как в прошлом, так и в настоящем, по сей день является чрезвычайно высокая зависимость экономики региона от нефтегазового сектора, отраженная через субиндекс зависимости стран от сырьевой экономики - Commodity producers' Economic Diversification (CPED)[225]:

Таблица 13. Субиндекс зависимости стран Персидского залива от сырьевой экономики (CPED), доля сырья в национальном производстве, %

Страны	**2000 г.**	**2012 г.**	**2021 г.**
ОАЭ	77	75	71
Саудовская Аравия	100	98	88
Бахрейн	80	84	78
Катар	96	95	91
Оман	100	99	97
Кувейт	99	100	100

[Источник: составлено автором по данным источника Global Economic Diversification Index 2023. Commodity producers' Economic Diversification. MBRSG & World Government Summit. – 2023. – 92 p., c.57]

Все страны Персидского залива, кроме Кувейта, снизили значения сырьевых секторов производства в своей экономике. Наибольшие успехи в развитии не нефтегазовых секторов отмечаются для ОАЭ (доля сырья в производстве 71%), Бахрейн (78%) и Саудовская Аравия (88%). Показатели Катара и Омана все еще выше 90%. ОАЭ и Саудовская Аравия добились наиболее значительного прогресса в диверсификации экономики благодаря сознательным усилиям по диверсификации в ненефтяном секторе. После вспышки Covid-19, которая затормозила развитие ненефтяных секторов

[225] Индекс, предназначенный для оценки уровня диверсификации экономик стран, которые значительно полагаются на экспорт сырьевых ресурсов, таких как нефть и газ. Наиболее актуален для стран, имеющих высокую зависимость от доходов от энергетических ресурсов.

экономики (таких, как туризм, инфраструктура и логистика), произошли ускоренные изменения в политике, направленной на обеспечение экономических преобразований.

Диверсификация экономики в процессе цифровой трансформации должна вести к увеличению производства высокотехнологичной продукции, основанной на знаниях:

Таблица 14. Экспорт высокотехнологичных товаров за вычетом реэкспорта стран Персидского залива в 2012 г. и 2024 г., % в общем объеме экспорта страны

Страны	**2012 г.**	**2024 г.**	**Измен., %**
ОАЭ	0,1	9,4	9400
Саудовская Аравия	0,1	0,8	800
Бахрейн	0	1	0
Катар	0	0,3	0
Оман	0,1	1,9	1900
Кувейт	0	0,2	0

[Источник: составлено автором по данным источника E-GII Innovation Ecosystems & Data Explorer. WIPO, 2023. URL: https://www.wipo.int/gii-ranking/en/switzerland/section/economy-profile (дата обращения.1.10.2024)]

За рассмотренный период во всех странах ССАГПЗ увеличилась доля высокотехнологичных товаров в экспорте. В ОАЭ увеличение произошло в 94 раза, в Омане в 19 раз, Саудовской Аравии 8 раз. В Бахрейне, Катаре и Кувейте рост высокотехнологичного экспорта был незначительным, и составляет 0,2-1% от всего объема реализованной продукции на внешних рынках.

Таким образом, государства ССАГПЗ реализуют масштабные программы цифровой трансформации, которые ориентированы на лидерство стран региона в сфере новых технологий и диверсификацию экономики за счет расширения ненефтегазовых секторов.

Опыт стран Персидского залива показывает, что использование возможностей цифровизации зависит от институциональной и нормативной базы, структур, поддерживающих доступ к цифровым технологиям и рыночным платформам. За счет мощной поддержки национальных властей, страны ССАГПЗ вошли в группу мировых лидеров по развитию цифровых технологий. Результаты дифференциации экономики стран ССАГПЗ в результате цифровизации остаются спорными.

Страны региона четко дифференцируются по уровню внедрения цифровых технологий и преобразованию экономики. Группа стран испытывает сложности с проведением цифровой трансформации. Фиксируется замедление темпов цифровых преобразований и отставание от группы лидеров, что делает возможным их дальнейшую зависимость от более успешных государств в рассматриваемой области. Цифровизация в странах Персидского залива реализуется неравномерно и с разными результатами, притом, что все государства региона используют близкую модель.

Технические и инфраструктурные трудности, экономические и социальные ограничения, а также правовые и государственные барьеры показали, насколько сложным и многогранным является процесс цифровой трансформации. Однако рассмотрение этих аспектов также подчеркнуло потенциал для преодоления существующих вызовов с помощью стратегических подходов.

Одной из ключевых проблем остаётся неравномерность развития телекоммуникационной инфраструктуры в странах региона. Хотя в таких государствах, как ОАЭ и Катар, наблюдается высокий уровень доступа к интернету и современные сети 5G, в отдалённых районах Саудовской Аравии, Омана и других стран доступ к высокоскоростному интернету остаётся ограниченным. Это создаёт цифровой разрыв между городскими и сельскими регионами, что мешает полноценной интеграции технологий в экономику. Например, в Саудовской Аравии около 25% сельского населения до сих пор имеют ограниченный доступ к базовым цифровым услугам.

Кибербезопасность также является важной проблемой, так как с ростом использования цифровых технологий увеличиваются риски утечек данных и атак на критически важные системы. Экономики ССАГПЗ, которые активно развивают электронное правительство и цифровые сервисы, становятся мишенями для киберпреступников. Это подрывает доверие к технологиям как со стороны бизнеса, так и со стороны населения. Решение таких задач требует

не только модернизации защитных систем, но и международного сотрудничества для противодействия глобальным угрозам[226].

Высокие затраты на внедрение технологий остаются значительным барьером для многих стран региона. Проекты цифровой трансформации, такие как создание умных городов или внедрение систем искусственного интеллекта, требуют миллиардных вложений. Например, проект «NEOM» в Саудовской Аравии оценивается в $500 миллиардов, что делает его доступным лишь для стран с крупными финансовыми резервами. Однако даже такие богатые государства, как Саудовская Аравия и ОАЭ, сталкиваются с необходимостью перераспределения средств между различными приоритетами, включая развитие социальной инфраструктуры и поддержку энергетического сектора.

Социальные факторы также играют значительную роль. Нехватка квалифицированных специалистов в области ИТ и цифровых технологий ограничивает темпы внедрения инноваций. Молодёжь, составляющая значительную часть населения стран ССАГПЗ, нуждается в более качественном образовании и подготовке для работы в условиях цифровой экономики. Кроме того, в некоторых случаях общество сопротивляется изменениям, предпочитая традиционные методы взаимодействия с государственными структурами и бизнесом. Это особенно актуально для старшего поколения и жителей сельских районов. Высокая доля молодого населения и активная урбанизация создают потенциальный спрос на цифровые услуги, однако дефицит квалифицированных IT-кадров и ограниченные возможности локальных компаний по разработке и коммерциализации цифровых решений сдерживают трансформацию данного спроса в устойчивое рыночное предложение. В результате значительная часть

[226] Khan, M., Saeed, A., & Al-Mutairi, K. (2022). Cybersecurity Challenges in GCC Economies: Policy Recommendations for Sustainable Digital Growth. Cybersecurity and Policy Review, 10(2), 15–28.

цифровых услуг и технологий импортируется, что ограничивает развитие национальных цифровых рынков.

Недостаточная разработка законодательной базы создаёт дополнительные трудности для цифровой трансформации. Отсутствие унифицированных стандартов для защиты данных, регулирования цифровых платформ и работы с криптовалютами сдерживает развитие таких секторов, как электронная коммерция и финтех. Например, в Саудовской Аравии только в 2022 году начали действовать законы, регулирующие кибербезопасность и обработку персональных данных, что свидетельствует о запоздалой реакции на глобальные вызовы[227].

Бюрократические барьеры также остаются актуальной проблемой. Процессы одобрения новых проектов, закупок и разработки технологий часто затягиваются из-за сложности взаимодействия между различными государственными структурами. Это приводит к снижению темпов внедрения инноваций и удорожанию проектов. Кроме того, слабая координация между государственным и частным секторами ограничивает возможности для совместной реализации крупных цифровых инициатив. Например, некоторые компании жалуются на отсутствие ясных правил для участия в государственных тендерах на внедрение цифровых технологий.

Проблемы внедрения цифровых технологий в странах ССАГПЗ имеют комплексный характер, затрагивая технические, социальные, экономические и правовые аспекты. Для их успешного решения требуется системный подход, включающий модернизацию инфраструктуры, повышение уровня образования, разработку чёткой законодательной базы и укрепление международного сотрудничества. Необходимо также активнее вовлекать частный сектор в процесс цифровизации, создавая условия для более эффективного партнёрства с государственными структурами. Преодоление этих барьеров позволит странам региона не только ускорить темпы

[227] Parcero, O., & Ryan, J. C. (2024). Becoming a Knowledge Economy: the Case of Qatar, UAE and 17 Benchmark Countries.

экономического роста, но и укрепить свои позиции на глобальной арене. Цифровизация остаётся ключевым инструментом для обеспечения устойчивого и инновационного развития, которое сможет удовлетворить потребности как текущего, так и будущих поколений.

Таким образом, несмотря на достигнутые успехи в цифровизации государственных услуг и отдельных отраслей экономики, развитие рынков цифровых услуг в странах Персидского залива остаётся ограниченным рядом институциональных, структурных и кадровых факторов. Преобладание государственного спроса, фрагментация регуляторной среды и технологическая зависимость от внешних поставщиков формируют специфическую модель цифровой трансформации, в которой рынки цифровых услуг находятся на стадии становления.

Глава 3. Влияние процессов цифровизации на экономические процессы стран Персидского залива

3.1 Основные направления цифровой трансформации рынков в арабских странах

В условиях значительного многообразия программ развития и цифровизации стран ССАГПЗ, концептуально они объединяют между собой несколько идей. На основании этого можно выделить три ключевых направления цифровой трансформации в странах ССАГПЗ:

- Создание и тиражирование умных городов «будущего»;
- Электронное правительство;
- Повсеместное внедрение искусственного интеллекта.

Развитие умных городов стало одной из ключевых задач стран ССАГПЗ, направленных на цифровую трансформацию экономики и повышение качества жизни населения. Эта концепция включает внедрение передовых технологий, таких как искусственный интеллект, интернет вещей и блокчейн, для создания устойчивой городской среды.

Умный город — это урбанистическая концепция, основанная на интеграции технологий в управление инфраструктурой города. Основная цель заключается в повышении качества жизни, улучшении городской среды и снижении нагрузки на окружающую среду. Ключевые элементы умного города включают:

- умная инфраструктура: автоматизация и управление транспортом, энергоснабжением, водоснабжением и отходами;
- доступность услуг: цифровизация государственных и частных услуг для удобства граждан;
- экологичность: снижение углеродного следа через использование возобновляемых источников энергии;
- экономическая устойчивость: создание новых рабочих мест и стимулов для инновационного бизнеса.

Умные города в странах ССАГПЗ стремятся интегрировать эти принципы для создания современных и конкурентоспособных городских систем, при этом сохраняя одной из ключевых задач своего развития обеспечение кибербезопасности, поскольку инфраструктура, связанная с обработкой данных и подключенными устройствами, подвержена значительным киберугрозам.

Современные умные города также применяют цифровые двойники — виртуальные копии городской инфраструктуры, позволяющие моделировать и тестировать возможные изменения и новые решения. В качестве наиболее ярких примеров стоит рассматривать такие мегапроекты как: «Smart Dubai» в ОАЭ и «NEOM» в КСА.

Флагманская инициатива «Smart Dubai» была запущена в 2014 году с целью превратить Дубай в самый умный город мира. Основной целью программы является использование технологий для улучшения городского управления, повышения экологической устойчивости, упрощения доступа к услугам и стимулирования инноваций. При этом, проект фокусируется на нескольких направлениях одновременно:

- Улучшение качества жизни;
- Экономическая трансформация;
- Эффективное государственное управление: рамках программы все государственные услуги переводятся в цифровой формат. Smart Dubai планирует полностью отказаться от бумажного документооборота, что стало возможным благодаря проекту Dubai Paperless Strategy[228], который успешно реализован в 2021 году;

[228] Ключевая инициатива программы Smart Dubai, направленная на полное исключение бумажного документооборота в государственном управлении. Стратегия, запущенная в 2018 году, представляет собой шаг к созданию устойчивого, цифрового и инновационного города, где все государственные услуги предоставляются исключительно в цифровой форме. Основная цель заключается в повышении эффективности управления, снижении издержек и защите окружающей среды. К 2021 году Дубай полностью отказался от использования бумаги в государственном секторе, сэкономив более 336 миллионов бумажных листов, что эквивалентно спасению 14 000 деревьев. Это также позволило сократить операционные затраты государственных учреждений на 1,3 миллиарда дирхамов.

- Экологическая устойчивость: так, в рамках реализации проекта внедрена программа Smart Energy systems[229], которая активно внедряет интеллектуальные энергосистемы для управления энергопотреблением и оптимизации использования возобновляемых источников энергии;
- Развитие технологий будущего.

Реализация вышеупомянутых направлений происходит быстрее за счет применения нескольких путей:

- Цифровизация услуг:
  - платформа DubaiNow[230] предоставляет доступ к более чем 120 городским услугам, включая оплату счетов, регистрацию автомобилей и запись на приём к врачу;
  - к 2022 году более 90% взаимодействий жителей с государственными учреждениями происходило через цифровые платформы.
- Использование блокчейна:
  - Дубай стал первым городом, который внедрил блокчейн в управление государственными операциями. Smart Dubai стала пионером в разработке Blockchain Strategy[231], которая

[229] Инициатива, направленная на создание интеллектуальных энергосистем, которые обеспечивают более эффективное управление энергией и ресурсами. Основными ее целями являются - повысить энергоэффективность, сократить углеродный след и минимизировать экологическое воздействие городской инфраструктуры. Smart Energy Systems обеспечивают автоматическое управление энергоресурсами в реальном времени. Одним из ключевых проектов является установка интеллектуальных счетчиков, которые позволяют жителям и предприятиям отслеживать потребление энергии в реальном времени и получать рекомендации по его оптимизации.

[230] Ключевая цифровая платформа, разработанная в рамках инициативы Smart Dubai, которая предоставляет жителям и гостям города единый доступ к широкому спектру государственных и частных услуг. Примерами подобных услуг могут служить: оплата счетов, управление недвижимостью. Она также включает сервисы для проверки статуса виз, оплаты школьных сборов, записи на прием к врачу и даже пожертвования на благотворительность.

[231] Стратегия, ставшая первой в мире инициативой такого масштаба, направлена на использование блокчейна для всех транзакций правительства. Ее реализация предполагает

направлена на создание первого города, управляемого с помощью блокчейна.

- Умный транспорт: внедрены автономные транспортные системы, включая беспилотные такси, что позволило сократить выбросы углекислого газа на 20%[232].

Программа Smart Dubai стимулирует рост цифровых услуг, поддерживает инновационные стартапы и привлекает международные инвестиции. По оценкам, Smart Dubai способствует ежегодной экономии в размере более $1,5 млрд за счет повышения эффективности городского управления, цифровизации государственных услуг и сопутствующему снижению административных издержек.

Параллельно с развитием проекта Smart Dubai в ОАЭ, происходит активная реализация мегапроекта города «будущего» в КСА под названием NEOM. Для обеспечения устойчивого развития и дальнейшего функционирования умных городов, страна делает такую же ставку на развитие цифровой инфраструктуры. Так, например, в Королевстве более 10 миллионов интеллектуальных счетчиков для учета воды и электроэнергии, что позволяет контролировать потребление и повышать эффективность городских систем. Разработанные в рамках концепции «умного города» IoT-устройства также применяются для управления освещением и транспортными потоками, что существенно снижает энергозатраты и уменьшает уровень загруженности.

Что касается актуального вопроса кибербезопасности, Саудовская Аравия вкладывает значительные ресурсы в защиту своей цифровой инфраструктуры: Постоянно функционирует и развивается National Cybersecurity Authority (NCA) или Saudi National Cybersecurity Center (NCSC)

экономию до 25,1 миллиона часов рабочего времени ежегодно, исключая необходимость физических документов.

[232] Alshamsi, A., Alkaabi, H., & Smith, K. (2023). Artificial Intelligence and Smart Cities in the UAE: A Case Study of Dubai’s Digital Government. Journal of Urban Management, 7(1), 34–50.

- Национальный центр кибербезопасности[233] страны, который в свою очередь реализует программы по предотвращению кибератак, что особенно важно для проектов масштаба NEOM.

Проект «NEOM» был инициирован в 2017 году как часть стратегии Vision 2030. Это уникальный мегапроект, который должен стать образцом умного и экологически чистого города будущего. Проект охватывает площадь в 26 500 км², а бюджет оценивается в $500 млрд.

Проект NEOM, центральный в рамках программы «Видение 2030», иллюстрирует будущее умной урбанизации, интегрируя упомянутые технологии и стремясь достичь полной автономности в управлении. NEOM — это модель устойчивого города, который совмещает экологическую ответственность, технологические инновации и высокие стандарты жизни.

В рамках NEOM выделяют несколько ключевых объектов, таких как The Line, Oxagon и Trojena. The Line представляет собой 170-километровый линейный город без автомобилей, где транспортная система позволяет перемещаться по всей его длине за 20 минут. Oxagon — восьмиугольный индустриальный центр, где вся промышленность будет работать на возобновляемых источниках энергии. Trojena ориентирована на развитие горного и экологического туризма. Выделяется несколько основных направлений инноваций, планируемых к дальнейшему применению в рамках реализации этого мегапроекта:

- Экологическая устойчивость:

[233] Государственный орган, отвечающий за обеспечение защиты цифровой инфраструктуры и данных страны. Основанный в 2017 году под эгидой Национальной стратегии кибербезопасности, центр служит основным координационным и оперативным звеном в управлении кибербезопасностью. Его цель — предотвращение киберугроз, минимизация их последствий и создание устойчивой экосистемы киберзащиты, поддерживающей экономические и стратегические интересы страны. Центр работает на основе пяти основных принципов: мониторинг, предотвращение, реагирование, анализ и сотрудничество. Одной из его ключевых функций является круглосуточный мониторинг кибератак и инцидентов на национальном уровне. NCSC предоставляет государственным и частным организациям рекомендации по повышению киберустойчивости, разрабатывает стандарты безопасности и осуществляет сертификацию.

- город будет полностью работать на возобновляемых источниках энергии, включая солнечную и ветровую энергетику;
- планируется снижение углеродного следа на 100% за счёт отказа от традиционных автомобилей;
- разработка специальных технологий для экономии воды для планового снижения потребления на 40%.

- Искусственный интеллект: все процессы управления городом будут автоматизированы с помощью ИИ, что обеспечит высокую эффективность инфраструктуры.

В соответствии с концепцией реализации, ожидается, что NEOM станет значимым фактором для экономики Саудовской Аравии, обеспечивая значительные экономические выгоды. Предполагается, что вклад NEOM в ВВП Королевства составит 48 миллиардов долларов к 2030 году.

Благодаря уникальным разработкам и технологиям (линейная структура города, автономный транспорт, HyperLoop[234], 100% ВИЭ, цифровые двойники (для моделирования городских процессов (энергопотребление, транспорт и тп – для предсказания потребностей и оптимизации ресурсов)), ИИ, ИВ, интеллектуальное управление водными системами, уникальные проектировки зданий и сооружений, использование биометрии и блокчейна, автономная сельскохозяйственная система), внедренным в NEOM, Саудовская Аравия сможет экспортировать свои достижения в области умной урбанизации и устойчивого развития. Ожидается, что этот экспорт создаст дополнительные 3 миллиарда долларов дохода ежегодно.

Таким образом, проекты умных городов оказывают трансформирующее воздействие на инфраструктуру и существенно улучшают качество жизни жителей:

- Оптимизация транспортной системы:

[234] Рельсовая система, использующая эту технологию, обеспечивает быстрое перемещение без выбросов углерода

- в Дубае внедрение умных светофоров и автономного транспорта позволило сократить среднее время в пути на 25%;
- в «NEOM» отказ от автомобилей полностью исключает пробки и уменьшает загрязнение воздуха.

- Энергетическая эффективность: использование возобновляемой энергии снижает зависимость от углеводородов. В Дубае солнечные панели обеспечивают 10% энергопотребления, в «NEOM» планируется полностью перейти на чистую энергию.
- Цифровизация государственных услуг: через платформу DubaiNow жители могут получать более 120 услуг, что сокращает время и затраты на взаимодействие с государственными органами.
- Повышение безопасности: внедрение систем видеонаблюдения и аналитики данных позволило снизить уровень преступности в Дубае на 12% за последние пять лет.
- Создание рабочих мест: по оценкам, «NEOM» создаст более 380 000 рабочих мест к 2030 году. Преимущественно, новые рабочие места будут созданы в технологическом, туристическом, энергетическом и производственным секторах[235].

Таблица 15. Сравнение базовых параметров проектов умных городов Smart Dubai и NEOM

Параметры	**«Smart Dubai»**	**«NEOM»**
Год запуска	2014	2017
Бюджет проекта	$7 млрд	$500 млрд
Технологии	Блокчейн, ИИ, IoT	ИИ, IoT
Энергетика	Солнечная	100% ВИЭ
Автономный транспорт	Да	Да
Доступность услуг	120+ цифровых сервисов	Полностью цифровая среда
Год запуска	2014	2017

[Источник: составлено автором]

[235] Saudi Arabia Vision 2030. (2022). Annual Report on Digital Initiatives. Riyadh: Ministry of Economy.

Фактически, оба проекта фокусируются на экологичности и цифровизации. В то время, как «Smart Dubai» делает акцент на оптимизации существующего городского пространства, «NEOM» представляет собой новый подход к урбанистике. Оба проекта являются примерами того, как технологии могут интегрироваться в повседневную жизнь, повышая её качество и устойчивость[236].

Умные города в странах ССАГПЗ не только улучшают качество жизни населения, но и становятся важным инструментом для привлечения инвестиций, повышения имиджа стран и укрепления их позиций на международной арене. Эти проекты стимулируют экономический рост, создают новые рабочие места и способствуют внедрению инноваций. В условиях глобальных вызовов и необходимости диверсификации экономики развитие умных городов становится одним из ключевых направлений трансформации региона.

Следующим немаловажным направлением является электронное правительство, к которому наиболее активно стремятся в ОАЭ и КСА. Оно стало важным инструментом для стран ССАГПЗ в процессе цифровой трансформации их экономик и государственного управления. Эта концепция направлена на создание удобных и доступных систем взаимодействия между гражданами, бизнесом и государственными структурами с использованием современных технологий. Введение электронного правительства способствует упрощению административных процессов, повышению прозрачности и улучшению качества услуг и охватывает множество аспектов государственного управления, нацеленных на цифровизацию и автоматизацию всех взаимодействий между гражданами и государственными органами.

Основные направления его развития включают в себя:

- Цифровизация государственных услуг:

[236] KPMG. (2023). Smart Cities and AI in GCC: Opportunities for Growth. KPMG Insights Report.

- внедрение единого портала, где граждане и резиденты могут получать доступ ко всем необходимым услугам;
- автоматизация процессов, таких как регистрация актов гражданского состояния, получение паспортов, водительских удостоверений и виз;
- мобильные приложения для предоставления государственных услуг в режиме 24/7.

- Автоматизация административных процедур:
  - исключение бумажных операций и переход к полностью цифровому документообороту;
  - оптимизация процессов обработки заявок, что позволяет значительно сократить время ожидания.
- Интеграция технологий:
  - использование искусственного интеллекта (ИИ) для анализа и ускорения обработки данных;
  - внедрение блокчейна для защиты данных и повышения прозрачности транзакций.
- Прозрачность и борьба с коррупцией:
  - создание открытых платформ для мониторинга государственных расходов и работы органов власти;
  - снижение риска коррупции за счёт минимизации человеческого фактора.

Наиболее яркими примерами являются ранее упомянутые платформы «UAE Pass» и «Absher», благодаря которым электронное правительство доказало свою эффективность в упрощении взаимодействия между гражданами, бизнесом и государственными органами.

Основные аспекты этой эффективности включают:

- Снижение бюрократической нагрузки: электронные платформы позволяют гражданам получать услуги без необходимости посещать государственные учреждения. Например, в ОАЭ более

90% заявок обрабатываются онлайн, что позволяет экономить до 2 миллионов часов ежегодно;

- Увеличение доступности услуг: платформы работают круглосуточно, предоставляя гражданам доступ к государственным услугам в любое время и из любой точки мира. Это особенно важно для экспатов, которые составляют более 80% населения ОАЭ;
- Прозрачность и безопасность: использование блокчейна и других технологий минимизирует риск коррупции и утечки данных. В Саудовской Аравии внедрение «Absher» позволило снизить количество жалоб на недоступность услуг на 25%;
- Экономия средств: по оценкам, Саудовская Аравия сэкономила более $500 млн благодаря сокращению бумажных процедур и снижению административных расходов. В ОАЭ экономия бюджетных средств составила около $400 млн за счёт цифровизации[237].

Таблица 16. Сравнение функционала платформ UAE Pass и Absher

Параметры	**«UAE Pass» (ОАЭ)**	**«Absher» (Саудовская Аравия)**
Основные функции	Электронная идентификация, услуги	Регистрация документов, услуги
Количество пользователей	4 млн (2022 год)	21 млн (2023 год)
Экономия средств	$400 млн	$500 млн
Сокращение времени обработки	30%	40%

[Источник: составлено автором на основании данных из официальных источников]

Данные показывают, что оба проекта достигли значительных успехов в упрощении административных процессов. «UAE Pass» фокусируется на полной интеграции всех государственных и частных услуг в единую платформу, а «Absher» предоставляет более широкий спектр возможностей для

[237] Al-Khateeb, S., & Al-Rasheed, N. (2023). E-Government and Blockchain Integration in GCC: Opportunities and Challenges. Digital Governance Studies, 5(4), 45–60.

регистрации документов и взаимодействия с государственными структурами. Согласно социальным опросам, оба проекта внесли значительный вклад в повышение уровня удовлетворённости граждан.

Электронное правительство в странах ССАГПЗ играет ключевую роль в повышении эффективности государственного управления, улучшении качества услуг и укреплении доверия граждан к органам власти. Такие проекты, как «UAE Pass» и «Absher», стали образцом для других стран, демонстрируя, как технологии могут трансформировать административные процессы и способствовать экономическому развитию, благодаря чему в других странах Персидского залива на текущий момент продолжается активное улучшение и внедрения подобных им платформ.

Однако, Катар также можно назвать одной из наиболее прогрессивных стран в регионе с точки зрения внедрения технологий электронного правительства. Ключевой платформой электронного правительства в Катаре является Hukoomi, национальный портал государственных услуг. Эта платформа предоставляет доступ к широкому спектру услуг как для граждан, так и для резидентов, включая регистрацию транспортных средств, получение виз, оплату коммунальных услуг и подачу налоговых деклараций. При этом, она функционирует как единое окно, которое упрощает взаимодействие между пользователями и различными государственными ведомствами.

В свою очередь в Бахрейне электронное правительство также рассматривается как один из ключевых инструментов для достижения целей национальной стратегии. В стране активно функционирует Bahrain eGovernment Portal, который предоставляет более 300 государственных услуг в цифровом формате. Среди них — регистрация бизнеса, подача заявлений на получение лицензий, оформление социального страхования и др.

При этом, Бахрейн также активно внедряет блокчейн-технологии для оптимизации государственных процессов. Один из примеров — использование блокчейна в системе регистрации недвижимости, что ускоряет обработку данных и минимизирует вероятность ошибок или мошенничества.

Оман, несмотря на меньший уровень цифровой зрелости по сравнению с Катаром и Бахрейном, демонстрирует значительный прогресс в развитии электронного правительства. Основной платформой электронного правительства в Омане является Omanuna, которая объединяет широкий спектр услуг, таких как регистрация рождений и смертей, оформление паспортов, подача налоговых деклараций и управление корпоративной отчетностью. Для обеспечения высокой надёжности и масштабируемости Omanuna использует современные технологии. Ключевыми элементами инфраструктуры является достаточно базовый набор: облачные вычисления, большие данные и интернет вещей.

Для поддержки внедрения электронного правительства в Омане функционирует Министерство транспорта, коммуникации и информационных технологий - Ministry of Transport, Communications and Information Technology, MTCIT (бывш. Информационно-технологическая власть Омана[238] - (ITA)), которая координирует реализацию цифровых проектов и обеспечивает их соответствие национальным приоритетам.

Искусственный интеллект стал ключевым драйвером цифровой трансформации во многих странах, включая государства ССАГПЗ. Внедрение ИИ способствует повышению эффективности в банковском секторе, образовании и здравоохранении, а также играет важную роль в развитии человеческого капитала и улучшении экономической производительности. Этот раздел рассматривает основные направления развития ИИ, примеры цифровизации ключевых отраслей и её влияние на социально-экономическую среду стран региона.

Страны ССАГПЗ активно инвестируют в развитие искусственного интеллекта, осознавая его стратегическую важность для будущего экономик.

[238] Государственный орган, основанный с целью разработки, реализации и мониторинга стратегий цифровизации и внедрения инновационных технологий в различных секторах экономики и государственного управления. ITA была создана в рамках национальной программы модернизации, направленной на выполнение задач, поставленных в стратегии Oman Vision 2020, а позже интегрирована в программу Oman Vision 2040.

Например, ОАЭ стали первой страной в мире, создавшей Министерство искусственного интеллекта, что подчёркивает важность технологий для национальной стратегии на конкретных примерах:

- В Катаре системы ИИ используются для анализа данных в нефтегазовом секторе, что позволяет повысить эффективность добычи и переработки ресурсов;
- В ОАЭ беспилотные транспортные системы, управляемые ИИ, внедряются для оптимизации городской логистики и сокращения выбросов CO2.

И подтверждается внушительными объемами инвестиций в эту область. Так, ОАЭ и Саудовская Аравия активно поддерживают технологические стартапы. Например, в 2022 году Саудовская компания Aramco объявила о запуске фонда в $1 млрд для финансирования ИИ-решений.

Цифровизация рынков услуг в странах ССАГПЗ охватывает ключевые области экономики, включая банковский сектор, образование и здравоохранение. Эти изменения направлены на улучшение доступа к услугам, повышение их качества и снижение операционных издержек[239].

Здравоохранение также стало частью цифровизации, и Саудовская Аравия активно развивает инициативы в области телемедицины и дистанционной диагностики. В рамках Vision 2030 было запущено несколько цифровых платформ, таких как Seha[240], которая позволяет гражданам получать медицинские консультации онлайн. Это особенно актуально для отдаленных регионов, где доступ к медицинским услугам может быть затруднен.

---

[239] Zhang, L., Kumar, S., & Al-Khalifa, M. (2022). Artificial Intelligence in GCC Public Sectors: Implementation Barriers and Solutions. Journal of AI Policy and Development, 8(3), 34–47.

[240] Национальная цифровая платформа здравоохранения, созданная для оптимизации доступа к медицинским услугам и упрощения взаимодействия граждан с системой здравоохранения. Предоставляет доступ к медицинским консультациям, управлению записями на прием к врачам и другим важным услугам через удобный интерфейс мобильного приложения и веб-платформы. Позволяет пользователям записываться на прием к врачам, получать удаленные консультации через видеосвязь, отслеживать свои медицинские записи и результаты анализов, а также осуществлять платежи за медицинские услуги.

Цифровизация здравоохранения также включает в себя использование ИИ для диагностики и мониторинга заболеваний, что улучшает качество и доступность медицинской помощи. В Катаре медицинские учреждения используют ИИ для ранней диагностики онкологических заболеваний. В ОАЭ система HealthHub[241] предоставляет удалённые консультации врачей через мобильные приложения[242], благодаря чему удается выявить явные преимущества:

- Снижение времени ожидания пациентов на 30%;
- Повышение точности диагностики за счёт использования аналитики больших данных.

В финансовом секторе Саудовская Аравия стремится внедрять цифровые технологии для развития финансовых услуг и повышения их доступности. Центральный банк Саудовской Аравии (бывш. Саудовское агентство по монетарной политике[243] - (SAMA)) активно поддерживает внедрение цифровых платежей и развитие финансовых технологий, что способствует улучшению финансовой инклюзии и сокращению использования наличных денег. С 2019 года в стране наблюдается значительный рост числа цифровых

[241] Платформа, разработанная сетью клиник Al-Futtaim Health, направленная на улучшение доступа к медицинским услугам и повышение удобства для пациентов. Платформа представляет собой экосистему, которая объединяет медицинские услуги, управление здоровьем и образовательные ресурсы в едином цифровом пространстве. Одной из ключевых особенностей платформы является возможность удаленных медицинских консультаций через видеосвязь, что особенно актуально в условиях растущей популярности телемедицины. Также, HealthHub поддерживает программы профилактического здравоохранения, предлагая персонализированные рекомендации по улучшению образа жизни и управления хроническими заболеваниями.

[242] Zubair, H., & Al-Kuwari, R. (2023). Exploring Digital Transformation in GCC Healthcare Systems. Journal of Healthcare Technology, 12(4), 15–30.

[243] Основанное в 1952 году, SAMA играет ключевую роль в обеспечении стабильности национальной валюты — саудовского рияла (SAR), поддержании финансовой стабильности и развитии банковского сектора страны. Основные функции агентства включают управление валютными резервами, регулирование банковской и страховой отраслей, а также мониторинг платежных систем. SAMA также выступает как эмиссионный центр для национальной валюты и разрабатывает монетарную политику, направленную на поддержание стабильности цен и экономического роста. Значительную часть работы агентства составляет поддержание фиксированного обменного курса саудовского рияла к доллару США.

платежей, что стало возможным благодаря поддержке новых финтех-стартапов и запуску инновационных продуктов. Одной из ключевых инициатив стало внедрение системы мгновенных платежей Sarie[244], позволяющей осуществлять внутренние банковские переводы в режиме реального времени.

Банковская сфера стала одним из первых направлений, где цифровизация и ИИ нашли широкое применение. Внедрение технологий позволяет оптимизировать клиентский опыт и снизить операционные издержки:

- в ОАЭ такие банки, как Emirates NBD[245], предлагают клиентам возможность управления счетами через мобильные приложения с использованием голосовых ассистентов на базе ИИ;
- в Саудовской Аравии банк Al Rajhi[246] внедрил систему анализа данных клиентов для предоставления персонализированных услуг.

Что, в свою очередь, показывает перспективные результаты:

- Сокращение времени на обработку транзакций на 25%;
- Увеличение доли цифровых платежей до 70% всех операций в банках ОАЭ в 2023 году[247].

---

[244] Система, запущенная в 2021 году и направленная на упрощение и ускорение банковских переводов внутри страны, обеспечивая их выполнение в режиме реального времени. Система позволяет осуществлять переводы круглосуточно, 7 дней в неделю, и охватывает как физических лиц, так и компании. Пользователи могут отправлять средства с использованием различных методов, включая номера телефонов или идентификаторы IBAN.

[245] Один из крупнейших банков в Объединенных Арабских Эмиратах, основанный в 2007 году в результате слияния Emirates Bank International и National Bank of Dubai. Банк известен своими передовыми цифровыми услугами, включая мобильное приложение, поддерживающее бесконтактные платежи, управление инвестициями и перевод средств.

[246] Крупнейший исламский банк в мире, основанный в 1957 году. Банк придерживается принципов шариата, предлагая широкий спектр финансовых услуг, включая кредитование, депозиты и управление активами. Al Rajhi активно развивает цифровые технологии, такие как мобильные приложения и онлайн-банкинг, чтобы предоставлять клиентам удобные и безопасные финансовые решения.

[247] Федоров А. Н. Цифровые процессы в странах ССАГПЗ в первой трети XXI века: отраслевые особенности и перспективы развития // Международная торговля и торговая политика. – 2023. – № 1. – С. 5–20.

Образовательные учреждения стран ССАГПЗ активно внедряют цифровые платформы и инструменты для улучшения качества обучения. Так, в ОАЭ работает платформа Madrasa[248], предлагающая более 5 000 бесплатных уроков по различным дисциплинам, а в КСА университеты используют системы искусственного интеллекта для адаптивного обучения, которые подстраиваются под уровень подготовки студентов.

Результаты внедрения:

- Увеличение доступа к качественному образованию в отдалённых районах;
- Повышение уровня цифровой грамотности среди молодёжи.

Более того, развитие и активное внедрение искусственного интеллекта и цифровизация, а также развитие рынков цифровых услуг в странах ССАГПЗ способствует более быстрому их развитию на фоне основных конкурентов в том числе и потому, что оказывают значительное влияние на их социально-экономическое развитие. Так, можно выделить основные направления влияния:

- Укрепление человеческого капитала:
    - образовательные инициативы, направленные на подготовку специалистов в области технологий, способствуют созданию новых рабочих мест;
    - в Саудовской Аравии запущены программы переподготовки кадров для работы в ИИ и цифровой экономике.
- Повышение экономической эффективности:
    - использование ИИ и автоматизация процессов позволяют сократить операционные издержки. Например, в банковском

[248] Ведущая образовательная платформа, запущенная в рамках инициативы Mohammed Bin Rashid Al Maktoum Global Initiatives. Платформа предлагает бесплатный доступ к образовательным видеоурокам по таким предметам, как математика, физика, химия и биология, для студентов арабского мира. Madrasa поддерживает дистанционное обучение, предоставляя учебные материалы высокого качества, доступные в любое время. Это инициатива, направленная на повышение уровня образования и поддержку студентов в удаленных и малообеспеченных регионах.

секторе ОАЭ экономия на операционных затратах составляет до $2 млрд ежегодно;

- в здравоохранении внедрение аналитики данных позволяет оптимизировать расходы на диагностику и лечение.

- Социальные изменения:
  - расширение доступа к услугам для всех слоёв населения, включая отдалённые районы;
  - повышение уровня жизни за счёт более качественных и доступных услуг.

Таблица 17. Основные показатели цифровизации рынков услуг в странах ССАГПЗ

Сектор	**Основные технологии**	**Результаты внедрения**
Банковский сектор	ИИ, аналитика данных	Сокращение транзакционных издержек на 25%
Образование	Онлайн-платформы, ИИ	Увеличение охвата обучением на 30%
Здравоохранение	Аналитика данных, телемедицина	Снижение времени ожидания на 30%

[Источник: составлено автором]

Умные города, электронное правительство и использование искусственного интеллекта формируют основу для построения современных экономик, которые готовы к вызовам будущего. Развитие умных городов демонстрирует, как внедрение технологий может способствовать созданию устойчивой городской инфраструктуры, улучшению транспортных систем, повышению энергоэффективности и снижению экологической нагрузки. Такие проекты, как «Smart Dubai» и «NEOM», становятся образцами интеграции технологий, ориентированных на улучшение повседневной жизни и создание новых экономических возможностей. Однако реализация этих инициатив требует значительных финансовых вложений и тщательной координации между различными участниками процесса.

Электронное правительство стало мощным инструментом упрощения взаимодействия между государством и гражданами. Оно позволяет сократить

временные затраты, повысить доступность государственных услуг и укрепить доверие населения к правительственным учреждениям. Тем не менее, дальнейшее развитие этих систем зависит от решения таких проблем, как кибербезопасность, защита персональных данных и повышение цифровой грамотности среди населения. Важно, чтобы усилия по внедрению цифровых сервисов учитывали как потребности высокотехнологичных городов, так и более отдалённых регионов.

Применение искусственного интеллекта и цифровизация услуг стали ключевыми драйверами экономического роста в регионе. В здравоохранении, образовании и банковской сфере ИИ используется для повышения эффективности и персонализации услуг, что способствует экономии ресурсов и улучшению качества обслуживания. Однако нехватка специалистов, способных разрабатывать и внедрять такие технологии, ограничивает скорость их распространения. Внедрение ИИ требует значительных инвестиций в образовательные программы и создание инфраструктуры, которая позволит использовать эти технологии повсеместно.

Таким образом, ключевые направления цифровизации в странах ССАГПЗ подтверждают их стремление к модернизации и диверсификации экономик. Несмотря на имеющиеся барьеры, цифровая трансформация открывает новые перспективы для региона, укрепляя его позиции в мировой экономике и улучшая условия жизни населения. Успех этих инициатив будет зависеть от сбалансированного подхода, включающего решение технических, социальных и экономических задач.

3.2 Роль цифровизации в углублении международной экономической специализации арабского мира, интенсификации интеграционных процессов, развития международной торговли и экономического сотрудничества.

На современном этапе развития мировой экономики цифровизация трансформируется из вспомогательного инструмента повышения эффективности хозяйственной деятельности в системообразующий фактор международной экономической специализации государств и регионов. В условиях ускоряющейся глобализации, фрагментации производственных процессов и роста роли нематериальных активов цифровые технологии формируют новые источники конкурентных преимуществ, влияя как на структуру национальных экономик, так и на характер их участия в международном разделении труда (МРТ).

В классических теориях международной специализации (Д. Рикардо[249], Э. Хекшер[250] – Б. Олин[251]) ключевая роль отводилась различиям в обеспеченности факторами производства — трудом, капиталом и природными

---

[249] В классической теории международной торговли Д. Рикардо сравнительные преимущества рассматриваются как результат различий в относительных издержках производства, определяющих специализацию стран. Principles of Political Economy and Taxation (1817) — David Ricardo. — URL: https://competitionandappropriation.econ.ucla.edu/wp-content/uploads/sites/95/1970/01/Principles-of-Political-Economy-and-Taxation-1817.pdf (Дата обращения: 20.10.2024).

[250] Э. Хекшер заложил основу факторной теории международной торговли, связав структуру экспорта с обеспеченностью стран факторами производства. Exchange Rates and International Macroeconomics (Chapter) — URL: https://frankel.scholars.harvard.edu/sites/g/files/omnuum8121/files/frankel/files/cave.6607.cp06.p095-120_0.pdf (Дата обращения: 26.11.2025).

[251] Б. Олин развил идеи Э. Хекшера, показав, что международная специализация определяется относительной обеспеченностью факторами производства и их мобильностью. Interregional and International Trade (Volume XXXIX) — URL: https://ia902909.us.archive.org/17/items/in.ernet.dli.2015.112870/2015.112870.Interregional-And-International-Trade-Volxxxix.pdf (Дата обращения: 26.11.2025).

ресурсами. В последующих концепциях (М. Портер[252], П. Кругман[253]) акцент сместился в сторону технологических факторов, инноваций и эффектов масштаба. Однако в условиях всемирного стремления к внедрению и развитию цифровой экономики происходит качественный сдвиг, при котором данные, алгоритмы, программные решения и цифровые платформы становятся как самостоятельным фактором производства, так и объектом международного обмена.

Для арабского мира, и в особенности для стран ССАГПЗ данный сдвиг имеет принципиальное значение. Рассмотренная в исследовании ранее историческая международная специализация этих стран формировалась вокруг экспорта углеводородов и производных отраслей, что обеспечивало высокие доходы, но одновременно создавало структурную зависимость от сырьевых рынков и ценовой конъюнктуры[254]. Более того, в отличие от предыдущих этапов развития, когда рост внешней торговли был преимущественно связан с увеличением физических объёмов поставок сырья и нефтехимической продукции, на современном этапе всё большую роль начинают играть нематериальные компоненты торговли — те же самые цифровые услуги, данные и платформенные решения.

Так, в 2025 г. ВТО отметила, что 42% мирового роста товарооборота в I полугодии обеспечили AI-сопутствующие товары (микросхемы, серверы, ИТ-оборудование), при том что их доля в общем объёме торговли составляет лишь

---

[252] Конкурентные преимущества наций формируются не только факторной обеспеченностью, но и институциональными и стратегическими условиями. ыMichael E. Porter — The Competitive Advantage of Nations (1990). — The Competitive Advantage of Nations — URL: https://economie.ens.psl.eu/IMG/pdf/porter_1990_-_the_competitive_advantage_of_nations.pdf (Дата обращения: 26.11.2025).

[253] Paul Krugman – International Economics: Theory and Policy — URL: https://hostnezt.com/cssfiles/economics/Paul%20Krugman%20-%20International%20Economics%20Theory%20and%20Policy.pdf (Дата обращения: 26.11.2025).

[254] Гельвановский М.И. Международная экономическая интеграция: теория и практика. – М.: Экономика, 2018.

около 15%[255], а Всемирный банк в своих отчетах подчеркивает: «цифровая трансформация в Персидском заливе – мощный двигатель экономической диверсификации»[256]. Цифровизация в этом контексте выступает инструментом структурного разрыва с моносырьевой моделью и перехода к более сложной, многоуровневой системе внешнеэкономической специализации. Важно подчеркнуть, что цифровая специализация не тождественна технологической модернизации. В отличие от простого внедрения ИКТ в традиционные сектора, цифровая специализация предполагает:

- формирование экспортно-ориентированных цифровых отраслей и услуг;
- включение в трансграничные потоки данных и знаний;

---

[255] Director-General Ngozi Okonjo-Iweala — WTO Remarks on Global Trade Outlook (October 2025) — URL: https://www.wto.org/english/news_e/news25_e/gtos_oct25_dg_remarks_e.pdf#:~:text=%E2%80%A2%20Second%2C%20soaring%20demand%20for,share%20in%20world%20trade (Дата обращения: 26.11.2025).

[256] البنك الدولي يرفع توقعاته لاقتصاد الخليج ويؤكد صمودها في مواجهة التحديات [Всемирный банк повышает прогнозы по экономике стран Персидского залива и подтверждает их устойчивость перед вызовами]. – URL: https://aawsat.com/%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%82%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%AF/5215954-%D8%A7%D9%84%D8%A8%D9%86%D9%83-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%D9%8A-%D9%8A%D8%B1%D9%81%D8%B9-%D8%AA%D9%88%D9%82%D8%B9%D8%A7%D8%AA%D9%87-%D9%84%D8%A7%D9%82%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%AF%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%AC-%D9%88%D9%8A%D8%A4%D9%83%D8%AF-%D8%B5%D9%85%D9%88%D8%AF%D9%87%D8%A7-%D9%81%D9%8A-%D9%85%D9%88%D8%A7%D8%AC%D9%87%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%AD%D8%AF%D9%8A%D8%A7%D8%AA (Дата обращения: 26.11.2025).

- участие в глобальных цифровых цепочках добавленной стоимости;
- институционализацию цифровой торговли и платформенного взаимодействия.

Так, следует вывод о том, что цифровизация приводит к формированию так называемой «нематериальной специализации», где ключевым объектом обмена становятся не физические товары, а цифровые услуги, программные продукты, финансово-технологические решения, интеллектуальные сервисы и управленческие технологии[257]. Что в свою очередь означает возможность для рассматриваемых стран «встроиться» в контекст мировой экономики как провайдеров цифровых решений и инфраструктуры – в докладах Экономической и социальной комиссии ООН для Западной Азии (ESCWA) подчёркивается, что цифровая трансформация стран арабского мира формирует «новый тип региональной специализации, основанный на данных, инновациях и услугах высокой добавленной стоимости»[258]. При этом, страны ССАГПЗ демонстрируют наибольший прогресс в данном направлении благодаря сочетанию финансовых ресурсов, активной государственной политики и ориентации на международную кооперацию. Подразумевается, что цифровизация в странах Персидского залива выступает не производным, а первичным фактором трансформации международной экономической специализации, меняя саму логику их участия в глобальных рынках и закладывая основу для последующего углубления интеграционных процессов.

Более того, формирование устойчивых позиций стран Персидского залива в глобальной цифровой экономике связано с развитием цифровых сравнительных преимуществ, которые по своей природе отличаются от традиционных факторов конкурентоспособности. Если ранее ключевыми преимуществами выступали природные ресурсы и географическое положение,

---

[257] Baldwin R. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Cambridge: Harvard University Press, 2016.

[258] الإسكوا (ESCWA). 2021 .الاقتصاد الرقمي في الدول العربية. بيروت،

то в условиях цифровизации определяющую роль играют инфраструктурные, институциональные и человеческие факторы.

Так, помимо ранее рассмотренных институциональной среды и активного процесса инвестиций стран ССАГПЗ в создание центров обработки данных и вычислительных мощностей, к числу важнейших инфраструктурных предпосылок цифровой специализации стран ССАГПЗ можно отнести следующие факторы:

- опережающее развитие телекоммуникационных сетей, включая широкополосный интернет и технологии пятого поколения (5G);
- развитие центров обработки данных и облачной инфраструктуры, обеспечивающих формирование региональных цифровых хабов и экспорт цифровых услуг;
- создание вычислительной инфраструктуры для развития искусственного интеллекта и аналитических сервисов высокой добавленной стоимости;
- развитие цифровой инфраструктуры государственного управления, формирующей институциональную основу цифровой экономики;
- развитие финансово-цифровой инфраструктуры, обеспечивающей трансграничные расчёты и цифровую торговлю услугами;
- цифровизация торгово-логистической инфраструктуры как фактор интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости;
- наличие устойчивой и относительно дешёвой энергетической инфраструктуры, обеспечивающей функционирование цифровых отраслей;
- развитие инфраструктуры кибербезопасности как необходимого условия трансграничной цифровой кооперации.

Следующим элементом цифровых сравнительных преимуществ является человеческий капитал. Несмотря на демографические ограничения,

страны Персидского залива компенсируют дефицит квалифицированных кадров за счёт международной трудовой миграции и активных программ подготовки специалистов в области ИКТ. Согласно отчётам World Economic Forum, уровень цифровых навыков в странах GCC превышает средний показатель по Ближнему Востоку и Северной Африке, что усиливает их конкурентные позиции в сфере цифровых услуг[259]:

Таблица 18. Ключевые факторы формирования цифровых сравнительных преимуществ стран ССАГПЗ

Фактор	**Проявление**
Инфраструктурный	5G, дата-центры, облачные платформы
Институциональный	Национальные цифровые стратегии, e-government
Регуляторный	FinTech sandbox[260], цифровое право
Кадровый	Программы цифровых навыков, международная мобильность

[Источник: составлено автором на основе данных World Bank, ITU, ESCWA]

Отдельно выделенная IT-отрасль в странах ССАГПЗ постепенно трансформируется из вспомогательного сектора в системное ядро новой модели экономического роста и международной кооперации. В отличие от традиционных отраслей, информационные технологии выполняют функцию «сквозного мультипликатора», влияя одновременно на промышленность, финансы, логистику, государственное управление и внешнеэкономические связи. С точки зрения внешнеэкономической специализации, IT-сектор способствует расширению экспорта услуг высокой добавленной стоимости, включая программное обеспечение, облачные решения, финтех-платформы, системы кибербезопасности и аналитические сервисы. С точки зрения его вклада в экономику, McKinsey оценивала среднюю долю цифровой экономики в ВВП арабских стран Персидского залива на уровне 4,1%, тогда как отдельные

[259] World Economic Forum. Global Competitiveness Report. Geneva, 2023.

[260] Регуляторная гибкость, выражающаяся в создании так называемых «регуляторных песочниц» для цифровых стартапов и трансграничных проектов. Бахрейн и ОАЭ считаются региональными лидерами в области финтех-регулирования

страны превосходили этот показатель: например, Бахрейн – 8,0%, Кувейт – 5,1%, ОАЭ – 4,3%, КСА – 3,6%[261].

IT-отрасль также способствует переформатированию экспортных цепочек, позволяя странам GCC встраиваться в глобальные цепочки добавленной стоимости (Global Value Chains, GVC) нового типа, где ключевую роль играют данные, программные интерфейсы и цифровые платформы. В рамках концепции «GVC 2.0» ключевыми элементами становятся не только физические компоненты производства, но и цифровые процессы — проектирование, аналитика, управление, обслуживание и послепродажные сервисы. Для стран Персидского залива это открывает принципиально новые возможности. Саудовская Аравия и ОАЭ активно развивают цифровые решения для промышленности, энергетики и логистики, что позволяет им участвовать в международных проектах не только как поставщики ресурсов, но и как поставщики цифровых сервисов и управленческих технологий, а Катар и Оман, в свою очередь, концентрируются на развитии инфраструктурных и сервисных компонентов GVC, включая «умные» порты, логистические цифровые платформы и системы управления цепочками поставок. Бахрейн и Кувейт усиливают своё участие в финансово-цифровых сегментах цепочек добавленной стоимости, включая расчётные платформы и финтех-сервисы.

По данным Всемирного банка, экспорт цифровых услуг в странах Персидского залива демонстрирует устойчивый рост, превышающий темпы роста традиционного товарного экспорта[262], что свидетельствует о постепенном смещении акцентов от товарной к сервисной и платформенной модели участия в международной торговле. Так, платформенные решения

---

[261] Руденко Людмила Николаевна Перспективы цифровой трансформации экономики арабских стран // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-tsifrovoy-transformatsii-ekonomiki-arabskih-stran (дата обращения: 27.11.2025).

[262] World Bank. Gulf Economic Update: Navigating Digital Transformation. Washington, DC, 2024.

позволяют компаниям из GCC не только экспортировать готовые товары, но и интегрироваться в международное производство знаний и услуг. Крупные проектные компании Залива внедряют цифровые стандарты закупок и логистики, упрощая сотрудничество с иностранными партнёрами, в том числе, на основании моделей ГЧП. В то же время активно создаются трансграничные цифровые платформы и проекты. В рамках GCC ведётся разработка единого е-правительственного пространства – это объединённая инфраструктура для обмена данными и госуслугами. Комитет GCC по e-Government координирует создание единого портала для электронных виз, совместную платформу по цифровой идентификации и региональный «цифровой хаб статистики», где страны, входящие в совет, координированно делятся аналитикой[263].

Одновременно вводятся общие стандарты для электронных торговых площадок: Так, в мае 2024 г. на уровне Комитета по торговому сотрудничеству (Trade Cooperation Committee) обсуждался проект единого законодательного механизма по регулированию электронной коммерции для GCC, включая аспекты торговли, защиты прав потребителей и правового признания электронных транзакций, (а 66-м заседании Комитета GCC по торговому сотрудничеству (Доха, Катар)), на нем же министры торговли GCC

[263] International Experiences and Knowledge Transfer — Collaboration with Gulf Cooperation Council (GCC) Countries. — URL: https://bahrain.bh/wps/portal/en/BNP/HomeNationalPortal/ContentDetailsPage/!ut/p/z1/lZRdV6MwEIb_SrzoJTB8lI9Lqse2e7TttuJabjyBBJoVEhaiVX_9BrdHV9pSzQ3Jycy8M5lnMGLjzog5fmI5lkxwXKjzOnbvzekQJv45wOLCseDnbbB0R9cmXI9t49dnA_MmAmUwDZfzywsTHNOIv-IPR1YIX_N_N5jMFhfgzie-Z3kjG0bWZ__gJnDBtazQsVZjG-ZwUD-E0dJS3jBedfQ74SM4oR_1-6v0Ov77CX6v_n2DuP95f_QlOF_YLQHs958_cWjEqeCSPkvjLuHVPa4HgBPxKJHcUPTAeE5EOYAEb2rMOEMFzVlTvHHUDKCmaksJkqJiqTrLGmcZS0_I3x6Xp_ygPC1pnasDkjTdcFGInNED8rVIhFS7fv22P336L-KxRgXLKGIc7QofwOaxxBzVLN_IA8p8N1moUU8gaZsewpygqsC8QR_W6P8wqsvxKRDjPlIAnK7BgUk9xcohg49ZmVtdiSCKLsH1x5eO4_pLb-gZa0Wrd_y5Fc5PjG6NiIu6VH-fVRuxShkx1i7BEGDiaSSgieb4FtESOxtqvm0Sy6d-OqRgTGCncCTH8Mr6FxOnbReM9bZq9ErUsqCy0QvGH9rL9ourqlVNRamzpNS3lY5Jybi-oYXaVpW-pYW6pLrqm8xUtt3SOoM47SktsAn2Us_WEtNXpTmOqfnEs7Qs9VIXzCywPLML6v6cf3NQdrgiwnImFY6pEBWt3-Dch5apePU7ufRZWTLK0x26D1xsC0pyihTSvMlobawoN6oyelt3r1fZtfRfbGBTtijPE382Gz69jmZanDjh2dlf-ArUXw!!/ (Дата обращения: 27.11.2025).

согласовали работу над унифицированным законодательством по электронной торговле[264] – согласно сообщениям министерств торговли стран ССАГПЗ, это стало одной из наиболее важных их целей. Разработка подобной инициативы предполагает:

- согласование принципов регулирования e-commerce;
- унификацию базовых законов (включая защиту потребителей, цифровую подпись, электронную торговлю и цифровой документооборот) и устранение правовых барьеров для трансграничных цифровых транзакций;
- создание единой платформы обмена правовыми нормами;[265]
- стимулирование совместных торговых платформ и стартапов на уровне союза;
- снижение транзакционных издержек при электронной торговле между странами GCC.

Эти обсуждения включают задачу формирования общих норм, применимых ко всем государствам GCC, что должно способствовать снижению нормативных барьеров внутри интеграционной зоны и стимулировать развитие цифрового рынка региона в целом. Так, отправной точкой региональной гармонизации может служить вступивший в силу в 2023 году в ОАЭ Federal Decree Law No. 14 of 2023 on Trading by Modern Means of Technology (E-Commerce Law), который:

- распространяется на торговлю через цифровые и электронные средства;
- регулирует отношения между продавцами и потребителями;

---

[264] MOCI News – Ministry of Commerce and Industry (Qatar). – URL: https://www.moci.gov.qa/en/mec_news/ (Дата обращения: 27.11.2025).

[265] GCC inches towards unified e-commerce legislative framework & unified law for commercial franchise — Sahmik. – URL: https://sahmik.com/insights/gcc-inches-towards-unified-e-commerce-legislative-framework-unified-law-for-commercial-franchise (Дата обращения: 27.11.2025**).**

- включает защиту интеллектуальной собственности, данные потребителей, обязанности продавца и др.;
- расширяет сферу применения на товары/услуги из-за рубежа, проданные в ОАЭ через интернет[266].

На данный момент в некоторых странах также вступили в силу собственные законы, косвенно или прямо связанные с регулированием электронной коммерции, что значительно упрощает и ускоряет решение поставленной задачи и доказывает сформированность регуляторной инфраструктуры электронной торговли в ССАГПЗ в целом:

Таблица 19. Сравнение законодательства и инициатив по электронной торговле в странах ССАГПЗ

Страна	Закон	Основные положения	Год
ОАЭ	Federal Decree-Law No. 14 of 2023 on Trading by Modern Technology-Based Trade[267]	Регулирует торговлю через современные технологические средства; определяет сферу применения, включая товары/услуги из-за рубежа, продаваемые в ОАЭ; задаёт обязанности участников и др.[268]	2023

[266] E-Commerce Law in Dubai — Hogan Lovells. – URL: https://www.hoganlovells.com/en/publications/e-commerce-law-in-dubai (Дата обращения: 27.11.2025).

[267] Federal Decree-Law No. 14 of 2023 on Trading by Modern Technology-Based Trade — URL: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/2150/download (Дата обращения: 28.11.2025).

[268] Наличие специализированного e-commerce акта нового поколения (modern technology-based trade) повышает правовую определённость для платформ, логистики и цифровых платёжных шлюзов, облегчая трансграничные сделки (включая продажи товаров/услуг из-за рубежа на рынок ОАЭ). В UNCTAD B2C Index 2020 ОАЭ входят в лидирующую группу развивающихся экономик и рассматриваются как региональный цифровой хаб; это отражает институционально-инфраструктурную готовность к онлайн-торговле и масштабируемость платформ. См. подробнее: Tabella UNCTAD delle performance dell’E-Commerce nel 2019 —

КСА	E-Commerce Law (Royal Decree No. M/126)[269]	Профильный закон: требования к e-shops/поставщикам, раскрытие информации, защита потребителей, контроль и санкции; развивает платформенный контур регулирования[270]	2019
Катар	Decree-Law No. 16 of 2010 Promulgating the Electronic Transactions and Commerce Law[271]	Рамка электронные транзакции + электронная торговля: признание электронных сообщений/подписей/документов, правила электронных сделок[272]	2010

URL: https://swissfederalism.ch/wp-content/uploads/2021/03/Tabella-UNCTAD-delle-performance-dellE-Commerce-nel-2019.pdf (Дата обращения: 28.11.2025).

[269] Saudi Arabia — Ecommerce Law Guide — URL: https://zonos.com/ru/docs/guides/country-guides/saudi-arabia-ecommerce-law (Дата обращения: 28.11.2025).

[270] Профильный закон об электронной коммерции (M/126) формирует «платформенно-ориентированное» регулирование: правила для e-shops и посредников, требования раскрытия информации и механизмы поддержки. Это снижает риск недобросовестных практик и повышает доверие, что в макроэкономическом плане поддерживает рост внутреннего и трансграничного оборота e-commerce. В UNCTAD B2C Index 2020 Саудовская Аравия также входит в верхнюю группу развивающихся экономик, подтверждая высокую готовность к расширению цифровой торговли. См. подробнее: Tabella UNCTAD delle performance dell'E-Commerce nel 2019 — URL: https://swissfederalism.ch/wp-content/uploads/2021/03/Tabella-UNCTAD-delle-performance-dellE-Commerce-nel-2019.pdf (Дата обращения: 28.11.2025).

[271] Electronic Transactions and Commerce Law (Qatar) — URL: https://almeezan.qa/LawPage.aspx?id=2678&language=en (Дата обращения: 28.11.2025).

[272] Катарская рамка e-transactions/e-commerce закрепляет юридическую силу электронных контрактов и подписей, тем самым снижая транзакционные издержки B2B и B2C и облегчая трансграничные контракты в сфере цифровых услуг. Катар также представлен среди стран с высокими значениями готовности в UNCTAD B2C Index 2020. См. подробнее: Tabella UNCTAD delle performance dell'E-Commerce nel 2019 — URL: https://swissfederalism.ch/wp-content/uploads/2021/03/Tabella-UNCTAD-delle-performance-dellE-Commerce-nel-2019.pdf (Дата обращения: 28.11.2025).

Бахрейн	Legislative Decree No. 54 of 2018 (Electronic Communications and Transactions Law)[273]	Юридическая сила электронных сообщений/подписей/документов; применимо к e-commerce и цифровым услугам; (есть обновления/поправки)[274]	2018
Оман	Royal Decree (RD) No. 69/2008 Issuing the Electronic Transactions Law (действовал до 2025 г.) / далее обновлён RD 39/2025[275]	База электронных транзакций, обеспечивающая правовую основу e-commerce; в 2025 г. обновлена новая редакция[276]	2008/2025

[273] Electronic Transactions Law (Bahrain) — URL: https://www.mola.gov.bh/MediaManager/Media/Documents/Laws/Batch3/L5418.pdf (Дата обращения: 28.11.2025).

[274] Закон по электронным коммуникациям и транзакциям формирует правовую инфраструктуру для финтех-сервисов и цифровых услуг, а также поддерживает международную кооперацию в сфере сервисной торговли (включая «цифровую» часть финансовых и бизнес-услуг).

[275] Electronic Transactions Law (Oman) — URL: https://mtcit.gov.om/library-3/legislations-policies-8/laws-75/electronic-transactions-law-1031 (Дата обращения: 28.11.2025).

[276] Переход от рамочного закона от 2008 г. к обновлённому закону 2025 г. снижает «институциональный разрыв» и улучшает совместимость режима электронных транзакций с современными практиками цифровой торговли, что облегчает подключение бизнеса к платформам и региональным цепочкам поставок. Оман также фигурирует в UNCTAD B2C Index 2020 с высоким значением для развивающихся экономик. См. подробнее: Tabella UNCTAD delle performance dell'E-Commerce nel 2019 — URL: https://swissfederalism.ch/wp-

Кувейт	Law No. 20 of 2014 Concerning Electronic Transactions[277]	Закон об электронных транзакциях: юридическая сила электронных документов/подписей и правила электронных операций[278]	2014

[Источник: составлено автором на основе данных региональных официальных источников]

Из таблицы видно, что ССАГПЗ через гармонизацию цифрового регулирования (электронные сделки, торговля через цифровые каналы, идентификация/подписи, нормы для платформ) создаёт условия для углубления внутрирегиональной торговли и специализации: товары и услуги легче «масштабируются» по региону, а IT-сектор (платформы, финтех, логистика, облака) становится инфраструктурным слоем интеграции. На уровне теории Портера это ложится на логику конкурентных преимуществ и кластеризации и модели пространственной концентрации при снижающихся «транспортных»/транзакционных издержках: цифровые нормы и инфраструктура уменьшают издержки доступа к рынкам и усиливают эффекты масштаба.

content/uploads/2021/03/Tabella-UNCTAD-delle-performance-dellE-Commerce-nel-2019.pdf (Дата обращения: 28.11.2025).

[277] قانون المعاملات الإلكترونية — Electronic Transactions Law (Kuwait) — URL: https://kdipa.gov.kw/wp-content/uploads/2022/08/%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B9%D8%A7%D9%85%D9%84%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%84%D9%83%D8%AA%D8%B1%D9%88%D9%86%D9%8A%D8%A9-20-%D9%84%D8%B3%D9%86%D8%A9-2014-%D9%85%D8%AA%D8%B1%D8%AC%D9%85-%D8%A8%D8%A7%D9%84%D9%84%D8%BA%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%86%D8%AC%D9%84%D9%8A%D8%B2%D9%8A%D8%A9.pdf (Дата обращения: 28.11.2025).

[278] Кувейтский закон об электронных транзакциях обеспечивает юридическую основу e-commerce (электронные документы/подписи), что снижает барьеры цифрового контрактования; при этом «специализированный» контур всей электронной торговли в стране (по типу ОАЭ и КСА) может развиваться эволюционно через подзаконные механизмы и практику применения.

Следует вывод о том, что традиционная инфраструктура торговли модернизируется. Таможенные службы GCC внедряют цифровые системы менеджмента (например, система Risk Management для ускорения пропусков грузов). Соглашения о свободной торговле начинают включать цифровые условия – открывая для компаний доступ к новым рынкам. Учитывая всё это, международное сотрудничество приобретает цифровую форму: создаются совместные научно-технические проекты (например, интегрированные проекты по ИИ и «зеленым технологиям» с ООН и международными фондами), подписываются двусторонние меморандумы по кибербезопасности и стандартам 5G, а общая внешнеторговая активность стран Персидского залива адаптируется к цифровым реалиям.

Кроме того, IT-сектор выступает катализатором международного экономического сотрудничества. Совместные проекты в сфере ИКТ, электронного правительства и искусственного интеллекта реализуются как на двусторонней, так и на многосторонней основе в рамках ССАГПЗ и за его пределами. Региональные соглашения и альянсы подчёркивают стратегическую роль цифровизации. Помимо уже упомянутого комитета по e-government, в 2025 г. страны ССАГПЗ утвердили единый стратегический план по искусственному интеллекту (GCC AI Strategy): Бахрейн назначен лидером разработки общей ИИ-стратегии по решению центров экспертиз и этических норм[279]. План предполагает за собой наднациональный стратегический вектор координации политики рассматриваемых стран в области развития и внедрения технологий искусственного интеллекта, направленный на формирование регионального рынка ИИ-решений и повышение международной конкурентоспособности экономик GCC. Под ним принято понимать рамку координации, включающую в себя:

[279] Bahrain announces new steps to support ecommerce strategy rollout — News of Bahrain. – URL: https://www.newsofbahrain.com/bahrain/113282.html#:~:text=In%20a%20significant%20development%2C%20the,to%20support%20the%20strategy%27s%20rollout (Дата обращения: 28.11.2025).

- согласование всех 6 национальных ИИ-стратегий в формате синхронизации по приоритетным секторам;
- реализацию через региональные координационные органы и площадки (секретариат ССАГПЗ[280], профильные министерские кабинеты;
- регулярные встречи и рабочие группы по теме ИИ, данным и цифровой экономике;
- совместные инфраструктурные инициативы;
- единую логику международной специализации.

Следовательно, хотя единый наднациональный документ по ИИ в рамках GCC формально не принят, фактически складывается общий стратегический контур, обеспечивающий институциональную и инфраструктурную совместимость национальных AI-политик стран Персидского залива. что позволяет координировать проекты на всю зону GCC и привлекать инвестиции в совместные стартапы (например, GCC AI Hub). Существуют также совместные корпоративные инициативы: компании Etisalat и du (ОАЭ) запустили серию межгосударственных проектов (финтех, кибербезопасность), а проект Gulf Cloud[281] – объединённая облачная инфраструктура, нацеленная на совместные госуслуги региона. Также это создаёт предпосылки для углубления интеграционных процессов и формирования единого цифрового пространства региона с предпосылками для перехода от преимущественно

[280] المنصة الرسمية لمجلس التعاون لدول الخليج العربية [Официальный портал Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива]. – URL: https://www.gcc-sg.org/ar/Pages/default.aspx (Дата обращения: 28.11.2025).

[281] Региональная инициатива ССАГПЗ, направленная на формирование совместной облачной цифровой инфраструктуры, обеспечивающей хранение, обработку и трансграничный обмен данными внутри региона на основе согласованных стандартов. Проект ориентирован на поддержку цифрового государственного управления, развитие цифровых услуг и платформ, а также на укрепление цифрового суверенитета государств GCC за счёт локализации данных и снижения зависимости от внешних глобальных облачных провайдеров. В экономическом измерении Gulf Cloud рассматривается как инфраструктурная основа цифровой специализации стран Залива, способствующая масштабированию цифровых рынков, развитию ИТ-отрасли, повышению совместимости национальных цифровых экосистем и углублению интеграционных процессов в рамках региона, включая формирование общего пространства цифровых услуг и данных.

торгово-таможенной интеграции к цифровой и институциональной интеграции. По данным Генерального секретариата ССАГПЗ, цифровая интеграция рассматривается как один из ключевых инструментов повышения конкурентоспособности региона в глобальной экономике. Вместе с тем цифровая интеграция в рамках GCC развивается неравномерно, что связано с различиями в уровне цифровой зрелости стран, институциональных моделях и национальных приоритетах. ОАЭ и Бахрейн выступают в роли «цифровых лидеров», тогда как другие страны в большей степени сосредоточены на внутренней трансформации, что может создавать определённые ограничения для углубления интеграции.

Несмотря на общую стратегическую направленность на цифровую трансформацию, страны Персидского залива реализуют различные модели цифровой интеграции и международной специализации, что обусловлено особенностями их экономической структуры, институциональной среды и внешнеэкономических приоритетов. Сравнительный анализ этих моделей позволяет выявить как общие тенденции, так и специфические траектории развития.

В то время, как ОАЭ реализуют платформенную модель цифровой интеграции, ориентированную на развитие международных цифровых хабов в сфере финансов, логистики и электронного правительства. Саудовская Аравия формирует индустриально-цифровую модель, интегрируя IT-решения в промышленность, энергетику и инфраструктурные проекты, Катар делает акцент на инфраструктурной цифровизации, развивая интеллектуальные сервисы для крупных проектов и международных мероприятий. В свою очередь, Бахрейн специализируется на финансово-цифровой модели, ориентированной на экспорт финтех-услуг и привлечение международных компаний, а Оман и Кувейт реализуют более институционально ориентированные модели, концентрируясь на цифровизации государственного управления и создании регуляторных основ для будущего роста:

Таблица 20. Модели цифровой интеграции и специализации стран ССАГПЗ

Страна	Доминирующая модель	Ключевой фокус
ОАЭ	Платформенная	Финтех, электронное правительство
КСА	Индустриальн-цифровая	ИИ, Индустрия 4.0
Катар	Инфраструктурная	Умные сервисы
Бахрейн	Финансово-цифровая	Финтех
Оман	Институциональная	Электронное правительство
Кувейт	Регуляторная	Цифровое государство

[Источник: составлено автором на основе данных ESCWA, World Bank и национальных стратегий.]

Таким образом, разнообразие моделей цифровой интеграции не ослабляет, а напротив, усиливает потенциал региональной специализации, создавая предпосылки для взаимодополняемости и углубления экономического сотрудничества внутри ССАГПЗ.

Цифровая трансформация экономических процессов оказывает многоуровневое воздействие на характер международного экономического сотрудничества стран Персидского залива, формируя новые форматы и механизмы взаимодействия с внешними партнёрами. В отличие от традиционных моделей сотрудничества, основанных преимущественно на торговле товарами и инвестициях в материальные активы, цифровая экономика расширяет спектр кооперационных связей за счёт совместных проектов в сфере информационных технологий, данных, платформ и интеллектуальных сервисов. К примеру, соглашение GCC–Южная Корея

включает цифровую главу[282], а несколько арабских стран развивают трансграничные электронные коридоры с Европой и Азией. Так, ОАЭ и Саудовская Аравия входят в Азиатско-Тихоокеанскую экономическую кооперацию (APEC), где продвигаются цифровые нормы; ОАЭ также участвуют в проекте UAE–EU по кибербезопасности и новым стандартам.

Однако, одним из ключевых направлений становится развитие межгосударственного цифрового сотрудничества, включающего согласование стандартов, обмен данными и совместное развитие цифровой инфраструктуры. Всемирный банк подчёркивает, что для стран с развивающимися цифровыми экосистемами международная кооперация в сфере ИКТ является важным условием ускорения технологического развития и повышения конкурентоспособности. В этом контексте страны ССАГПЗ всё активнее участвуют в международных цифровых инициативах, соглашениях о цифровой торговле и проектах в области кибербезопасности. В качестве примера важно обозначить то, что GCC и Европейский союз совместно проводят диалог по кибердипломатии, направленный на углубление обмена лучшими практиками в области кибербезопасности, укрепления доверия между регионами и разработки мер по совместному противодействию киберугрозам, что было отражено в первом раунде 1,5-уровневого диалога в Эр-Рияде с участием экспертов и представителей государственных учреждений (EU–GCC 1.5 Track Dialogue on Cyber Diplomacy)[283].

Регион также сотрудничает с Digital Cooperation Organization (DCO), где GCC поддерживает совместные инициативы по обмену опытом и знаниями, разработке регулирующих рамок цифровой дипломатии и стимулированию

---

[282] السكرتارية العامة لمجلس التعاون الخليجي تعلن عن مبادرات لتعزيز التجارة الإلكترونية [Генеральный секретариат Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива объявляет инициативы по укреплению электронной торговли]. – URL: https://www.gcc-sg.org/ar/MediaCenter/News/Pages/news-12-28-1.aspx (Дата обращения: 28.11.2025).

[283] EU and GCC hold their first 15-Track Dialogue on Cyber Diplomacy in Riyadh — European External Action Service (EEAS). – URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/saudi-arabia/eu-and-gcc-hold-their-first-15-track-dialogue-cyber-diplomacy-riyadh_en (Дата обращения: 30.11.2025).

внедрения инновационных цифровых решений, укрепляя региональные цифровые усилия через международные форумы и консультации[284]. Кроме того, страны Залива участвуют в миссиях и торговых делегациях, таких как Middle East Cyber Mission, целью которых является продвижение международных стандартов кибербезопасности (например, рамки NIST) и расширение делового сотрудничества на рынках информационной безопасности, что способствует экспорту технологических решений и укреплению деловых связей с зарубежными компаниями в сфере ICT-безопасности[285]

Региональная стандартизация также развивается через GCC Standardization Organization (GSO), которая работает над адаптацией и внедрением международных технических стандартов в странах GCC, включая области цифровых технологий и электронных сервисов, что облегчает совместимость продукции и услуг на внешних рынках и упрощает доступ компаний региона к глобальным цепочкам стандартов и сертификации. Помимо этого, страны Персидского залива участвуют в глобальных политико-дипломатических инициативах, таких как Global Digital Compact ООН, нацеленный на создание инклюзивной, безопасной и устойчивой цифровой среды, в рамках которого государства региона присоединяются к многосторонним усилиям по развитию международного управления цифровыми технологиями и протоколов защиты данных:

Таблица 21. Международные инициативы, соглашения и проекты в сфере цифровизации с участием стран ССАГПЗ

Инициатива	Участники	Год запуска/активная фаза	Содержание

[284] GCC Secretariat announces initiatives to strengthen cooperation (18 Dec 2024) — GCC-SG. – URL: https://www.gcc-sg.org/en/MediaCenter/News/Pages/news2024-12-18-2.aspx (Дата обращения: 30.11.2025).

[285] . Middle East Cyber Mission — U.S. Commercial Service (Trade.gov). – URL: https://www.trade.gov/middle-east-cyber-mission (Дата обращения: 30.11.2025).

EU–GCC 15 Track Dialogue on Cyber Diplomacy	GCC + страны ЕС	Прове дён 1–2 окт. 2025 (г. Эр-Риад)	Межрегиональный диалог по кибердипломатии и киберсотрудничеству[286]
Digital Cooperation Organization (DCO)[287]	Бахре йн, Бангладеш, Кипр, Джибути, Иордания, Кувейт, Марокко, Нигерия, Оман, Пакистан, Руанда, КСА, Оман, Кувейт, Катар, Греция	2020	Межправительственная организация по цифровой экономике и сотрудничеству (регуляторные подходы, цифровая экономика, совместные инициативы)[288]
Global Digital	Все государства-члены ООН (включая все	2024	Глобальная рамка принципов и действий в сфере цифрового будущего (инклюзивность,

[286] EU and GCC hold their first 15-Track Dialogue on Cyber Diplomacy in Riyadh — European External Action Service (EEAS). – URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/saudi-arabia/eu-and-gcc-hold-their-first-15-track-dialogue-cyber-diplomacy-riyadh_en (Дата обращения: 01.12.2025).

[287] Основана в 2020 году.

[288] Digital cooperation organization (DCO) — URL: https://dco.org/ (Дата обращения: 01.12.2025).

Compact (OOH)[289]	страны GCC)		безопасность, управление технологиями)[290]
GCC Standardization Organization (GSO)[291]	Страны GCC	2001 (активизация цифрового трека – после 2018)	Адаптация международных технических стандартов (в т.ч. цифровых и ИКТ), повышение совместимости продукции и услуг[292]
WTO Joint Statement Initiative (JSI) on E-commerce / Agreement on Electronic Commerce (в рамках JSI)	Все страны GCC как члены ВТО участвуют в цифровой повестке ВТО	2019	Переговорный/плюрилатеральный трек ВТО по правилам e-commerce (доверие к цифровой торговле, открытая среда, упрощение процедур)[293]

[Источник: составлено автором на основе официальных материалов ЕС, Секретариата GCC, ООН, DCO, ESCWA и национальных ведомств.]

[289] Инициатива, утвержденная в рамках Summit of the Future 2024 ООН.

[290] Global Digital Compact — United Nations. – URL: https://www.un.org/en/summit-of-the-future/global-digital-compact (Дата обращения: 01.12.2025).

[291] Организация по стандартизации в рамках ССАГПЗ, специализирующаяся на всем спектре стандартов (в т.ч., промышленность, продукция, услуги). Принято рассматривать как формат сотрудничества, нежели проект цифровых стандартов, т.к. обеспечивает стандартизацию продукции и услуг в ССАГПЗ, включая ИКТ-компоненты по мере своих мандатов.

[292] هيئة التقييس لدول مجلس التعاون لدول الخليج العربية [Организация по стандартизации стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива]. – URL: https://www.gso.org.sa/ar/ (Дата обращения: 01.12.2025).

[293] Joint Statement on E-commerce Issues — World Trade Organization (WTO). – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/ecom_e/joint_statement_e.htm (Дата обращения: 01.12.2025).

Систематизация международных инициатив и проектов с участием стран ССАГПЗ показывает, что цифровая трансформация региона в целом сопровождается, помимо прочего, институциональным встраиванием в ключевые многосторонние режимы глобального цифрового управления. Их участие в форматах, реализуемых на площадках рассмотренных организаций, а также в межрегиональных диалогах с Европейским союзом, свидетельствует о координированной модели участия в формировании правил цифровой экономики. Экономическое значение данных инициатив заключается в снижении регуляторной неопределённости, повышении доверия к трансграничным цифровым операциям и создании условий для масштабирования цифровой торговли и услуг, включая электронную коммерцию, платформенные сервисы и цифровые финансовые решения. При этом такие форматы, как Digital Cooperation Organization и инициативы ITU в сфере цифровой связности, дополняют торгово-нормативную повестку инвестиционными и инфраструктурными механизмами, что усиливает эффект от международной кооперации и дополнительно снижает регуляторные барьеры и повышает совместимость национальных цифровых экосистем стран GCC с внешними рынками. В совокупности участие стран ССАГПЗ в данных инициативах формирует внешний институциональный контур цифровой специализации региона, способствуя его интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости нового типа и укрепляя позиции стран Персидского залива в системе международного экономического сотрудничества.

Помимо этого, существенную роль играет платформенное сотрудничество, при котором государства и компании взаимодействуют через цифровые экосистемы, обеспечивающие трансграничный доступ к рынкам, услугам и данным. Примером служат международные финтех-платформы, логистические цифровые системы и облачные сервисы, в которых участвуют компании из ОАЭ, Саудовской Аравии и Бахрейна. Показательной инициативой служит экосистема DP World CARGOES, разрабатываемая глобальным портовым и логистическим оператором DP World (ОАЭ), которая

включает модули цифрового управления цепочками поставок (CARGOES Flow) и торгового финансирования (DP World Trade Finance / CARGOES Finance). Платформа ориентирована на обслуживание международных торговых операций, включая мультимодальные перевозки и финансирование внешнеторговых контрактов, что позволяет снижать транзакционные издержки и повышать доступность оборотного капитала для участников международной торговли, прежде всего малых и средних предприятий[294].

По официальным данным DP World, к концу 2022 г. через платформу Trade Finance было подано заявок на кредитные лимиты на сумму свыше 600 млн долл. США, при этом платформа обслуживала более 56 тыс. клиентов из более чем 50 стран, взаимодействуя с десятками финансовых институтов. В 2025 г. DP World объявила, что совокупный объём профинансированной через платформу торговли превысил 1 млрд долл. США[295], а число партнёрских банков достигло 32, что свидетельствует о переходе цифровых решений DP World из пилотной стадии в фазу масштабного международного применения.

Дополнительное значение для цифровой интеграции региона имеет участие стран GCC в глобальных инициативах Международного союза электросвязи (ITU), в частности в коалиции Partner2Connect (P2C), запущенной в 2021 г. для мобилизации инвестиций и обязательств в сфере цифровой связности. По данным ITU, совокупный объём заявленных обязательств в рамках P2C достиг 50,96 млрд долл. США в 2024 г.[296] и 73 млрд долл. США в 2025 г.[297], что указывает на масштаб формируемой цифровой

---

[294] DP World — World Economic Forum (WEF) organization profile. – URL: https://www.weforum.org/organizations/dp-world/ (Дата обращения: 02.12.2025).

[295] DP World Trade Finance mobilises $1 billion to support emerging market trade — CBN ME (Logistics News). – URL: https://www.cbnme.com/logistics-news/dp-world-trade-finance-mobilises-1b-to-support-emerging-market-trade/ (Дата обращения: 02.12.2025).

[296] Partner2Connect Global Connectivity Summit 2024 — ITU Press Release. – URL: https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2024-05-27-Partner2Connect-global-connectivity.aspx (Дата обращения: 02.12.2025).

[297] ITU & Mobile World Congress 2025 collaboration — ITU Press Release. – URL: https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2025-03-04-Mobile-World-Congress.aspx (Дата обращения: 02.12.2025).

инфраструктуры, в том числе в регионах с активным участием стран Персидского залива. Укрепление цифровой связности и инфраструктуры напрямую поддерживает рост цифровых услуг, электронной торговли и платформенных моделей международного сотрудничества.

В совокупности участие стран GCC в указанных проектах и инициативах демонстрирует, что цифровизация внешнеэкономических связей региона осуществляется не только через национальные программы, но и посредством включения в международные цифровые экосистемы, объединяющие логистику, финансы, торговлю и данные. Это формирует устойчивую основу для углубления международной экономической специализации стран Персидского залива в сфере цифровых и сервисных услуг и усиливает их интеграцию в глобальные цепочки добавленной стоимости нового типа.

Несмотря на значительный потенциал цифровизации как фактора международной специализации и интеграции, данный процесс сопровождается рядом структурных ограничений и рисков, которые могут сдерживать его устойчивость и долгосрочную эффективность. Для стран Персидского залива эти риски носят как внутренний, так и внешний характер:

- По сей день сохраняющаяся технологическая зависимость от импорта критически важных цифровых технологий, что повышает уязвимость стран к внешним шокам;
- Кадровый фактор, в рамках которого страны ССАГПЗ до сих пор в значительной степени опираются преимущественно на иностранную рабочую силу в сфере ИКТ, что может ограничивать желаемые темпы развития сектора;
- Ассиметрия цифрового разрыва внутри региона, выражающаяся в уровне цифровой зрелости, качестве регулирования и несколько разнящихся приоритетах национальных стратегий, что может фактически препятствовать углублению интеграционных процессов в рамках союза;

- Геополитика цифровых рынков, которая включает в себя вопросы кибербезопасности, контроля над данными и цифрового суверенитета.

Таким образом, цифровизация и следующее за ней развитие рынков цифровых услуг в рассматриваемых странах стали системообразующим фактором трансформации международной экономической специализации, интеграционных процессов и внешнеэкономических связей стран Персидского залива. Развитие цифровых технологий и ИТ-отрасли способствует диверсификации структуры внешней торговли, расширению экспорта услуг высокой добавленной стоимости и включению стран ССАГПЗ в глобальные цепочки добавленной стоимости нового типа. Сама по себе подобная трансформация не только усиливает интеграционные процессы в рамках ССАГПЗ, придавая им институционально новое содержание, основанное на координации цифровых стратегий, унификации регуляторных подходов и создании общего цифрового пространства., но и формирует новые возможности для международного экономического сотрудничества стран Персидского залива, расширяя спектр партнёрских взаимодействий и создавая основу для участия региона в формировании глобальной цифровой экономики.

Вместе с тем, различия в моделях цифрового развития и наличие структурных ограничений обусловливают необходимость дальнейшего углубления кооперации и согласования национальных приоритетов, а сами процессы трансформации экономической системы задают предпосылки и рамки перспектив использования цифровой трансформации стран Персидского залива в целях углубления и расширения торгово-экономического сотрудничества с внешними партнёрами, в частности, с Российской Федерацией.

3.3 Перспективы и возможности использования цифровой трансформации экономических процессов стран Персидского залива для углубления и расширения торгово-экономического сотрудничества России со странами ближневосточного региона.

Ранее проведенный анализ показал, что цифровизация и сопряженное с ней развитие рынков цифровых услуг в странах ССАГПЗ стали неотъемлемым драйвером их экономической диверсификации и интеграции в мировое хозяйство. Однако наиболее важным показателем является ее возможность быть грамотно примененной для углубления и расширения торгово-экономического сотрудничества России со странами ближневосточного региона. Ввиду того, что рассмотренная экономическая трансформация способна стать не только краеугольным фактором развития связей с Российской Федерацией, но и открыть новые вехи ее развития благодаря накопленному потенциалу.

Рассматривая текущее состояние торгово-экономического сотрудничества России со странами ССАГПЗ, важным фактором является выход торгово-инвестиционных связей России с государствами ССАПГЗ на беспрецедентный уровень не только динамики, но и глубины за последнее десятилетие[298]. Если ранее взаимодействие этих стран носило более фрагментарный характер, преимущественно в рамках координации нефтяной политики в ходе соглашения ОПЕК+, то по состоянию на конец 2025 года, стоит выделить формирование многоаспектного стратегического партнерства, охватывающего параллельно несколько экономических отраслей: торговлю, инвестиции, транспортную инфраструктуру, высокие технологии и др. Более того, совокупный товарооборот России со странами ССАГПЗ демонстрирует устойчивый рост: по данным Министерства иностранных дел Российской

[298] Россия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива: новые горизонты торговли и инвестиций. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-i-sovet-sotrudnichestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-novye-gorizonty-torgovli-i-investiczij/ (Дата обращения: 09.01.2026).

Федерации (далее – МИД РФ), по итогам 2022 г. товарооборот России со странами ССАГПЗ превысил 11 млрд долл.[299], увеличившись на 6,3% по сравнению с 2021 г. (2021 г. — порядка 10,3 млрд долл.).а в 2024 г. двусторонняя торговля превысила $15 млрд[300], что более чем в 7 раз выше уровня начала 2020-х годов.[301] Подобной динамике способствовали несколько драйверов:

- Переориентация российской внешней торговли на “дружественные” направления после 2022 г., выраженная в некотором сдвиге географии самой торговли и росте доли расчетов/операций с рынками вне ЕС, фиксирующихся в некоторых российских и международных обзорах[302];
- Рост роли ОАЭ как как торгово-логистического и финансового хаба (в т. ч. для реэкспорта и улучшения цепочек поставок), в рамках которого зафиксированы оценки по товарообороту РФ–ОАЭ за 2024 г. на уровне ~10 млрд долл.[303] и рост присутствия российских компаний в ОАЭ, отраженный в масштабе их регистраций;
- Усиление институциональной “надстройки” диалога Россия–ССАГПЗ, выраженное в регулярных форматах, планах действий,

[299] По данным статистического обзора GCCStat по внешнеторговым связям (мировые партнёры, 2020) в таблице «Trade between GCC and Russian Federation» приводятся значения товарного обмена: 2019: 3,7 млрд долл.; 2020: 2,8 млрд долл. См. подробнее: Economic Relations Between the GCC and the World — Gulf Cooperation Council Statistical Centre (GCC-STAT). – URL: https://gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/Economic_relations_GCC_and_world_1.pdf (Дата обращения: 09.01.2026).

[300] Там же (290).

[301] Бахрейн — двусторонние отношения с Россией. – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/bh/1896187/ (Дата обращения: 09.01.2026).

[302] Россия и страны Персидского залива — развитие экономического сотрудничества и инвестиционных связей — Интерфакс. – URL: https://interfax.com/newsroom/top-stories/112459/ (Дата обращения: 09.01.2026).

[303] Россия и страны Персидского залива обсуждают экономическое сотрудничество / TASS. – URL: https://tass.com/economy/2044625 (Дата обращения: 09.01.2026).

повестке взаимных проектов, зафиксированных на уровне МИД РФ[304];

- Рост торговли с КСА как второй опоры направления «на восток», в рамках которого отмечен товарооборот РФ–КСА по итогам 2024 г. превысивший $3,8 млрд[305];
- Настройка новых платежных/расчетных решений и финтех-каналов в условиях ограничений традиционной инфраструктуры для возможности ее расширения и трансформации структуры внешней торговли РФ в целом[306] и институционализация инвестиционных связей, прежде всего через платформы Российского фонда прямых инвестиций (далее – РФПИ) с суверенными фондами стран Залива.

Для более четкого анализа необходимо рассмотреть особенности взаимодействия РФ с каждой страной рассматриваемого региона. Так, в отношениях между Россией и ОАЭ, последние являются флагманским экономическим партнером в арабском мире на сегодняшний день. На эту страну приходится большая часть торгового оборота России со странами Залива (около $10 млрд в год)[307]. К 2025 году в ОАЭ было зарегистрировано свыше 13,5 тыс. российских компаний (только за 2025 год выдано ~2000 новых лицензий)[308], активно представленных сразу в нескольких сферах: логистике, промышленности, технологиях, туризме, ритейле Эмиратов, что, по словам

---

[304] Катар — двусторонние отношения с Россией.– URL: https://www.mid.ru/ru/maps/qa/1815620/ (Дата обращения: 09.01.2026).

[305] Тасс: Россия и Катар укрепляют экономические связи. – URL: https://tass.ru/ekonomika/24448279 (Дата обращения: 09.01.2026).

[306] Prices and Volumes: Why Russian exports seemed invulnerable to sanctions and why they look vulnerable now — Re:Russia. – URL: https://re-russia.net/en/analytics/0244/ (Дата обращения: 09.01.2026).

[307] Россия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива: новые горизонты торговли и инвестиций. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-i-sovet-sotrudnichestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-novye-gorizonty-torgovli-i-investiczij/ (Дата обращения: 09.01.2026).

[308] Over 13,500 Russian Companies Registered in UAE — TASS: Russian companies operating in logistics, industry, technology, tourism, and retail make a significant contribution to the Emirati economy. – URL: https://tass.com/economy/2056533 (Дата обращения: 09.01.2026)

министра экономики ОАЭ Абдуллы бен Тук Аль Марри, вносит «значительный вклад» в экономику страны[309]. Одновременно с этим, эмиратские инвестиции (суверенные фонды Abu Dhabi Development Fund (ADFD)[310], Mubadala[311] и др.) выражены в миллиардах долларов, вложенных в российские технологии, инфраструктуру и производство. Так, институциональным каналом притока капитала из ОАЭ в российские инвестиционные проекты стала совместная структура РФПИ и Mubadala , в форме инвестиционной платформы объёмом 2 млрд долл. США (по 1 млрд долл. США с каждой стороны)[312], а к 2019 г., по официальным сообщениям агентства WAM и деловых изданий, было реализовано более 45 совместных сделок[313] с совокупной стоимостью свыше 2 млрд долл. США, в том числе в сферах высоких технологий, искусственного интеллекта, логистики, здравоохранения и инфраструктуры. Другим характерным примером смещения акцента в сторону цифровой экономики служит совместная инвестиция РФПИ и Mubadala (наряду с другими ближневосточными фондами, такими как: Qatar Investment Authority, PIF и др.) в AliExpress Russia с приобретением 7,85 % доли, что отражает интерес

---

[309] Там же.

[310] Суверенный институт развития, учреждённый правительством Абу-Даби в 1971 году, целью которого является внешняя экономическая и гуманитарно-развивающая «финансовая дипломатия» ОАЭ. Фонд также предоставляет льготные суверенные кредиты правительствам развивающихся стран, управляет государственными грантами, а также делает инвестиции в отдельных партнёрских юрисдикциях, поддерживая инфраструктурные и социально-экономические проекты. Также участвует в проектах ВИЭ в рамках национальной стратегии развития.

[311] Один из ключевых суверенных инвесторов Абу-Даби (коммерчески ориентированный), который управляет диверсифицированным глобальным портфелем по секторам и классам активов — от частного капитала и инфраструктуры до технологий, промышленности и здравоохранения.

[312] Russian Direct Investment Fund and Mubadala establish co-investment fund. – URL: https://www.mubadala.com/en/news/russian-direct-investment-fund-and-mubadala-establish-co-investment-fund (Дата обращения: 10.01.2026).

[313] Mubadala, Russian Direct Investment Fund announce co-investment fund. – URL: https://www.wam.ae/en/article/hszr9b38-mubadala-russian-direct-investment-fund-announce (Дата обращения: 10.01.2026).

инвесторов стран Залива к платформенным моделям торговли и цифровым каналам сбыта[314].

Помимо рассмотренного на примере финансового сектора, ключевыми направлениями сотрудничества с ОАЭ выделяют: логистику и реэкспорт, недвижимость, IT-стартапы, промышленное производство, транспорт и энергетику. В этом отмечается не только взаимный интерес к реализации новых проектов в сфере ИИ и инноваций, но и взаимное ожидание обеих сторон увеличения товарооборота до 15 млрд долл. США к 2030 году при сохранении текущих темпов роста двусторонней торговли и запуске новых инициатив.

Следующим немаловажным фактором подобного сотрудничества является фактическое использование ключевых субъектов ОАЭ (в частности, Дубая и Абу-Даби) в качестве ключевого транзитного и институционального узла для выхода российских компаний на рынки Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, что обусловлено сочетанием геоэкономического положения, развитой логистической инфраструктуры и гибкой регуляторной среды. Через морские порты (напр., Jebel Ali[315] или Khalifa Port[316]) и авиационные хабы

---

[314] RDIF says completes joint investment of $785m in AliExpress Russia alongside partners. – URL: https://www.reuters.com/article/business/rdif-says-completes-joint-investment-of-785-in-aliexpress-russia-alongside-par-idUSR4N2H1016/ (Дата обращения: 10.01.2026).

[315] Флагманский контейнерный порт DP World и ключевой узел торгово-логистического коридора Дубая. Отдельное конкурентное преимущество Jebel Ali — плотная связка с Jebel Ali Free Zone (JAFZA): близость свободной зоны к порту формирует «единый» цепочечный хаб (порт + СЭЗ), который DP World описывает как регионально уникальный по эффективности и значимый вкладчик в ВВП Дубая. См. подробнее: Jebel Ali Port — Ports & Terminals (UAE) — DP World. – URL: https://www.dpworld.com/en/uae/ports-and-terminals/jebel-ali-port (Дата обращения: 10.01.2026).

[316] Глубоководный порт AD Ports Group, позиционируемый как «ворота» Абу-Даби и многофункциональный глобальный логистический хаб, стратегически расположенный между Абу-Даби и Дубаем и официально открытый 12.12.2012. См. подробнее: Khalifa Port — Abu Dhabi Ports. – URL: https://www.adports.ae/ports-terminals/commercial-ports/khalifa-port/ (Дата обращения: 10.01.2026).

(напр., Dubai International Airport (DXB)[317], Al Maktoum (DWC)[318]) и СЭЗ формируются устойчивые цепочки поставок, связывающие РФ с рынками Индии, стран АСЕАН, Восточной Африки и Ближнего Востока в целом. То есть, роль ОАЭ как транзитного и цифрового хаба для российского бизнеса реализуется через сочетание юридических, логистических и цифровых финансовых механизмов, которые позволяют выстраивать торговые и инвестиционные цепочки вне традиционных маршрутов. Российские компании используют эмиратские свободные зоны и корпоративную инфраструктуру для регистрации торговых структур, эмиратские порты и авиационные узлы — для физического перемещения товаров, а цифровые платформы и финтех-решения — для управления поставками, платежами и торговым финансированием.

В практическом плане следует выделить следующую связку: управление экспортом/реэкспортом оформляются через дубайские структуры в свободных зонах — например, ресурс Reuters описывает кейс, когда у российской компании Лукойл была создана новая трейдинговая компания в Дубае (DMCC), получившая лицензию на торговлю нефтью и нефтепродуктами, и которая уже участвовала в отгрузках, включая грузы, загруженные в России.[319]

---

[317] Главный пассажирский авиаузел эмирата и один из самых «плотных» по международной связанности хабов мира. По данным Dubai Airports, в 2024 году DXB принял 92,3 млн пассажиров (рекорд для аэропорта), обработал 2,2 млн тонн грузов и обеспечил 440 300 взлётно-посадочных операций; также подчёркивается сеть из 272 направлений в 107 странах, обслуживаемая 106 международными авиакомпаниями. См. подробнее: DXB records highest annual traffic in 2024, celebrating a decade as the world's busiest international airport — Dubai Airports Media. – URL: https://media.dubaiairports.ae/dxb-records-highest-annual-traffic-in-2024-celebrating-a-decade-as-the-worlds-busiest-international-airport/ (Дата обращения: 10.01.2026).

[318] Второй аэропорт Дубая, который изначально развивался с сильным грузовым компонентом (грузовые операции стартовали раньше пассажирского терминала), а в корпоративных материалах Dubai Airports описывается как «аэропорт будущего» с наращиванием текущей пассажирской мощности до 26 млн. См. подробнее: DWC – Dubai World Central (Our Story) — Dubai Airports. – URL: https://dubaiairports.ae/corporate/our-story/dwc-dubai-world-central (Дата обращения: 10.01.2026).

[319] Russia's Lukoil sets up a new oil trading arm in Dubai, sources say — Reuters. – URL: https://www.reuters.com/business/energy/russias-lukoil-sets-up-new-oil-trading-arm-dubai-sources-say-2025-08-06/ (Дата обращения: 10.01.2026)

Далее логистика и финансирование торговли всё чаще соединяются цифровыми сервисами: DP World (оператор порта Jebel Ali и глобальный логистический игрок) развивает цифровую платформу Trade Finance, где финансовое решение опирается на логистические данные и прослеживаемость поставок — это снижает риск-профиль сделок и ускоряет доступ к финансированию для участников цепочки поставок[320]:

Таблица 22. Практические механизмы использования ОАЭ как торгово-цифрового хаба России

Механизм	Пример	Реализация
Рост двусторонней торговли через хаб	Использование ОАЭ как центра торговли и реэкспорта	Товарооборот РФ–ОАЭ около 9-10 млрд долл. в 2024 г.
Торговые трейдинговые структуры	Создание российскими компаниями трейдинговых подразделений в Дубае (DMCC)	Новые торговые компании, обслуживающие экспорт нефти и товаров из РФ
Портово-логистическая инфраструктура	Порт Jebel Ali как ключевой узел для маршрутов Азия–Африка–Евразия	Крупнейший порт региона; инвестиции DP World около $2,5 млрд в 2025 г.
Цифровая логистика и trade finance	Платформа DP World Trade Finance,	Мобилизация $1 млрд торгового финансирования для рынков EM

[320] DP World Trade Finance — Supply Chain & Finance Solutions — DP World (официальный сайт). – URL: https://www.dpworld.com/en/supply-chain-solutions/trade-finance (Дата обращения: 10.01.2026)

	привязанная к данным логистики	
Платформенная цифровая торговля	Инвестиция в AliExpress Russia	Приобретение 7,85 % доли консорциумом с участием ближневосточных фондов
Финансово-платёжная инфраструктура	Использование финтех-решений и альтернативных расчётных каналов в ОАЭ	Рост безналичных и платформенных расчётов для внешней торговли

[Источник: составлено автором на основе официальных материалов Министерства экономики ОАЭ, ТАСС, Reuters, DP World, WEF]

КСА же, в свою очередь, по праву занимает второе место среди партнеров Российской Федерации в странах ССАГПЗ по объему взаимодействия. Так, двусторонний товарооборот в 2024 г. достиг 3,5–4 млрд долл. США, причем рост за последние годы оценивался на уровне 60% ежегодно[321]. Российский экспорт в КСА состоит преимущественно из сельскохозяйственной продукции (напр., зерно и продовольствие), металлов, машин и химикатов, тогда как Саудовская Аравия поставляет в РФ нефтехимическую продукцию, алюминий и пластмассы. Помимо торговли, связь двух стран подкрепляется сотрудничеством в рамках нефтяного альянса ОПЕК+, играющего ключевую роль в стабилизации мирового нефтяного рынка. Более того, за последнее десятилетие Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) совместно с саудовским PIF запустили более 40

[321] Россия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива: новые горизонты торговли и инвестиций. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-i-sovet-sotrudnichestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-novye-gorizonty-torgovli-i-investiczij/ (Дата обращения: 11.01.2026).

совместных проектов – в сферах энергетики, инноваций, инфраструктуры, информационных технологий, нефтехимии и транспорта.

Наиболее яркими среди проектов в сфере IT и высоких технологий стоит выделить, во-первых, инвестиционно-проектные платформы РФПИ — PIF/Aramco, через которые финансируются и упаковываются технологические сделки, и, во-вторых, экспорт российских кибербез- и digital-решений на рынок КСА через партнерства с саудовскими провайдерами. Так, по данным WAM, на базе действующих соглашений и платформ РФПИ и PIF сформирован портфель: одобрено/профинансировано более 25 совместных проектов с суммарными инвестициями свыше 2,5 млрд долл. США, причем прямо указано, что среди отраслей — высокие технологии (включая ИИ), транспорт, промышленность и др.; отдельно упоминается российско-саудовская платформа для инвестиций в технологический сектор объемом 1 млрд долл. США[322]., а именно, - финансово-институциональный механизм, объявленный как отдельный инвестиционный трек, ориентированный на технологические, индустриальные и цифровые проекты. Так как платформа не является отдельным цифровым продуктом, ее механизм заключается в следующем: РФПИ формирует пул проектов в России (или с российским участием), а PIF или его аффилированные структуры входят в эти проекты в роли соинвестора, стратегического партнера или в роли будущего канала масштабирования в КСА. Тем самым, для РФ это имеет принципиально важное значение, так как предоставляет:

- доступ к долгосрочному ближневосточному капиталу;
- финансирование цифровых и технологических проектов вне западных рынков;
- снижение инвестиционных рисков;
- потенциальное масштабирование решений на рынок КСА.

[322] Russia finds potential investment cooperation among Russia, UAE, China and Saudi. — WAM. – URL: https://www.wam.ae/en/article/hszr9afb-russia-finds-potential-investment-cooperation (Дата обращения: 11.01.2026).

Для КСА стоит также выделить преимущества:

- диверсификация портфеля PIF;
- импорт технологических компетенций;
- поддержка Vision 2030 в части цифровизации и индустриального развития;
- снижение зависимости от западных технологий.

Публично подтверждённые кейсы включают проекты в сфере кибербезопасности (Group-IB × sirar by stc, Kaspersky в КСА) и платформенной цифровой торговли (AliExpress Russia), а также проектные направления по применению ИИ и цифровых технологий в рамках Vision 2030. Так, рассматривая первый проект с STC, стоит упомянуть их формат MSSP-партнерства[323], в рамках которого были реализована защита от цифровых рисков, управление кибер атаками, анализ кибер угроз и автоматизированное удаление фишинга и мошеннического контента. По данным Group-IB, в регионе MENA (Middle East and North Africa (Ближний Восток и Северная Африка)) в 2022 г. было скомпрометировано более 690 тыс. учётных записей, что стало одним из аргументов для масштабного внедрения решений в Саудовской Аравии.[324]

Касательно проекта с международной компанией Kaspersky, формат долгосрочного присутствия и партнерских контрактов на рынке КСА предполагает собой не только защиту критической инфраструктуры, но и

[323] Формат партнерства, в рамках которого компания передаёт внешнему провайдеру часть или всю операционную деятельность по кибербезопасности как услугу: мониторинг событий, управление средствами защиты, реагирование на инциденты, управление уязвимостями, расследования, иногда — управление DDoS-защитой, облачной безопасностью и т.п. Ключевой смысл партнёрства заключается в покупке непрерывного процесса: наблюдения 24/7, команды аналитиков/инженеров и измеримых показателей качества. Обычно это оформляется как совместное управление: провайдер закрывает мониторинг/первую линию и автоматизацию, а клиент оставляет утверждения/эскалации и критичные решения, либо полное управление, в ходе которого провайдер ведёт почти все вышеперечисленные факторы, а клиент отвечает за контроль, приёмку и бизнес-решения).

[324] MSSP Sirar by stc launches with Group-IB to strengthen cybersecurity services. – URL: https://www.group-ib.com/media-center/press-releases/mssp-sirar-by-stc/ (Дата обращения: 11.01.2026).

корпоративную кибербезопасность и решения для госсектора и энергетики с учетом адаптации решений под регуляторную базу Королевства и участие в национальной повестке киберустойчивости. Так, создание первого центра[325], региональной штаб-квартиры в столице[326], запуск услуги «Управляемое обнаружение и реагирование»[327] (Managed Detection and Response (MDR)) и партнерство с Kalaam Telecom[328] дополнительно документально подтверждают активное расширение компании на рынке КСА.

Следует учитывать, что значительная часть проектов, реализуемых в рамках двусторонних инвестиционных платформ с участием суверенных фондов относится к категории непубличных сделок. Как правило, такие проекты реализуются через специальные проектные компании, сопровождаются соглашениями о конфиденциальности и не подлежат раскрытию в корпоративной или статистической отчётности. В официальных сообщениях и аналитических материалах публикуются агрегированные данные — совокупный объём инвестиций, количество одобренных проектов и приоритетные направления, что соответствует международной практике функционирования суверенных фондов и не снижает аналитической значимости подобных инвестиционных механизмов для оценки структурных сдвигов и технологической кооперации. Однако, даже в условиях отсутствия полного публичного перечня проектов, наличие рассмотренных

---

[325] Kaspersky inaugurates its first Transparency Center in the Middle East region — Kaspersky. – URL: https://www.kaspersky.com/about/press-releases/kaspersky-inaugurates-its-first-transparency-center-in-the-middle-east-region (Дата обращения: 11.01.2026).

[326] Kaspersky receives Regional Headquarters License (RHQ) in Saudi Arabia — Kaspersky Middle East (me-en.kaspersky.com). – URL: https://me-en.kaspersky.com/about/press-releases/kaspersky-receives-regional-headquarters-license-rhq-in-saudi-arabia (Дата обращения: 11.01.2026).

[327] Kaspersky launches Managed Detection and Response service in Saudi Arabia through SCCC & Alibaba Cloud — Kaspersky Middle East (me-en.kaspersky.com). – URL: https://me-en.kaspersky.com/about/press-releases/kaspersky-launches-managed-detection-and-response-service-in-saudi-arabia-through-sccc-alibaba-cloud (Дата обращения: 11.01.2026).

[328] Kaspersky and Kalaam Telecom partner to strengthen cybersecurity in Saudi Arabia and Bahrain — Tech Africa News. – URL: https://techafricanews.com/2025/10/15/kaspersky-and-kalaam-telecom-partner-to-strengthen-cybersecurity-in-saudi-arabia-and-bahrain/ (Дата обращения: 11.01.2026).

технологических кейсов и официально заявленных направлений позволяет обоснованно говорить о действительной кооперации России и КСА в сфере высоких технологий и ИКТ.

Государство Катар играет особую роль в российско-арабских отношениях, делая акцент на инвестиционном сотрудничестве. Объём двусторонней торговли относительно двух вышерассмотренных государств пока невелик - в пределах 100–120 млн. долл. США в год, однако стратегическое партнёрство строится через совместные инвестиционные механизмы. Суверенный фонд Qatar Investment Authority (QIA) наряду с РФПИ создали инвестиционную платформу объёмом 2 млрд долл. США для финансирования проектов в приоритетных секторах – высоких технологиях, здравоохранении, горнодобывающей промышленности[329].

Данный механизм институционально также оформлен как двусторонняя платформа соинвестирования, ориентированная на финансирование проектов в приоритетные сектора экономики, включая высокие технологии, цифровую инфраструктуру, промышленность, транспорт и логистику, а также отдельные направления в сфере инновационных услуг. По подобию подобной платформы между РФ и КСА, для российской экономики значение данной платформы заключается, прежде всего, в расширении возможностей финансирования цифровых и высокотехнологичных проектов в условиях трансформации мировой финансовой архитектуры. Участие QIA обеспечивает проектам дополнительную институциональную устойчивость, снижает инвестиционные риски и повышает доверие со стороны других потенциальных инвесторов. Кроме того, платформа создаёт предпосылки для последующего масштабирования российских технологических решений на рынки Ближнего Востока и стран, где Катар обладает устойчивыми инвестиционными и

[329] Россия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива: новые горизонты торговли и инвестиций. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-i-sovet-sotrudnichestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-novye-gorizonty-torgovli-i-investiczij/ (Дата обращения: 12.01.2026).

деловыми позициями, что особенно важно для IT-компаний и разработчиков цифровых сервисов, ориентированных на международную экспансию. Инвестирование в проекты с технологической составляющей за пределами страны позволяет Катару не только получать финансовую отдачу, но и аккумулировать управленческий и технологический опыт, который может быть использован при развитии собственных цифровых экосистем, инфраструктурных проектов и сервисных рынков. В этом контексте платформа выступает каналом трансфера компетенций и элементом более широкой стратегии интеграции Катара в глобальные цепочки создания добавленной стоимости цифрового типа.

Этот альянс не только облегчает выход российских компаний на ближневосточные рынки, но и позволяет катарскому бизнесу расширить присутствие в России, формируя основу того же устойчивого долгосрочного партнёрства. Среди целевых направлений сотрудничества – кибербезопасность, финтех, логистика, инфраструктура, космические и геоинформационные технологии. Также ведутся переговоры по координации усилий на глобальном рынке СПГ, где два ведущих экспортёра газа – Россия и Катар – заинтересованы в кооперации вместо конкуренции, что может со временем повысить взаимную торговлю энергоресурсами до 1 млрд долл. США.

Торгово-экономические связи России с Государством Кувейт находятся на подъёме. Объём двусторонней торговли превысил 1,5 млрд долл. США, при этом обе стороны видят значительный потенциал роста. Кувейтский суверенный фонд (Kuwait Investment Authority, KIA) проявляет интерес к совместным инвестициям в российскую нефтехимию, участию в инфраструктурных фондах и логистических проектах. Интерес KIA к совместным инвестициям с Россией выражается, прежде всего, в ориентации на проекты в сфере нефтехимии, инфраструктуры и логистики, реализуемые через институциональные механизмы соинвестирования с участием Российского фонда прямых инвестиций. Для Кувейта данные направления

представляют собой возможность диверсификации инвестиционного портфеля за счёт вложений в активы с высокой добавленной стоимостью и долгосрочным потенциалом роста, а также участия в формирующихся евразийских транспортно-логистических цепочках. Особое значение при этом имеет цифровизация инфраструктурных и промышленных проектов, обеспечивающая повышение эффективности управления активами и устойчивости инвестиционных потоков.

Особенно расширяется промышленное сотрудничество – например, поставки российских удобрений, металлоизделий и машиностроительной продукции – в контексте реализации «Видения Кувейт 2035», рассмотренного ранее. По прогнозным оценкам, при благоприятной конъюнктуре товарооборот между РФ и Кувейтом может достичь 3 млрд долл. США к 2035 году за счёт сотрудничества в энергетике, нефтехимии и совместных проектах по переработке сырья. Помимо этого, новые возможности открываются в областях продовольственной безопасности, сельского хозяйства и логистики, что поможет снизить зависимость торговли от углеводородов, позволяя обеим странам все более углубиться в развитие информационной сферы. Инвестиции в промышленное оборудование и технологии, а также поступательное развитие рынка создают основу для устойчивого наращивания обменов.

Султанат Оман и Россия демонстрируют позитивную динамику экономического диалога, хотя абсолютные показатели торговли пока скромнее остальных стран - порядка 300–500 млн. долл. США в год. Однако уже сейчас намечен ряд нишевых областей для кооперации: горнодобывающие технологии, в рамках которых Россия может стать драйвером в развитии добычи полезных ископаемых Омана, модернизация рыбного хозяйства (правительство Султаната заинтересовано в российских технологиях аквакультуры, так как добыча и реализация рыбы является одним из ключевых направлений экономики страны), а также морская логистика – в частности,

использование оманского глубоководного порта Дукм[330] для интеграции в новые транспортные коридоры. Так, стратегическое положение Омана на побережье Аравийского моря позволяет ему стать важным звеном международного транспортного коридора «Север – Юг», соединяющего Россию, Иран, Индию и арабские страны.

Уже в 2024 г. отношения вошли в новую фазу – состоялся государственный визит султана Хейсама бин Тарика в Москву, подписан ряд соглашений о сотрудничестве в энергетике, логистике, сельском хозяйстве, туризме и цифровизации, благодаря чему российско-оманские отношения вышли на качественно новый уровень взаимодействия, отражая переход от эпизодических контактов к структурированному экономическому партнёрству. В официальных сообщениях подчёркивалось, что особое внимание уделяется развитию инфраструктурных и технологических проектов, способных обеспечить долгосрочный эффект для обеих экономик[331]. Одним из ключевых направлений практического сотрудничества выступает логистика и транспортная инфраструктура, прежде всего в контексте использования оманских портов как выхода России к рынкам Индийского океана, Южной Азии и Восточной Африки. В ходе визита была подтверждена заинтересованность сторон в развитии кооперации вокруг порта Дукм (Duqm) — одного из крупнейших логистических и индустриальных хабов Омана, развиваемого как многофункциональная зона с промышленной, портовой и цифровой составляющей. Российская сторона рассматривает данный хаб как перспективную точку для размещения логистических и индустриальных

---

[330] Опорный инфраструктурный проект Омана на побережье Аравийского моря (вне Ормузского пролива), который изначально проектировался как «индустриально-логистические ворота» для Special Economic Zone at Duqm (SEZAD). Являет собой не только региональный порт, но и транзитно-промышленный узел, забирающий на себя часть потоков в обход узких мест ПЗ и одновременно являющийся якорем инвестиционный проектов внутри упомянутой экономической зоны. См. подробнее: Logistics Solutions in Oman — Port of Duqm. – URL: https://portofduqm.om/logistics-solutions-in-oman/ (Дата обращения: 12.01.2026).

[331] Россия и Оман укрепляют стратегическое сотрудничество — TASS. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23727873 (Дата обращения: 12.01.2026).

проектов, в том числе с применением цифровых систем управления цепочками поставок, электронного документооборота и платформенных решений в сфере внешней торговли. Оман, в свою очередь, заинтересован в привлечении российских компаний и инвестиций для повышения загрузки порта и его интеграции в евразийские торговые маршруты[332].

Дополнительным направлением, прямо обозначенным в официальных заявлениях, является цифровизация экономических процессов и обмен технологическими компетенциями. Подписанные соглашения предусматривают развитие сотрудничества в сфере цифровых сервисов, электронного управления, “умной” логистики и цифровых решений для промышленности, что соответствует положениям национальной программы Омана Vision 2040, ориентированной на формирование экономики знаний и цифровой трансформации госсектора и бизнеса. Для России данные проекты представляют интерес как возможность масштабирования цифровых решений и IT-компетенций на рынок Ближнего Востока[333], а для Омана — как канал ускоренного внедрения цифровых технологий без избыточной зависимости от западных поставщиков, с опорой на диверсифицированное международное партнёрство[334].

Таким образом, в контексте взаимодействия с Оманом, опора последнего на «Видение Оман 2040» в сочетании с промышленно-технологическими возможностями РФ придаёт сотрудничеству стратегическую направленность. В дополнение к экономике, растёт взаимодействие в области безопасности и обороны, что усиливает политическое доверие и стимулирует инвестиции. Прогнозируется, что при реализации совместных проектов (в энергетике,

---

[332] Russia eyes Oman as a gateway to the region — AGSI (Analysis). – URL: https://agsi.org/analysis/russia-eyes-oman-as-a-gateway-to-the-region/ (Дата обращения: 12.01.2026).

[333] Россия и Оман договорились о расширении сотрудничества — Интерфакс. – URL: https://www.interfax.ru/world/1022096 (Дата обращения: 12.01.2026).

[334] . Joint Statement of Oman and Russia on occasion of His Majesty’s state visit to Russia — Ministry of Foreign Affairs (Oman). – URL: https://www.fm.gov.om/joint-statement-of-oman-and-russia-on-occasion-of-his-majestys-state-visit-to-russia/ (Дата обращения: 12.01.2026).

агроэкспорте, инфраструктуре портов) товарооборот России и Омана может достичь 1 млрд долл. США к 2030 году, а расширение двусторонней торговли между этими сторонами может быть достигнуто также за счет реализации промышленного оборудования, кооперации в цифровой экономике и роста туристического обмена (особенно на фоне отмены визового режима с Россией).

Экономические связи России с Королевством Бахрейн пока развиты слабее по сравнению с другими странами Залива. Объём торговли находится на уровне 10–15 млн. долл. США в год[335], то есть значительный потенциал остаётся не реализованным. Тем не менее стороны предпринимают шаги к наращиванию сотрудничества. Базой сотрудничества пока что остается СПГ, в рамках которого обсуждаются поставки российского сырья в страну. При этом, Бахрейн, обладая развитой финансовой системой и репутацией регионального банковского хаба, интересен для российских финтех-стартапов, которые ищут выход на рынок Залива. Кроме того, перспективными направлениями объявлены совместные предприятия в таких нетипичных секторах, как медицине и фармацевтике, обмен туристическими потоками и культурными инициативами. Финансово-регуляторная инфраструктура Бахрейна (например, передовое банковское регулирование) представляет ценность для российского опыта – облегчённый доступ на бахрейнский рынок может открыть возможности для российских компаний в сфере цифровых финансовых услуг. Для поступательного развития связи Россия и Бахрейн создали рабочие группы и ведут диалог об упрощении визового режима и заключении соглашений об избежании двойного налогообложения. Эксперты полагают, что при комплексном подходе (диверсификация секторов сотрудничества, усиление

[335] Россия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива: новые горизонты торговли и инвестиций. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-i-sovet-sotrudnichestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-novye-gorizonty-torgovli-i-investiczij/ (Дата обращения: 13.01.2026).

институциональных рамок, расширение транспортных связей) к 2040 году двусторонний товарооборот может приблизиться к 1 млрд долл. США.

В частности, внимание предлагается уделить совместным проектам в нефтегазохимии (включая перспективное направление «зелёного» водорода), агропромышленном комплексе (поставки российского зерна, создание предприятий по переработке продовольствия с использованием бахрейнских логистических мощностей) и интеграции транспортных систем (использование портов Бахрейна в маршрутах МТК «Север – Юг»).

Таким образом, Россия выстраивает дифференцированную, но взаимодополняющую систему экономических связей со всеми странами ССАГПЗ. Уровень вовлечённости варьируется от масштабных проектов с ОАЭ и Саудовской Аравией до начальных шагов с Бахрейном, однако прослеживается общая тенденция: акцент смещается в сторону долгосрочного институционализированного партнёрства. Регулярные визиты на высшем уровне. свидетельствуют о политической воле поддерживать экономический диалог на стратегической основе. Формируются новые механизмы – деловые советы, профильные форумы, совместные инвестиционные платформы – призванные вывести сотрудничество за рамки разовых сделок на системную траекторию.

Современные экономики России и стран Залива обладают значительной взаимодополняемостью в цифровой сфере. Стратегии цифровой трансформации государств ССАГПЗ коррелируют с российскими компетенциями в областях искусственного интеллекта, машинного обучения, финтеха, кибербезопасности, электронного правительства, развития «умных городов» и космических технологий с использованием ГЛОНАСС. Цифровизация дополнительно формирует новые точки роста практически во всех отраслях двустороннего взаимодействия. Для более четкого разделения необходимо провести анализ векторов развития в разрезе отдельных, наиболее приоритетных отраслей экономик как для РФ, так и для ССАПГЗ.

Так, энергетический комплекс традиционно лежит в основе отношений России с Персидским заливом. Сейчас перед сторонами стоит задача придать этому сотрудничеству инновационный характер. Возможности включают развитие «умных» нефтегазовых месторождений (использование больших данных и IoT для повышения эффективности добычи), совместные проекты в области зелёного водорода и возобновляемой энергетики, а также обмен технологиями для управления углеродным следом. Рассматривается сотрудничество в сфере мирного атома – госкорпорация «Росатом» участвует в диалоге о подключении к программам атомной энергетики на Ближнем Востоке. В нефтехимии возможны совместные инвестиции в производство полимеров и материалов нового поколения. Вызовы в энергетическом секторе связаны главным образом с волатильностью рынков и санкционными ограничениями для России, ввиду которых необходимо выстраивать устойчивые механизмы расчетов (напр., в национальных валютах или посредством цифровых валют) и страхования рисков для крупных сделок.

Цифровизация транспортных коридоров и логистики – одно из перспективнейших направлений партнерства. Развитие международного транспортного коридора «Север – Юг» (Россия – Каспий – Иран – Индия – Аравийское море) уже уменьшает время доставки грузов почти вдвое (с 40 до 20 дней) и снижает расходы на 20–30% по сравнению с путём через Суэцкий канал. Для стран Залива это открывает альтернативные маршруты торговли: саудовские и эмиратские экспортёры получают прямой сухопутно-морской выход на рынки России, Центральной Азии и Кавказа, снижая зависимость от перегруженных путей через Красное море, а цифровая интеграция портов (Джебель-Али, Фуджайра, Джидда, Дукм) с системой МТК «Север – Юг» позволит в режиме реального времени отслеживать перемещение товаров и оптимизировать цепочки поставок. Российские компании тяжелого машиностроения могут внести вклад в модернизацию портовой инфраструктуры и железнодорожного сообщения Залива. Практической возможностью является создание совместных мультимодальных

логистических хабов и использование цифровых платформ для управления грузопотоками (например, обмен данными о грузах и судах между портовыми системами РФ и ССАГПЗ). Вызовы включают необходимость унификации стандартов и процедур, а также защиту транспортных IT-систем от киберугроз.

Финансовый сектор – область, где цифровизация сразу приносит синергетический эффект. Страны Залива занимают лидирующие позиции в регионе по развитию финансовых технологий и безналичных платежей. Например, в ОАЭ запущена национальная система мгновенных платежей, развиваются крипто-инициативы при поддержке регулирующих органов. Россия, со своей стороны, внедряет цифровой рубль и строит Систему быстрых платежей (СБП). Сближение этих инициатив открывает путь к формированию “цифровых мостов” между платёжными инфраструктурами. Так, Центральный банк России и регулятор ОАЭ договорились о создании в течение года интегрированной системы быстрых платежей и расчётов с использованием цифрового рубля[336]. По словам первого заместителя председателя Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) Ольги Скоробогатовой, совместные усилия позволят обеспечить мгновенные и безопасные транзакции между странами при условии решения вопросов идентификации клиентов. Кроме того, обсуждается упрощение расчётов для туристов: в ОАЭ вводится новое платежное приложение G1, к которому Россия может подключиться для удобства платежей российских граждан за рубежом (переход на QR-коды и мобильные приложения вместо привычных карт)[337].

Вызовы в финансовой сфере связаны с разницей правовых режимов и санкционными ограничениями на банковские транзакции – требуется выработка обходных решений (включая использование финтех-платформ и

---

[336] Россия и ОАЭ готовы через год построить систему быстрых платежей — Lenta.ru Аналитика. – URL: https://l-b.ru/analitica/rossiya_i_oae_gotovy_cherez_god_postroit_sistemu_bystrykh_platezhey/ (Дата обращения: 13.01.2026).

[337] Российско-эмиратские экономические отношения продолжают укрепляться — TASS. – URL: https://tass.ru/ekonomika/25868245 (Дата обращения: 13.01.2026).

криптовалютных активов в дружественных юрисдикциях) при полном соблюдении международных норм по противодействию отмыванию средств.

Сотрудничество в области ИИ и высокотехнологичных отраслей заявлено как приоритетное как для России, так и для стран ССАГПЗ. Эмираты создали в 2017 г. первое в мире Министерство по делам ИИ, реализуют национальную стратегию ИИ до 2031 г., а в 2022 г. в Дубае открылся Центр передового опыта в области искусственного интеллекта для разработки арабских языковых моделей и систем киберзащиты[338]. Россия располагает сильной школой математического моделирования и собственным Центром развития искусственного интеллекта при Правительстве. Реализация обмена лучшими практиками стран начата в полной мере. Так, в декабре 2025 г. вице-премьер РФ Дмитрий Григоренко и министр ИИ ОАЭ Омар Бин Султан Аль Олама провели рабочую встречу, на которой отметили совпадение подходов двух стран – ставка делается на разработку суверенных ИИ-решений и их масштабирование. По словам Григоренко, активный обмен опытом внедрения ИИ «придаст ускорение обеим сторонам», укрепляя технологический суверенитет России и ОАЭ. Аль Олама в ответ подчеркнул, что в ряде прикладных аспектов Россия продвинулась в ИИ даже дальше некоторых западных стран, и Эмираты готовы активизировать взаимодействие в этой сфере.

Практические формы сотрудничества могут включать создание совместных технопарков и инкубаторов в области высоких технологий – эксперты предлагают открывать технопарки в ОАЭ, Саудовской Аравии и Бахрейне с интеграцией российских инженеров и стартапов в местные инновационные экосистемы. Кроме ИИ, перспективны направления космических исследований (совместные проекты дистанционного зондирования Земли, использование ГЛОНАСС и арабских спутниковых

[338] Григоренко: Россия и ОАЭ обменялись опытом в сфере внедрения ИИ — Российская газета. – URL: https://rg.ru/2025/12/05/grigorenko-rossiia-i-oae-obmenialis-opytom-v-sfere-vnedreniia-ii.html (Дата обращения: 13.01.2026).

систем) и биотехнологий (напр., разработка новых лекарств или агротехники с использованием геномики).

Среди наиболее ярких вызовов стоит выделить высокую конкуренцию со стороны глобальных техно-лидеров; успех потребует от России и стран GCC консолидации усилий и формирования совместных стандартов и платформ.

Рост цифровой экономики формирует новые форматы торговли, и Россия с странами Залива стремятся использовать их для расширения взаимного товарооборота. Цифровая торговля подразумевает не только обмен IT-продуктами и услугами онлайн, но и использование цифровых платформ для облегчения традиционной торговли. В этом направлении важно гармонизировать нормативные базы: создание совместных правил электронной коммерции, взаимное признание электронной подписи, сближение требований к защите данных и онлайн-платежам. Перспективным проектом является создание российско-арабской B2B-платформы для прямых контактов между предприятиями, интегрированной с платежными решениями. В рамках планируемого Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и ССАГПЗ особое внимание уделяется именно цифровой торговле и финтеху – предполагается гармонизация правил в этих сферах.

Уже сейчас Узбекистан и ОАЭ инициировали проект «Digital Economy BRIDGE», к которому может присоединиться Россия, – речь о обмене опытом по цифровым госуслугам и электронной коммерции. Вызовы цифровой торговли связаны с различиями в стандартах (например, в Заливе законы о персональных данных и облачных технологиях приняли лишь спустя несколько лет после старта цифровых программ, в то время как в России своя регуляторная специфика). Соответственно, требуется диалог для сближения позиций, а также совместная кибер-безопасная работа для защиты цифровых торговых площадок от кибератак.

Сельское хозяйство – сравнительно новая, но важная сфера сотрудничества России с государствами Залива. Страны ССАГПЗ зависят от

импорта продовольствия и видят в России одного из ключевых поставщиков продовольственной безопасности (на РФ приходится значительная доля ввоза зерна в регион). Цифровизация здесь проявляется в оптимизации агропромышленной логистики и отслеживании качества поставок. Возможны проекты по созданию зерновых хабов в портах Залива (Джебель-Али, Даммам) для хранения и распределения российской пшеницы, оснащённых цифровыми системами управления запасами. Также обсуждается организация цепочек поставок мяса и молочной продукции с использованием блокчейн-технологий для отслеживания происхождения (что важно для соблюдения халяль-сертификации продуктов).

В Саудовской Аравии и ОАЭ высок спрос на технологии «умного земледелия» и аквапоники – российские IT-решения в области мониторинга посевов, интеллектуального орошения и генетики растений могут найти применение. В свою очередь, страны GCC инвестируют в сельхозземли за рубежом; Россия могла бы привлечь эти инвестиции в свои аграрные проекты, гарантируя долгосрочные поставки продовольствия.

В данном секторе сотрудничество также сопряжено определенными вызовами, которые могут быть охарактеризованы требованиями Залива к качеству и халяльности продукции весьма строгие, поэтому российским экспортёрам необходимо адаптироваться к стандартам (включая сертификацию по нормам GCC) и конкуренцией со стороны других экспортеров (Европы, Америки); чтобы удержать долю на рынке, нужно повышать эффективность за счёт цифровизации (внедрять системы прослеживаемости, электронные торговые площадки для агропродукции и т.п.).

В целом, цифровая трансформация уже всесторонне усиливает внешнеторговый потенциал интеграционного блока ССАГПЗ , а её синергия с российской экономикой проявляется в появлении новых совместных проектов и форматов бизнеса. Однако реализация всех перечисленных возможностей сопряжена с преодолением ряда проблем – от инфраструктурных до

регуляторных. В цифровой сфере, как отмечают исследователи, сохраняется ряд барьеров, требующих пристального внимания правительств и усилий частного сектора[339]. В числе таких барьеров – несовершенство цифровой инфраструктуры в отдельных странах, дефицит квалифицированных IT-кадров, кибер-риски, а также необходимость доверия между партнёрами для обмена данными.

Тем не менее, потенциал цифровизации как инструмента углубления международного сотрудничества оценивается экспертами крайне высоко. Согласно докладам Всемирного банка, «цифровая трансформация в Персидском заливе – мощный двигатель экономической диверсификации», а по оценкам Всемирного экономического форума уровень цифровых навыков и готовности в странах GCC уже превышает средний по Ближнему Востоку, что усиливает их позиции в сфере экспорта цифровых услуг. Можно заключить, что опора на цифровой прогресс поможет России и странам Залива преодолеть традиционные ограничения и выйти на качественно новый уровень кооперации.

Развитие торгово-экономических связей между Россией и ССАГПЗ всё более опирается на институциональные механизмы – как двусторонние, так и многосторонние. Уже действует целый ряд соглашений, меморандумов и платформ, создающих «скелет» для наполнения сотрудничества конкретными проектами. Во-первых, исторически важную роль играет взаимодействие России с Персидским заливом через нефтяные альянсы. Соглашение ОПЕК+ (действует с 2016 г.) не только стабилизировало нефтяные рынки, но и значительно сблизило Россию с Саудовской Аравией и ОАЭ, заложив основы доверия для расширения диалога. Хотя это соглашение непосредственно не относится к «цифровым» аспектам, косвенно оно стимулировало обмен

[339] Адиля Рашидовна Бяшарова Цифровое развитие стран персидского залива и его влияние на международную экономику и торговлю: эмпирический анализ // Международная торговля и торговая политика. 2025. №1 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-razvitie-stran-persidskogo-zaliva-i-ego-vliyanie-na-mezhdunarodnuyu-ekonomiku-i-torgovlyu-empiricheskiy-analiz (дата обращения: 14.01.2026).

технологиями в нефтегазовой сфере (например, в области мониторинга добычи и прогнозирования цен с помощью цифровых платформ).

Во-вторых, оформлены стратегические партнерства и комиссии на двустороннем уровне. Россия заключила с ОАЭ Декларацию о стратегическом партнерстве (2018), действует Российско-эмиратская международная правовая комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. С Саудовской Аравией создан Российско-Саудовский экономический совет. Эти механизмы регулярно обсуждают и цифровую сферу – так, на Российско-саудовском инвестиционном форуме (Эр-Рияд, декабрь 2025) отмечалось, что «стабильность деловых связей позволяет выходить за рамки традиционного сотрудничества в энергетике и открывать новые горизонты в технологиях и инвестициях»[340]. Отражением служит рост числа совместных предприятий.

В-третьих, активизировался многосторонний диалог. С 2011 года функционирует формат «Россия – ССАГПЗ: стратегический диалог», рамки которого определены Меморандумом о взаимопонимании, подписанным в Абу-Даби[341]. В сентябре 2024 г. в Эр-Рияде прошёл уже 7-й совместный министерский диалог Россия–ССАГПЗ, на котором присутствовал министр иностранных дел РФ С. Лавров и главы МИД всех шести стран ССАГПЗ. Генеральный секретарь Совета сотрудничества Джасим Аль-Будейви подчеркнул, что страны Залива придают «исключительно высокое значение сотрудничеству с Российской Федерацией» и ускоряют реализацию Совместного плана действий на 2023–2027 гг., принятого на предыдущей встрече. Это означает, что заложены конкретные шаги по наращиванию взаимодействия в разных сферах – от торговли и инвестиций до культуры и,

---

[340]Saudi-Russian Investment Forum highlights mutual benefits and cooperation — Arab News. – URL: https://www.arabnews.com/node/2624609/business-economy (Дата обращения: 14.01.2026).

[341] السكرتارية العامة لمجلس التعاون لدول الخليج العربية تعلن عن مبادرات لتعزيز التعاون الاقتصادي والتنمية nachhaltigkeit [Генеральный секретариат Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива объявляет инициативы по укреплению экономического сотрудничества и развития]. – URL: https://www.gcc-sg.org/ar/MediaCenter/News/Pages/news2024-9-9-1.aspx (Дата обращения: 14.01.2026)

конечно, цифровой экономики. В упомянутый план, по сообщениям СМИ, включены пункты о сотрудничестве в кибербезопасности, развитии 5G/6G-сетей, обмене опытом цифровой трансформации госсектора и др.

Отдельно стоит отметить прорывную инициативу, находящуюся в стадии обсуждения – Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и ССАГПЗ, в рамках которых 27 июня 2023 года ЕАЭС и ОАЭ подписали бессрочное Соглашение об экономическом партнёрстве для укрепления торговли, инвестиций и сотрудничества. Остальные страны GCC также изучают формат такого соглашения. Оценки экспертов показывают, что полноформатная зона свободной торговли ЕАЭС–ССАГПЗ способна увеличить суммарный торговый оборот более чем втрое – с нынешних 15 до 40–50 млрд долл. США в течение десятилетия[342]. Помимо снижения тарифов и нетарифных барьеров, подобное соглашение принесёт гармонизацию регуляторных норм: взаимное признание сертификатов (например, на фармацевтику и продукты питания), облегчение перемещения специалистов (инженеров, IT-кадров), углубление энергетического сотрудничества и унификацию правил цифровой торговли и финтеха.

Важно отметить, что институциональные рамки сотрудничества эволюционируют от разрозненных механизмов к комплексной архитектуре партнёрства. Сюда входят отраслевые соглашения (нефть/ОПЕК+, атом, космос), двусторонние форумы и комиссии, многосторонние платформы (диалог Россия–ССАГПЗ, перспективная ЗСТ ЕАЭС–GCC), а также инвестиционные и технологические альянсы. Цифровая составляющая пронизывает все уровни этой архитектуры – от включения пункта о цифровых мостах в протоколы до переговоров о едином цифровом пространстве торговли, что свидетельствует о взаимном понимании: без учёта факторов

[342] Россия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива: новые горизонты торговли и инвестиций. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-i-sovet-sotrudnichestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-novye-gorizonty-torgovli-i-investiczij/ (Дата обращения: 14.01.2026).

цифровой экономики в современных реалиях становится невозможным планировать рассматриваемое долгосрочное сотрудничество.

Исходя из проведённого анализа, Россия могла бы извлечь значительную пользу из адаптации ряда успешных цифровых решений и стратегий, реализованных в государствах ССАГПЗ, обобщая, по следующим аспектам:

- Внедрение лучших практик электронного правительства;
- Создание совместных технопарков;
- Развитие цифровой инфраструктуры по образу ССАГПЗ;
- Содействие развитию финтех-экосистем и платежных мостов;
- Продвижение двусторонних и многосторонних цифровых инициатив;
- Продолжение развития кадрового сотрудничества и обмена опытом.

В первую очередь, ввиду того, что страны GCC достигли доказанных передовых позиций в цифровизации государственных услуг, РФ может активизировать сотрудничество по линии профильных ведомств (Минцифры РФ – министерства цифрового развития ОАЭ, Саудовской Аравии) для того, чтобы перенять некоторый опыт оказания услуг населению через единые порталы, многофункциональные приложения и новейшие развитие сервисы. В частности, полезен опыт Дубая по переходу к безбумажному правительству, в сравнении с которым аналогичный курс на максимальную цифровизацию документооборота и интеграцию баз данных ведомств целесообразно ускорить в России на базе государственного портала «Госуслуги».

Во-вторых, как было отмечено ранее, интеграция российских IT-специалистов и стартапов в экосистемы Залива может быть обоюдно выгодной. В этом ключе возможно рассмотреть рекомендацию к инициированию создания технологических хабов на базе существующих инновационных кластеров (например, Dubai Internet City, Riyadh Digital City) с участием российских компаний с арабскими партнерами. Это может включать

открытия представительств Сколково или ИТ-парков РФ в ОАЭ, а также приглашение эмиратских/саудовских инкубаторов в особые экономические зоны России. Совместные R&D-центры по приоритетным направлениям (ИИ, энергетические технологии, кибербезопасность) позволят объединить экспертизу и ускорить разработки.

В-третьих, так как Россия осуществляет последовательную цифровую трансформацию и улучшает свои показатели в индексе цифрового развития и ICT-индексах, однако по ряду ключевых параметров — включая инфраструктуру 5G, цифровую конкурентоспособность, зрелость цифровых государственных услуг и скорость внедрения сложных технологий — она отстаёт от стран Персидского залива. Так, международный World Digital Competitiveness Ranking 2025 показывает, что страны с высоко развитой цифровой экономикой (включая государства Персидского залива, такие как Саудовская Аравия, входящие в почти топ-10 рейтинга) удерживают более высокие позиции, чем Россия в глобальном разрезе, отражая более устойчивую способность к внедрению и использованию цифровых технологий для экономического и социального развития[343]. А по данным Международного союза электросвязи (далее – МСЭ), опубликованным в Индексе развития ИКТ за 2025 год, Россия набрала 92,3 балла из 100, что отражает рост показателя по сравнению с предыдущими годами. Однако в тех же источниках подчёркивается, что лидеры рейтинга — страны Персидского залива — показывают более высокие результаты в развитии государственных цифровых услуг, инфраструктуры и доступа[344].

Более того, развёртывание сетей 5G в России реально лишь на этапах пилотов и тестов, и вопрос коммерческой эксплуатации в широком масштабе

---

[343] World Digital Competitiveness Ranking — IMD World Competitiveness Center. – URL: https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/ (Дата обращения: 16.01.2026).

[344] Россия улучшает позиции в мировом рейтинге цифрового развития — Computerra. – URL: https://www.computerra.ru/318640/rossiya-uluchshaet-pozitsii-v-mirovom-rejtinge-tsifrovogo-razvitiya/ (Дата обращения: 16.01.2026).

остаётся нерешённым, в отличие от стран ССАГПЗ. В свою очередь по данным Международного валютного фонда (IMF), страны GCC (например, Саудовская Аравия и ОАЭ) демонстрируют высокую зрелость GovTech-инициатив, а их индексы цифрового правительства по некоторым параметрам достигают или превосходят средний уровень развитых экономик мира[345]. Хотя в России цифровые госуслуги развиты и продолжают расширяться, но они менее интегрированы и менее эффективны по глубине цифровых сервисов (например, по охвату населения и взаимодействию между платформами), чем в передовых странах Залива, где цифровые платформы становятся основой взаимодействия с государством и бизнесом:

Подобное обусловлено как структурными инвестиционными разрывами, так и различиями в стратегических приоритетах и ресурсной базе, что подтверждается международными исследованиями МСЭ и МВФ. В связи с этим, целесообразно перенять проактивный подход GCC: стимулировать опережающее строительство ЦОДов (центров обработки данных), развитие облачной инфраструктуры и телеком-сетей. Например, опыт Бахрейна, привлекшего крупнейшего облачного провайдера Amazon Web Services для создания регионального дата-центра, демонстрирует важность интеграции в глобальные облачные экосистемы. Россия могла бы через партнёрство с ОАЭ или Катаром разместить часть мощностей российских облачных сервисов в их технопарках (и наоборот) для повышения отказоустойчивости и скорости доступа.

В-четвертых, не менее важным в данном контексте является закрепление на политическом уровне договорённости о интеграции платёжных систем и цифровых валют. Рекомендуется заключить меморандум между Банком России и центральными банками стран GCC о сотрудничестве в сфере финтех и CBDC (цифровых валют центральных банков). Пилотный проект по взаимному приёму платежей через Систему быстрых платежей РФ и

[345] Saudi Arabia aims to boost digital economy growth — Arab News. – URL: https://www.arabnews.com/node/2595664/amp (Дата обращения: 16.01.2026).

аналогичные системы Залива станет практическим шагом, облегчающим жизнь бизнесу и туристам. Здесь полезно задействовать опыт ОАЭ, где регуляторы гибко вводят новые правила для крипто-активов и ICO[346]. В РФ же стоит продолжить формирование правовой базы для цифровых финансовых активов, учитывая модели регулирования ОАЭ и Бахрейна, который, например, одним из первых в регионе разработал комплексный специальный правовой режим для финтех-компаний[347].

В-пятых, Российской стороне следует активно поддерживать участие стран GCC в таких форматах, как БРИКС и ШОС, по линии цифровой экономики. Уже отмечается, что государства Залива становятся ключевыми участниками формирующегося многополярного экономического порядка, включая альтернативные цифровые платёжные системы и платформы совместных исследований. Рассматривается возможным инициировать в рамках ШОС отдельную рабочую группу «Россия–ССАГПЗ» по цифровым стандартам, кибербезопасности и электронным расчётам, что может дополнительно укрепить институциональную вовлечённость GCC в евразийские цифровые проекты и обеспечит согласование интересов.

---

[346] Адиля Рашидовна Бяшарова ЦИФРОВОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ ЭКОНОМИКУ И ТОРГОВЛЮ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ // Международная торговля и торговая политика. 2025. №1 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-razvitie-stran-persidskogo-zaliva-i-ego-vliyanie-na-mezhdunarodnuyu-ekonomiku-i-torgovlyu-empiricheskiy-analiz (дата обращения: 17.01.2026).

[347] Так называемый «Регуляторный сандбокс» был введен Центральным банком Бахрейна и представляет собой комплексный экспериментальный правовой режим, позволяющий финтех- и IT-компаниям тестировать инновационные цифровые финансовые продукты и сервисы в реальной рыночной среде при временном смягчении отдельных регуляторных требований и под прямым надзором регулятора. Запущенный одним из первых в регионе ССАГПЗ, сандбокс Бахрейна стал ключевым инструментом формирования национальной финтех-экосистемы, охватывающей цифровые платежи, блокчейн-решения и др. Его значение аключается в снижении барьеров входа на рынок, ускорении коммерциализации цифровых услуг и привлечении международных стартапов и инвестиций, что позволило Бахрейну, несмотря на ограниченный масштаб внутреннего рынка, занять позицию одного из региональных центров финтех-инноваций и встроиться в трансграничные цифровые цепочки создания добавленной стоимости в рамках ССАГПЗ.

Наконец, ввиду того, что странам GCC удалось частично компенсировать нехватку местных IT-кадров через привлечение зарубежных специалистов и обучение собственных граждан, для Российской Федерации актуален обмен образовательными программами в сфере ИКТ: возможно увеличение количества стипендий для студентов из GCC в российских технических вузах и, наоборот, направление большего количества российских студентов и госслужащих на стажировки в инновационные центры Дубая, Эр-Рияда и Дохи. Кроме того, полезно проведение регулярных форумов по цифровой трансформации (например, «Российско-арабский цифровой саммит»), где эксперты и бизнес двух сторон могли бы обмениваться лучшими практиками внедрения ИИ, big data, GovTech. Подобный диалог позволит обеспечить взаимное обогащение опытом и может стать дополнительным драйвером в предотвращении ошибок и анализе рисков при реализации национальных цифровых стратегий.

В конечном итоге, разработанные рекомендации призваны к тому, чтобы выразить позицию России выстраивать проактивную стратегию в отношениях со странами Залива, ставя цифровую повестку на одно из центральных мест. Это предполагает не только экспорт собственных технологий, но и импорт институциональных инноваций – от регуляторных подходов до моделей государственно-частного партнерства как адаптацию к текущему опыту с учетом реалий и позиции страны на мировой арене. Заимствование лучших цифровых практик будет способствовать повышению конкурентоспособности российской экономики и более эффективной интеграции в стремительно меняющуюся глобальную хозяйственную систему.

Перспективы сотрудничества России со странами ССАГПЗ в значительной степени будут зависеть от внешних условий и степени реализации рассмотренных возможностей. На основе всех ранее рассмотренных факторов были построены три прогнозных сценария (оптимистичный (ускоренный рост торгово-экономических связей), базовый (умеренный, но устойчивый рост) и ограниченный (минимальный рост,

близкий к стагнации)) динамики товарооборота между Россией и странами ССАГПЗ до 2035 года.

Для оценки перспектив развития был применен индексно-сценарный метод и интегральный базисный индекс динамики торгово-экономического взаимодействия с базовым годом. В качестве базового года принят 2024, значение интегрального показателя в котором приравнено к 100. Интегральный индекс формируется как взвешенная сумма частных индексов, отражающих ключевые направления цифрового развития: инфраструктуру связи, цифровое государство, финтех-экосистему, регуляторные режимы и платформенную торговлю. Весовая структура индекса задана с учетом международной практики IMF и WB и отражает мультипликативное влияние цифровых технологий на внешнеэкономическую деятельность. Для учета неопределенности применен в данном прогнозе сценарный подход, отличающийся степенью реализации цифрового потенциала, что позволило оценить относительную динамику торгово-экономического взаимодействия без апелляции к спекулятивным абсолютным прогнозам.

Общий индекс I_t рассчитывается как взвешенная сумма частных индексов (формула 1):

$$I_t = \sum_{i=1}^{n} w_i \cdot D_{i,t} \quad (1)$$

где:

I_t – интегральный индекс торгово-экономического сотрудничества в году t;

$D_{i,t}$ – частный индекс i-го цифрового фактора;

w_i – вес фактора ($\sum w_i = 1$).

Далее, за основу взяты пять ключевых факторов: Цифровая инфраструктура (5G, broadband), цифровое государство (GovTech, e-customs), финтех и платёжная инфраструктура, регуляторная среда (sandbox, open banking) и интеграция цифровых платформ в торговлю, где каждый фактор приводится к индексной форме (формула 2):

$$D_{i,t} = \frac{X_{i,t}}{X_{i,0}} \times 100 \ (2)$$

где:

$X_{i,0}$ – значение показателя в базовом году;

$X_{i,t}$ – значение в прогнозном году;

Весовые коэффициенты факторов цифровой трансформации заданы экспертно с опорой на международные аналитические рамки МВФ и Всемирного банка, используемые при построении интегральных показателей в условиях ограниченной сопоставимости статистических данных. Подобное распределение весов способно отразить относительную значимость инфраструктурных, институциональных и платформенных факторов для развития внешнеэкономической деятельности и соответствует международной практике формирования составных индексов:

Таблица 23. Распределение структуры весов факторов цифровой трансформации

[Источник: составлено автором]

Фактор	Вес $\boldsymbol{w_i}$	Обоснование
Цифровая инфраструктура (D_1)	0,25	Базовое условие функционирования всех остальных цифровых процессов
Цифровое государство (D_2)	0,20	Влияние на прямое снижение транзакционных издержек во внешней торговле
Финтех (D_3)	0,20	Критический канал для трансграничной торговли и цифровых услуг; особенно значим

		в условиях санкционных и платёжных ограничений
Регуляторный (D_4)	0,15	Фактор ускорения инноваций, но вторичный по отношению к инфраструктуре и платежам
Платформенный (D_5)	0,20	Канал масштабирования торговли и цифровых услуг, формирующий долгосрочный эффект

Также, в рамках прогнозирования товарооборота по трем сценариям, применяется коэффициент реализации цифрового потенциала (k_s) для каждого из них, представляя собой обобщённую форму учёта степени фактической реализации цифровых и институциональных предпосылок экономического роста и отражение доли реализованного цифрового потенциала по сравнению с его теоретически возможным уровнем при заданных институциональных, технологических и внешнеэкономических условиях (формула 3):

$$I_t^{(s)} = I_t \cdot k_s \quad (3)$$

где:

Оптимистичный сценарий (k_s= 1,15-1,25), соответствующий высокой реализации цифрового потенциала, при которой цифровая инфраструктура развивается ускоренными темпами, цифровые гос. сервисы и трансграничные электронные процедуры внедряются системно, а финансово-платежные и платформенные решения эффективно снижают транзакционные издержки во

внешней торговле. Обозначение подобного диапазона обусловлено отражением мультипликативного эффекта цифровизации, зафиксированного в международных исследованиях: цифровые реформы, как правило, усиливают экономическую динамику на 10–25 % по сравнению с инерционной траекторией за счёт снижения издержек, ускорения оборота капитала и расширения доступа к рынкам, в связи с чем он задан превышать базовую единицу.

Базовый сценарий (k_s= 1,05-1,10), отражающий умеренную реализацию цифрового потенциала, при которой: цифровые инициативы реализуются последовательно, но без резкого ускорения, сохраняются институциональные и внешние ограничения, а часть цифровых эффектов носит локальный или фрагментарный характер. Так, этот диапазон соответствует инерционно-реформистской модели, когда цифровизация обеспечивает положительный, но ограниченный эффект, усиливая динамику торговли на 5–10 % относительно базовой траектории. Выбранный подход соответствует практике среднесрочных прогнозов, в рамках которых цифровые реформы учитываются как фактор повышения эффективности, в формате источника скачкообразного роста.

Ограниченный сценарий (k_s= 1,00-1,02) в прогнозе применяется для моделирования условий низкой реализации цифрового потенциала, при которых: цифровая инфраструктура и платформенные решения развиваются достаточно медленно, регуляторные и внешнеэкономические барьеры сохраняются по модели текущих, а цифровые эффекты не масштабируются на всю систему торгово-экономических связей. Данный коэффициент призван отразить ситуацию, при которой цифровая трансформация не оказывает значимого дополнительного влияния на динамику сотрудничества, а рост определяется преимущественно традиционными факторами и зафиксировать практически нереализованный потенциал.

Применение коэффициентного подхода для рассматриваемых сценариев в расчете используется для учёта различий в глубине и скорости реализации

цифровых и институциональных преобразований и оправдано тем, что сами по себе цифровые эффекты имеют мультипликативный, а не линейный характер и проявляются поверх базовой экономической динамики, усиливая или не усиливая её.

Далее, для каждого фактора был задан среднегодовой темп изменения g_i (%) и рассчитан базисный индекс (формула 4):

$$D_{i,t} = 100 \times (1 + g_i)^{(t-2024)} \quad (4)$$

где:

$D_{i,t}$ – частный индекс i-го цифрового фактора;

g_i – параметр сценария;

2024 – базисный год (100).

Среднегодовые темпы изменения факторных индексов заданы в рамках базового сценария как параметры, отражающие различия в скорости трансформации отдельных элементов цифровой экономики. Более высокие значения темпов характерны для финтех-сектора (6%), govtech (5%) и цифровых платформ (5%), обладающих высокой масштабируемостью и сетевыми эффектами, тогда как для инфраструктурных (4%) и регуляторных факторов (2,5%) заданы более умеренные темпы, обусловленные их капиталоёмкостью и институциональной инерционностью.

Тем самым, итоговая диаграмма выглядит следующим образом, начиная с 2024 года, продолжая 2026, затем 2028,2030 и 2032:

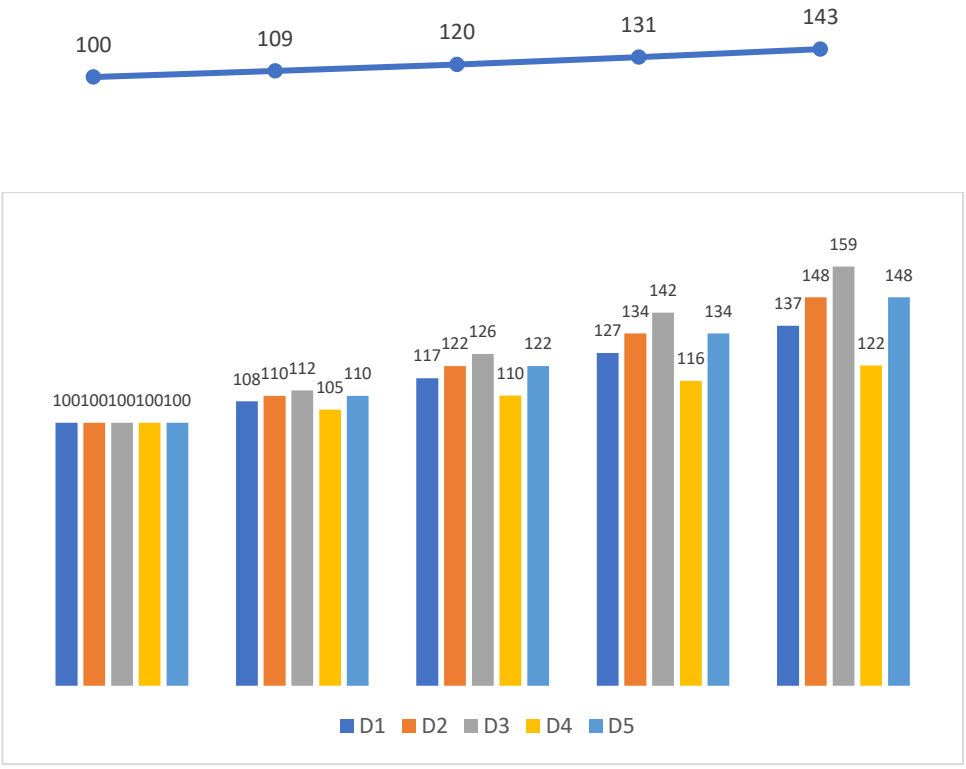

Рисунок 16. Сценарные оценки динамики торгово-экономического сотрудничества России со странами ССАГПЗ в условиях цифровой трансформации [Источник: составлено автором на основе сценарного анализа, материалов МВФ, Всемирного банка и национальных стратегий цифрового развития стран ССАГПЗ.]

Представленная итоговая таблица расчётов факторных индексов цифровой трансформации демонстрирует неоднородность темпов развития ключевых компонентов цифровой экономики, оказывающих влияние на торгово-экономическое сотрудничество России и стран ССАГПЗ. Уже на среднесрочном горизонте наблюдается расхождение траекторий отдельных факторов, что подтверждает упомянутую методологию их раздельного учёта в рамках интегрального индекса. Сформированные конечные значения индексов дополнительно демонстрируют собой подтверждение тезиса об асинхронном характере цифровой трансформации.

На базе материалов исследования, можно обобщенно выделить три теоретических сценария развития торговых отношений РФ-ССАГПЗ. Первый, оптимистичный, предполагает благоприятное стечение обстоятельств и

максимальную реализацию потенциала партнёрства. В данном сценарии уже в краткосрочной перспективе заключаются прорывные соглашения – прежде всего Соглашение о свободной торговле ЕАЭС–ССАГПЗ, охватывающее весь спектр товаров и услуг. Страны Залива активно инвестируют в российскую экономику, расширяется инфраструктура, происходит технологическая кооперация (созданы совместные AI-лаборатории, обмен данными для прогнозирования климатических рисков в энергетике и т.д.). Цифровая трансформация становится сквозной темой сотрудничества: регуляторы сближают нормативные базы, внедряются совместимые цифровые платформы в торговле, банковские системы интегрированы. Рост экономик стран GCC (прогноз МВФ – ~4,5% ежегодно в ближайшие годы) создает устойчивый спрос на российские товары и технологии. При таком развитии совокупный товарооборот России с ССАГПЗ демонстрирует взрывной рост – по оценкам, к 2030 г. он может превысить $30–35 млрд, а в течение следующего десятилетия достичь ~$50 млрд. Данный ориентир подтверждается экспертами: «в ближайшее десятилетие товарооборот может достичь $50 млрд благодаря полностью реализованной ЗСТ и усиленному коридору «Север – Юг». Качество взаимодействия также выходит на новый уровень – фактически формируется евразийско-ближневосточный экономический кластер с высокой взаимной привязанностью. В оптимистическом сценарии Россия и страны GCC становятся соавторами новых глобальных правил цифровой экономики (например, через совместные инициативы в ООН или G20 по регулированию ИИ), что укрепляет их влияние.

Второй, реалистичный, исходит из сохранения текущих тенденций при отсутствии крупных потрясений, в том числе, в геополитической сфере, но одновременно без прорывных достижений. Сотрудничество развивается поступательно: торговля растёт благодаря уже запущенным инициативам (увеличение поставок удобрений, расширение турпотока и авиационного сообщения). Цифровая интеграция происходит точечно – например, отдельные банки РФ и ОАЭ договариваются о прямых каналах обмена платежами,

создаются несколько совместных высокотехнологичных предприятий, но общей цифровой экосистемы пока не формируется. Инвестиции стран GCC в РФ продолжаются, но в основном в традиционные отрасли (энергетика, логистика); венчурные вложения в российский IT-сектор ограничены из-за санкционных рисков. Тем не менее, негативных шоков не происходит: страны Персидского залива удерживают стабильный рост ~4% ВВП в год, цены на энергоносители поддерживают их платёжеспособность, Россия адаптируется к санкциям и наращивает экспорт в дружественные страны. В этих условиях двусторонний товарооборот продолжит увеличиваться и может достичь порядка $25–30 млрд к началу 2030-х. Для сравнения, некоторые прогнозы, сделанные до недавнего скачка активности, оценивали потенциал торгового оборота в $15 млрд лишь к 2030 году, однако уже к 2025 г. этот уровень был достигнут. Базовый сценарий более оптимистичен исходя из новой реальности: возможно удвоение объёмов торговли за десятилетие. Основными рисками, при этом, будут являться: инерционность бюрократии и сохранение отдельных барьеров (например, визовых или логистических) мешают полностью раскрыть потенциал. Тем не менее, сотрудничество устойчиво и постепенно диверсифицируется. Цифровая трансформация играет вспомогательную роль – улучшаются коммуникации, появляются онлайн-платформы обмена, но они не становятся решающим фактором роста.

Третий, ограничительный, предусматривает возникновение серьезных препятствий, затормаживающих развитие партнерства, что может быть связанно с ухудшением внешнеполитической обстановки (эскалация геополитической напряжённости, новые санкционные волны, конфликты в регионе), либо с внутренними кризисами (например, резкое падение цен на нефть, вызывающее экономические трудности у стран GCC, или технологическая изоляция России). В данном случае многие инициативы остаются нереализованными. Страны Залива, опасаясь вторичных санкций, могут ограничить инвестиции в российские проекты высоких технологий; совместные цифровые проекты свёртываются. Торговля концентрируется на

нескольких базовых позициях (нефтепродукты, продовольствие), динамика обменов стагнирует. Возможен даже откат: например, снижение туризма из России в Залив из-за финансовых ограничений, сокращение кредитных линий банками GCC для расчётов с РФ и т.п. В этом сценарии двусторонний товарооборот в лучшем случае остаётся на уровне 2024–2025 гг. (~$15–20 млрд), а то и сокращается. Цифровая повестка отходит на задний план – каждая сторона занимается решением своих первоочередных проблем. Тем не менее, даже в ограничительном сценарии полное сворачивание отношений маловероятно, учитывая накопленный багаж (например, долгосрочные контракты на поставку СПГ в Оман или проекты РФПИ–PIF в Саудовской Аравии будут поддерживать минимальный уровень взаимодействия). Данный сценарий считается наименее желательным; его предотвращение во многом зависит от гибкости дипломатии и умения сторон нейтрализовать внешнее давление.

Заключение

В настоящем исследовании, исходя из поставленной цели и комплекса решаемых задач, обозначены и проанализированы основные направления развития рынков цифровых услуг в странах Персидского залива, отражающие накопленный опыт и современные тенденции: формирование институциональной базы цифровизации (национальные стратегии, программы и регулирование), диверсификацию и модернизацию экономики за счёт расширения цифровых услуг, углубление региональной кооперации и интеграции в глобальные цифровые рынки, а также трансформацию внешнеэкономической политики под влиянием цифровой экономики. Исследование охватило государства ССАГПЗ – Королевство Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты, Катар, Кувейт, Бахрейн и Оман – с учётом социально-экономической специфики каждой страны, их национальных приоритетов и ключевых проектов цифровой трансформации.

На основе всестороннего анализа получены следующие результаты, соответствующие логике диссертационной работы по главам.

В первой главе диссертации рассмотрены теоретико-методологические основы исследования цифровых услуг и факторов их развития. Проведённый анализ показал, что для всестороннего изучения рынка цифровых услуг необходимо использовать комплексный подход, синтезирующий различные теоретические концепции. Выявлено, что ни одна отдельная теория не обеспечивает полного объяснения динамики цифровых рынков. Оптимальным является сочетание нескольких подходов, учитывающее одновременно воздействие государственной политики на цифровизацию, рыночные механизмы и инновационные драйверы развития. Кроме того, в первой главе определены ключевые эндогенные и экзогенные факторы, влияющие на формирование рынка цифровых услуг. К внутренним факторам отнесены высокий уровень инвестиций в технологическую инфраструктуру, наличие стратегических программ цифровой трансформации, государственная поддержка и институциональные условия, уровень человеческого капитала и предпринимательской активности. Внешние факторы включают глобальные технологические тренды, приток иностранных инвестиций и технологий, конъюнктуру мировых рынков (особенно в энергетической сфере, напрямую влияющей на бюджеты стран региона), а также интеграционные процессы.

Научный анализ исторических этапов развития стран Персидского залива подтвердил, что переход от традиционной ресурсной модели к современной цифровой экономике опирается на сочетание перечисленных факторов. В рамках первой главы также раскрыта эволюция внешнеторговой политики стран Залива в условиях цифровизации: установлено, что традиционно ориентированная на экспорт нефти и сырьевых товаров внешнеэкономическая стратегия постепенно трансформируется. Страны ССАГПЗ начали включать в повестку вопросы цифровой торговли и электронных услуг, снижать барьеры для импорта технологий и оборудования ИКТ, заключать соглашения о сотрудничестве в сфере электронной

коммерции. Таким образом, в первой главе сформулирован вывод: успешное развитие рынка цифровых услуг в арабских странах базируется на комплексном воздействии внутренней экономической политики и внешнеэкономических связей, требуя целостной методологии исследования.

Во второй главе проведён анализ процессов цифровизации экономик стран Персидского залива, формирования современной структуры экономики под влиянием цифровых технологий, а также институциональных основ этих процессов. Исследование национальных программ и стратегий цифровой трансформации (таких как Saudi Vision 2030 в КСА, UAE Centennial 2071 и «Smart Dubai» в ОАЭ, Qatar National Vision 2030 и др.) показало, что государства региона выстроили разветвлённую институциональную основу для развития цифрового сектора. Созданы специализированные органы и регуляторы, ответственные за реализацию цифровой повестки (напр., администрации цифрового правительства, агентства по развитию искусственного интеллекта и данных), вносится внушительный объем инвестиций в инфраструктуру связи (широкополосный интернет, сети 5G), внедряются технологии электронного правительства и «умных городов». Подобные меры способствуют формированию условий для роста цифровых услуг и повышению эффективности традиционных отраслей. Показательно, что уже достигнуты определённые успехи: во многих странах Залива высокий уровень проникновения электронных госуслуг, реализуются масштабные проекты «smart city» (NEOM в Саудовской Аравии, Smart Dubai в ОАЭ и др.), стремительно развиваются финтех-сервисы и электронная коммерция. Одновременно выявлено, что цифровая трансформация в регионе носит неравномерный характер, а рынки цифровых услуг пока пребывают на стадии становления.

Несмотря на достигнутые успехи на начальных этапах, их дальнейшее развитие сдерживается рядом проблем и барьеров. В частности, установлено, что в странах ССАГПЗ сохраняется преобладание государственной инициативы и спроса в цифровой сфере при сравнительно низкой доле

частного технологического предпринимательства. Регуляторная среда остаётся фрагментированной: отсутствие единых стандартов и координации между различными ведомствами и странами региона осложняет создание единых цифровых рынков. Существенным ограничителем выступает дефицит квалифицированных национальных кадров в ИТ-секторе, что вынуждает привлекать иностранных специалистов и решения и приводит к технологической зависимости от внешних поставщиков. Структурные особенности экономики (сильная концентрация на нефтегазовом секторе) также замедляют рост сектора цифровых услуг, поскольку частный капитал традиционно направляется в добывающие и инфраструктурные проекты. Анализ этих факторов привел к заключению, что без их системного решения потенциал цифровой экономики используется не полностью.

Также, во второй главе обоснована необходимость активизировать участие частного сектора (через стимулирование стартапов, венчурного финансирования, более активное использование механизмов ГЧП), совершенствовать нормативно-правовую базу (гармонизировать стандарты и требования в цифровой сфере), наращивать инвестиции в образование и подготовку кадров в области ИТ. Преодоление обозначенных ограничений является ключевым условием для ускорения роста рынков цифровых услуг и достижения стратегических целей диверсификации экономики стран Персидского залива.

В третьей главе диссертации исследовано влияние процессов цифровизации на международные экономические позиции стран Персидского залива и проанализированы перспективы использования цифровой трансформации для углубления торгово-экономического сотрудничества между Россией и странами GCC. Установлено, что цифровизация становится новым системообразующим фактором международной экономической специализации государств региона. Переход к рассмотренной «нематериальной специализации» проявляется в том, что в структуре экспорта и внешней торговли усиливается роль цифровых услуг, технологий и знаний, а

не только физических товаров. Страны ССАГПЗ, исторически специализировавшиеся на экспорте углеводородов, благодаря цифровой трансформации получают возможность встроиться в глобальные цепочки создания добавленной стоимости в качестве поставщиков высокотехнологичных услуг и цифровых решений.

В работе показано, что формирование новых сравнительных преимуществ этих государств все больше определяется не природными ресурсами, а развитием цифровой инфраструктуры, человеческого капитала и институциональной среды. Создание современных телекоммуникационных сетей (включая 5G), центров обработки данных и облачных платформ, внедрение искусственного интеллекта, обеспечение кибербезопасности и продвижение электронного правительства – все это факторы, укрепляющие конкурентные позиции стран Персидского залива на мировой арене. Анализ процессов интеграции показал, что арабские государства активно развивают региональное сотрудничество в цифровой сфере (в рамках ССАГПЗ вырабатываются совместные инициативы по стандартизации данных, кибербезопасности, цифровой торговле), а также стремятся к участию в формировании глобальной цифровой повестки (через площадки ООН, G20 и др.). Таким образом, цифровая трансформация в рассматриваемых странах способствует структурному сдвигу в экономике и внешнеторговых связях: она стимулирует рост несырьевого сектора, расширяет участие арабских экономик в международном разделении труда за счёт новых высокотехнологичных сегментов, и тем самым создает предпосылки для более тесной интеграции этих государств в мировую экономическую систему. Вместе с тем подчёркнуто, что на текущем этапе эффект цифровизации на макроэкономическую диверсификацию носит ограниченный характер – доля высокотехнологичного экспорта и цифровых сервисов в ВВП ещё невелика. Для максимизации отдачи от цифровой экономики странам Залива предстоит продолжить реализацию стратегий, устраняя выявленные ограничения и неравномерности развития.

Отдельное внимание в третьей главе уделено анализу перспектив российско-арабского сотрудничества в условиях цифровой трансформации. Проведён сценарный прогноз динамики торгово-экономических связей России со странами ССАГПЗ до 2035 года с учётом степени реализации цифрового потенциала партнерства с применением индексно-сценарного метода. Разработаны три сценария – оптимистичный, базовый и ограничительный, отражающие различные траектории развития в зависимости от интенсивности цифровой кооперации и внешних условий. Оптимистический сценарий предполагает благоприятное стечение обстоятельств и максимальную реализацию цифрового потенциала сотрудничества. В его рамках уже в ближайшей перспективе достигаются прорывные договорённости, прежде всего подписание Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и ССАГПЗ, охватывающего товары и цифровые услуги. Активизируются взаимные инвестиции: страны Залива вкладывают капитал в российский технологический сектор, создаются совместные инновационные проекты (например, лаборатории по искусственному интеллекту, совместные программы по обмену данными в энергетике и климатических исследованиях). Происходит сближение нормативно-правовых баз и интеграция цифровых платформ – национальные системы электронных платежей и банковские сервисы становятся совместимыми, упрощается трансграничная электронная коммерция. Цифровизация превращается в сквозную тему двустороннего сотрудничества. Благодаря этому торгово-экономические связи выходят на новый уровень.

Более того, в данном сценарии Россия и арабские государства Персидского залива совместно вырабатывают новые подходы к глобальному регулированию цифровой экономики (например, через инициативы в рамках G20 или ООН по нормативам обращения данных и ИИ), что усиливает их международное влияние. Базовый сценарий исходит из сохранения текущих тенденций без существенных прорывов, но и без новых шоков. Сотрудничество развивается постепенно: двусторонняя торговля стабильно

растёт за счёт уже реализуемых инициатив (наращивание поставок отдельных товаров, увеличение туристического обмена, налаживание авиасообщения и т.д.). Цифровая интеграция носит точечный характер – появляются отдельные совместные высокотехнологичные проекты, устанавливаются прямые связи между некоторыми российскими и ближневосточными финансовыми организациями (например, банки РФ и ОАЭ договариваются о прямых каналах платежей), однако системной цифровой экосистемы между двумя сторонами не возникает. Инвестиции стран GCC в Россию продолжаются, но концентрируются преимущественно в традиционных отраслях (энергетика, инфраструктура), тогда как вложения в российские ИТ-стартапы ограничены санкционными рисками. Тем не менее, среднесрочные макроэкономические условия остаются благоприятными: экономики Залива продолжают рост, поддерживаемый высокими ценами на энергоносители, а Россия адаптируется к внешним ограничениям и переориентирует экспорт на дружественные рынки. Основными сдерживающими факторами остаются инерционность бюрократического аппарата и сохранение отдельных барьеров (логистических, визовых и др.), не позволяющих полностью реализовать имеющийся потенциал партнёрства. Цифровая трансформация в базовом сценарии играет вспомогательную роль – она улучшает коммуникации и частично облегчает сделки (появляются онлайн-платформы для взаимодействия бизнеса), но не становится решающим фактором ускорения роста торговли. Ограничительный сценарий моделирует воздействие серьезных препятствий, замедляющих и сокращающих сотрудничество (эскалация геополитической напряжённости, новые санкции, региональные конфликты, либо внутренние кризисы, такие как резкое падение цен на нефть или технологическая изоляция). В этой ситуации многие запланированные инициативы остаются нереализованными: опасаясь вторичных санкций, страны Залива сворачивают инвестиции в высокотехнологичные проекты в России, совместные цифровые проекты приостанавливаются. Структура торговли сужается до ограниченного набора базовых товаров (нефтепродукты, продовольствие и пр.), а её динамика близка

к стагнации или снижению. Возможен даже частичный откат взаимодействия (например, сокращение туристических поездок из России из-за финансовых ограничений, ограничение кредитных линий в расчетах).

В цифровая повестка отходит на задний план, поскольку каждая сторона вынуждена сосредоточиться на внутренних проблемах. Однако полный разрыв отношений маловероятен благодаря ранее накопленному багажу сотрудничества (долгосрочные контракты, действующие совместные фонды и проекты сохраняют минимальный уровень взаимодействия). Данный негативный сценарий признан наименее желательным, и его предотвращение во многом зависит от гибкости дипломатии и способности сторон нейтрализовать внешнее давление. Результаты сценарного анализа демонстрируют, что цифровая составляющая играет важную роль в развитии российско-арабских экономических отношений. Максимальное использование возможностей цифровой экономики и устранение институциональных барьеров способно вывести сотрудничество на качественно новый уровень, тогда как игнорирование цифровой повестки или усиление ограничений ведёт к стагнации. Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что цифровизация может стать одним из ключевых факторов, определяющих траекторию и динамику торгово-экономического партнёрства России со странами Персидского залива в предстоящее десятилетие.

Подводя итоги, диссертационное исследование позволило комплексно раскрыть специфику и перспективы развития рынков цифровых услуг в странах Персидского залива в контексте мировой экономики, а также выработать научно обоснованные выводы и рекомендации, имеющие значительную научную новизну, теоретическую и практическую значимость. Новизна работы состоит в том, что впервые в отечественной экономической науке проведён системный сравнительный анализ цифровой трансформации экономик стран ССАГПЗ, детально изучены институциональные механизмы формирования рынка цифровых услуг в регионе и их влияние на внешнеэкономическую специализацию этих государств. В отличие от

имеющихся отдельных исследований, в данной диссертации проблема диверсификации экономики стран Залива рассмотрена через призму развития цифровых услуг, что позволило выявить новые аспекты и взаимосвязи (например, влияние цифровых платформ на структуру экспорта, роль государственного цифрового суверенитета и др.). Теоретическая значимость работы заключается во вкладе в развитие научных представлений о цифровой экономике в развивающихся странах и о механизмах международной специализации в эпоху цифровизации. Полученные результаты дополняют и уточняют существующие теории мировой экономики, показывая трансформацию факторов конкурентоспособности (от преимущественно ресурсных к инфраструктурно-технологическим и человеческим) на примере богатых ресурсами стран. Практическая значимость исследования обусловлена тем, что выводы и предложения автора могут найти прямое применение в сфере внешнеэкономической политики и международного бизнеса. Материалы работы представляют интерес для государственных органов и специалистов, занимающихся выработкой стратегии цифровой трансформации и экономической диверсификации, как в арабских странах, так и в Российской Федерации. В частности, результаты исследования могут быть использованы российскими профильными ведомствами (Минэкономразвития, Минцифры, Минпромторг и др.) при подготовке двусторонних соглашений с странами ПЗ, развитии экспортной стратегии в области высокотехнологичных услуг, формировании мер поддержки российского бизнеса на ближневосточных рынках. Для деловых кругов (компаний ИТ-сектора, финансовых организаций, венчурных фондов) данная работа ценна оценкой конъюнктуры и рисков цифровых рынков GCC, что позволяет лучше ориентироваться в возможностях для инвестиций и сотрудничества. Кроме того, материалы диссертации могут быть применены в деятельности совместных российско-арабских рабочих групп и деловых советов при разработке инициатив по цифровой экономике, а также в учебном процессе – при чтении курсов по мировой экономике, цифровизации и международному

сотрудничеству (особенно по тематике экономик Персидского залива и российско-арабских отношений). Наконец, сделанные автором выводы могут послужить основой для разработки практических рекомендаций по оптимизации процессов цифровой трансформации и укреплению торгово-экономических связей между Россией и странами ПЗ.

В рамках исследования предложен ряд таких рекомендаций. В целях эффективного применения результатов на практике и развития международного экономического сотрудничества, особенно между Российской Федерацией и государствами Персидского залива, представляется целесообразным:

1) Активизировать заключение соглашений о свободной торговле и цифровом сотрудничестве между Россией/ЕАЭС и странами ССАГПЗ. Приоритетным шагом является достижение многостороннего соглашения о свободной торговле ЕАЭС–ССАГПЗ, включающего положения о электронной коммерции и обмене цифровыми услугами. Устранение тарифных и нетарифных барьеров в торговле ИКТ-товарами и сервисами, взаимное открытие рынков высокотехнологичной продукции и упрощение инвестиционного режима будут способствовать росту двустороннего товарооборота и созданию благоприятной среды для цифрового бизнеса.
2) Гармонизировать нормативно-правовую базу и стандарты цифровой экономики. Необходимо сближение регуляторных подходов России и арабских стран в сферах, связанных с цифровыми технологиями: защита персональных данных, электронная торговля, финтех, кибербезопасность, сертификация программных продуктов и др. Разработка совместимых требований и стандартов (например, признание электронных подписей и документов, взаимная сертификация IT-решений, согласованные правила трансграничного движения данных) устранит избыточные административные барьеры. Кроме того, важно обеспечить техническую совместимость

национальных цифровых платформ – интеграция платёжных систем, систем быстрых платежей и иных финтех-платформ облегчит осуществление транзакций между Россией и странами Залива, а совместимость стандартов электронного правительства ускорит обслуживание граждан и бизнеса в международных проектах.

3) Расширять взаимные инвестиции и создавать совместные инновационные проекты в цифровой сфере. Для усиления технологического партнёрства необходимо стимулировать вложения суверенных фондов и корпораций стран ССАГПЗ в российский сектор информационных технологий (например, путём поддержки венчурных фондов, ориентированных на IT-стартапы, участие ближневосточных инвесторов в капитале российских высокотехнологичных компаний). Со своей стороны, российским компаниям следует активнее выходить на цифровые рынки арабского мира, пользуясь растущим спросом на технологии в регионе и мерами государственной поддержки экспорта. Перспективными направлениями кооперации являются совместные R&D-центры и технологические альянсы: создание Российско-Арабских лабораторий по искусственному интеллекту, совместных центров компетенций в области кибербезопасности, финтех-хабов и платформ для обмена большими данными. Такие проекты позволят объединить сильные стороны (финансовые ресурсы и рынок со стороны GCC, инженерные школы и опыт разработки со стороны РФ) и генерировать инновационные продукты для глобального рынка.
4) Развивать механизмы государственно-частного партнёрства (ГЧП) в реализации цифровых инфраструктурных проектов. Учитывая положительный опыт стран Залива в привлечении частного капитала к созданию высокотехнологичной инфраструктуры (например, проекты «умных городов», развитие сетей связи, дата-центров), целесообразно расширять сотрудничество в формате ГЧП с участием

российских компаний и инвесторов. Российско-арабские консорциумы могли бы участвовать в крупных проектах цифровой инфраструктуры в регионе (системы «smart city», умный транспорт и логистика, энергосберегающие технологии, платформы электронного правительства). Это даст российскому бизнесу возможности закрепиться на перспективных рынках, а арабским партнёрам – привлечь компетенции и технологии. Кроме того, совместная реализация проектов на основе ГЧП снижает риски и повышает эффективность за счёт распределения опыта и инвестиций между сторонами.

5) Учреждать специализированные двусторонние рабочие группы и усиливать диалог по вопросам цифровой экономики. Для системной координации сотрудничества предлагается создать постоянный российско-арабский комитет (или несколько рабочих групп) по цифровому развитию и инновациям, объединяющий представителей профильных министерств, регуляторов, бизнес-структур и экспертного сообщества обеих сторон. Такой механизм позволит регулярно обмениваться опытом, мониторить реализацию совместных инициатив и вырабатывать согласованные рекомендации. В рамках диалога следует уделять внимание и совместному участию в выработке международных правил цифровой экономики: координация позиций на площадках глобального управления (ООН, G20, ВТО в части электронной коммерции) усилит голос России и арабских стран и обеспечит учет их интересов в формирующейся архитектуре цифрового пространства.

Реализация перечисленных рекомендаций, основанных на результатах диссертационного исследования, будет способствовать не только ускорению цифровой трансформации экономик стран Персидского залива, но и созданию новых возможностей для российско-арабского экономического партнёрства. Полученные научные результаты и выводы подтверждают, что активное

включение цифровой компоненты во внешнеэкономическую стратегию обеспечивает синергетический эффект: ускоряет диверсификацию и рост национальных экономик, повышает их конкурентоспособность на глобальном уровне и формирует устойчивую основу для долгосрочного сотрудничества между Россией и странами Персидского залива в условиях перехода к новой цифровой эпохе.

Список литературы

Законы и нормативные акты

1. Anti-Cyber Crime Law (Закон о борьбе с киберпреступностью, Саудовская Аравия) // WIPO Lex. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/14570 (дата обращения: 21.03.2025).

2. Dubai Digital Law No. 9 of 2022 (Закон Дубая № 9 от 2022 г. о цифровом регулировании) // Digital Dubai. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.digitaldubai.ae/standards-and-policies (дата обращения: 21.03.2025).

3. Electronic Transactions Law (Закон об электронных транзакциях, Саудовская Аравия). [Электронный ресурс]. – URL: https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/6f509360-2c39-4358-ae2a-a9a700f2ed16/2 (дата обращения: 21.03.2025).

4. Federal Decree-Law No. 45 of 2021 on Personal Data Protection (Федеральный декрет-закон № 45 от 2021 г. о защите персональных данных, ОАЭ) // DLA Piper Data Protection Laws of the World. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dlapiperdataprotection.com/?c=AE (дата обращения: 21.03.2025).

5. Federal Law No. 1 of 2006 on Electronic Commerce and Transactions (Федеральный закон № 1 от 2006 г. об электронной коммерции и транзакциях, ОАЭ) // UAE Ministry of Justice. [Электронный ресурс]. – URL: https://elaws.moj.gov.ae/UAE-MOJ_LC-En/00_COMMERCE/UAE-LC-En_2006-01-30_00001_Kait.html (дата обращения: 21.03.2025).

6. Law No. (26) of 2015 (Закон № 26 от 2015 г., Дубай). [Электронный ресурс]. – URL: https://dlp.dubai.gov.ae/Legislation%20Reference/2015/Law%20No.%20%2826%29%20of%202015.pdf (дата обращения: 26.11.2025).

7. Law No. 13 of 2016 on the Protection of Personal Data (Закон № 13 от 2016 г. о защите персональных данных, Катар) // Al Meezan Legal Portal.

[Электронный ресурс]. – URL: https://almeezan.qa/LawPage.aspx?id=7203&language=en (дата обращения: 21.03.2025).

8. Law No. 14 of 2014 on Combating Cybercrime (Закон № 14 от 2014 г. о борьбе с киберпреступностью, Катар) // Al Meezan Legal Portal. [Электронный ресурс]. – URL: https://almeezan.qa/LawPage.aspx?id=6293&language=en (дата обращения: 21.03.2025).

9. Law No. 16 of 2010 on E-Commerce and Transactions (Закон № 16 от 2010 г. об электронной коммерции и транзакциях, Катар) // Al Meezan Legal Portal. [Электронный ресурс]. – URL: https://almeezan.qa/LawPage.aspx?id=2678&language=en (дата обращения: 21.03.2025).

10. Law No. 20 of 2014 on Electronic Transactions (Закон № 20 от 2014 г. об электронных транзакциях, Кувейт) // Kuwait Direct Investment Promotion Authority (KDIPA). [Электронный ресурс]. – URL: https://kdipa.gov.kw/wp-content/uploads/2022/08/قانون-المعاملات-الإلكترونية-لسنة-2014-مترجم.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

11. Law No. 28 of 2002 on Electronic Transactions (Закон № 28 от 2002 г. об электронных транзакциях, Бахрейн) // Legislation & Legal Opinion Commission (Bahrain). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legalaffairs.gov.bh/Media/pdf/3864.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

12. Law No. 30 of 2018 Issuing the Personal Data Protection Law (Закон № 30 от 2018 г. о защите персональных данных, Бахрейн) // Legislation & Legal Opinion Commission (Bahrain). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legalaffairs.gov.bh/Media/pdf/PDPL2018.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

13. Law No. 60 of 2014 on Information Technology Crimes (Закон № 60 от 2014 г. о преступлениях в сфере информационных технологий, Бахрейн) //

Legislation & Legal Opinion Commission (Bahrain). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legalaffairs.gov.bh/Media/pdf/4362.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

14. Law No. 63 of 2015 on Combating Information Technology Crimes (Закон № 63 от 2015 г. о борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, Кувейт) // Lexis Middle East. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.lexismiddleeast.com/law/Kuwait/Law_63_2015 (дата обращения: 21.03.2025).

15. Royal Decree No. 12/2011 on Combating Cyber Crime (Королевский указ № 12/2011 о борьбе с киберпреступностью, Оман) // Royal Oman Police. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rop.gov.om/pdfs/cybercrime_law.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

16. Royal Decree No. 6/2022 Promulgating the Personal Data Protection Law (Королевский указ № 6/2022 о введении в действие Закона о защите персональных данных, Оман) // Ministry of Transport, Communications and Information Technology. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mtit.gov.om/sites/default/files/2022-02/PDPL%20English.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

17. Royal Decree No. 69/2008 Promulgating the Electronic Transactions Law (Королевский указ № 69/2008 о введении в действие Закона об электронных транзакциях, Оман) // Ministry of Higher Education, Research and Innovation. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.moheri.gov.om/userupload/Policy/Electronic%20Transactions%20Law.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

18. Saudi Data & AI Authority (SDAIA). Personal Data Protection Law (Закон о защите персональных данных). [Электронный ресурс]. – URL: https://sdaia.gov.sa/en/Research/Pages/DataProtection.aspx (дата обращения: 21.03.2025).

19. UAE Legislation. Federal Decree by Law No. (14) of 2023 Concerning the Modern Technology-Based Trade (download) [Электронный ресурс]. – URL:

https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/2150/download (дата обращения: 30.11.2025).

20. المملكة العربية البحرينية – هيئة المعلومات والحكومة الإلكترونية. Electronic Transactions & Signatures (reference to Decree No. 54 of 2018) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bahrain.bh/wps/portal/en/%21ut/p/z1/vZJLc4IwFIX_ChuXzL08InSpdVpsZ9TaIpKNE0LAVAgI0T5-fdFdF4rdNKvcmXMmOee7QGENVLGjzJmWlWJFN8d0uLGmBAP_HjGYLSY4nAe-Z3tjZ75wIPotsN5CxJfVdLScP0wsdC2gt_jxwhnhbf6LArvPvwIKtOYyhZhwN3GJk5gouGe6_jAzfeFZJrEIZtldZruEnNRc6VpvIU5UvRFqgCypDtrQW2HspMrTqhxgwrYNk0oahchlW5zbbAfYiO4qUkNXteTdLArBdVMpyQ3dMNUyfhYaTKVGK3PF9KERbV9G55zxSoXR6ddXKD1jj-CEse8Rer1pG-IuhXdRQGyIjlJ8QKiqpuw27_WPYAKEpz7Y3TbL9_2ejjqIldLiU8P63yi-CgV1GYZh6Ttf5m4ZfI9n5mNk_gC3n19x/ (дата обращения: 05.12.2025).

21. الهيئة العامة لتشجيع الاستثمار المباشر (الكويت). Law No. 20 of 2014 Concerning Electronic Transactions (English translation, PDF) [Электронный ресурс]. – URL: https://kdipa.gov.kw/wp-content/uploads/2022/08/%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B9%D8%A7%D9%85%D9%84%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%84%D9%83%D8%AA%D8%B1%D9%88%D9%86%D9%8A%D8%A9-20-%D9%84%D8%B3%D9%86%D8%A9-2014-%D9%85%D8%AA%D8%B1%D8%AC%D9%85-%D8%A8%D8%A7%D9%84%D9%84%D8%BA%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%86%D8%AC%D9%84%D9%8A%D8%B2%D9%8A%D8%A9.pdf (дата обращения: 26.11.2025).

22. الميزان – جمهورية قطر (Al Meezan). Decree Law No. 16 of 2010 Promulgating the Electronic Transactions and Commerce Law [Электронный

ресурс]. – URL: https://almeezan.qa/LawPage.aspx?id=2678&language=en (дата обращения: 02.12.2025).

23. دولة الكويت – البوابة الرسمية للحكومة الإلكترونية. Recent Legislations (reference to Law No. 20 of 2014) [Электронный ресурс]. – URL: https://e.gov.kw/sites/kgoenglish/Pages/Business/TopicLawRegulations/RecentLegislationsar.aspx (дата обращения: 27.11.2025).

24. سلطنة عمان – مرسوم (Decree.om). Royal Decree 39/2025 Issuing the Electronic Transactions Law [Электронный ресурс]. – URL: https://decree.om/2025/rd20250039/ (дата обращения: 07.12.2025).

25. هيئة الخبراء بمجلس الوزراء (المملكة العربية السعودية). نظام التجارة الإلكترونية – مرسوم ملكي رقم (م/126) (ملف PDF) [Электронный ресурс]. – URL: https://laws.boe.gov.sa/Files/Download/?attId=be4eef55-50be-44e3-b94d-adbb011b5736 (дата обращения: 01.12.2025).

26. هيئة تنظيم الاتصالات (قطر). Electronic Commerce and Transactions Law No. 16 of 2010 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cra.gov.qa/en/document/electronic-commerce-and-transactions-law-no-16--of-2010 (дата обращения: 03.12.2025).

27. وزارة الاقتصاد (الإمارات العربية المتحدة). Federal Decree-Law No. 14 of 2023 on Trading by Modern Technological Means (PDF) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.moet.gov.ae/documents/20121/0/Federal%2BDecree-Law%2BNo.%2B14%2Bof%2B2023%2Bon%2BTrading%2Bby%2BModern%2BTechnological%2BMeans.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

28. وزارة العدل والشؤون الإسلامية والأوقاف (البحرين) / وزارة الشؤون القانونية. مرسوم بقانون رقم (54) لسنة 2018 بإصدار قانون الاتصالات والمعاملات الإلكترونية (PDF) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mola.gov.bh/MediaManager/Media/Documents/Laws/Batch3/L5418.pdf (дата обращения: 03.12.2025).

29. وزارة النقل والاتصالات وتقنية المعلومات (سلطنة عمان). قانون المعاملات الإلكترونية – المرسوم السلطاني رقم 2025/39 (صفحة رسمية) [Электронный ресурс]. – URL:

https://mtcit.gov.om/library-3/legislations-policies-8/laws-75/electronic-transactions-law-1031 (дата обращения: 06.12.2025).

30. قانون رقم (30) لسنة 2018 بشأن حماية البيانات الشخصية (Закон № 30 от 2018 г. о защите персональных данных). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legalaffairs.gov.bh/PDF/Home/p12018.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

Официальные публикации и доклады

31. . Digital Economy Strategy (Стратегия цифровой экономики ОАЭ). [Электронный ресурс]. – URL: https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/finance-and-economy/digital-economy-strategy (дата обращения: 01.10.2024).

32. Arab Vision for Digital Economy. Arab Economic Unity Council, League of Arab States. Printed in Cairo, Egypt. – 2020. – 98 p.

33. Bahrain Economic Vision 2030 (Экономическое видение Бахрейна – 2030). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bahrain.bh/wps/wcm/connect/cc20ef28-552d-44b5-8af5-95566fdbe9f9/Vision%2B2030%2BEnglish%2B%28low%2Bresolution%29.pdf?MOD=AJPERES&CVID=kTtAKxR (дата обращения: 01.10.2024)

34. Central Bank of the UAE. Digital Dirham (short report) [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.centralbank.ae/media/lczb23l4/cbdc-short-report_july.pdf (дата обращения: 27.11.2025).

35. E-Government for the People. E-Government Survey 2012. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. New York. – 2012. – 155 p.

36. E-Government Survey 2024. Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. New York. – 2024. – 205 p.

37. GCC Secretariat General. (2022). The GCC Digital Economy Outlook: Strategies and Challenges. Riyadh: GCC Secretariat.

38. Global Economic Diversification Index 2023. Commodity producers' Economic Diversification. MBRSG & World Government Summit. – 2023. – 92 p.

39. Information & eGovernment Authority (Kingdom of Bahrain). Annual Statistical Report 2024 (Ежегодный статистический отчет 2024). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iga.gov.bh/Media/Reports/Annual_Stat_Report_2024_EN.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

40. Information & eGovernment Authority (Kingdom of Bahrain). Cloud First Policy (Политика «Cloud First»). – 2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iga.gov.bh/Media/Pdf/CloudFirstPolicy_EN.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

41. Information & eGovernment Authority (Kingdom of Bahrain). Digital Government Strategy 2022–2026 (Стратегия цифрового правительства 2022–2026). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iga.gov.bh/Media/Pdf/Strategy/Digital_Gov_Strategy_2022-2026_EN.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

42. International Monetary Fund (IMF). Digital Economy and Structural Reforms: Qatar 2023 (Цифровая экономика и структурные реформы: Катар, 2023) // IMF Working Paper. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/04/10/Digital-Economy-and-Structural-Reforms-Qatar-2023-518993 (дата обращения: 11.10.2024).

43. International Monetary Fund (IMF). Digital Transformation in the Gulf Cooperation Council Economies (Цифровая трансформация в экономиках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2025/04/01/Digital-Transformation-in-the-Gulf-Cooperation-Council-Economies-557187 (дата обращения: 12.03.2025).

44. International Monetary Fund (IMF). Qatar — 2023 Article IV Consultation; Press Release, Staff Report, and Statement by the Executive Director

(Консультации по статье IV по Катару за 2023 г.). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/06/09/Qatar-2023-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-the-525486 (дата обращения: 11.10.2024).

45. International Telecommunication Union (ITU). (2023). Digital Trends in the Arab States: Insights from GCC Economies. Geneva: ITU.

46. International Trade Administration (U.S.). Qatar – Digital Economy [Электронный ресурс] // Country Commercial Guide 2023. – URL: https://www.trade.gov/country-commercial-guides/qatar-digital-economy (дата обращения: 18.04.2025).

47. Kingdom of Bahrain Official Portal. البحرين 2030: مستقبل ركائز إرساء البحرين: للجميع والعدالة والتنافسية الاستدامة (Бахрейн 2030: устойчивость, конкурентоспособность и справедливость для всех). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bahrain.bh/wps/portal/ar/ (дата обращения: 08.06.2025).

48. Kingdom of Bahrain. The Economic Vision 2030 for Bahrain (Экономическое видение Бахрейна – 2030). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.moh.gov.bh/Content/Files/Vision_2030.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

49. Kingdom of Saudi Arabia. Vision 2030. National Transformation Program Annual Report 2022 (Годовой отчет Национальной программы трансформации – 2022). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vision2030.gov.sa/media/gujmov05/2022-ntp-annual-report.pdf (дата обращения: 26.04.2025).

50. KPMG. (2023). Smart Cities and AI in GCC: Opportunities for Growth. KPMG Insights Report.

51. Kuwait Vision 2035 «New Kuwait» (Видение Кувейта – 2035 «Новый Кувейт»). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.gov.kw/en/pages/kuwait-vision-2035 (дата обращения: 01.10.2024).

52. Ministry of Economy & Tourism (United Arab Emirates). UAE reiterates support for GCC's joint efforts to enhance intra-trade prospects, facilitate investment flows & establish unified legislative framework for e-commerce (ОАЭ подтверждают поддержку совместных усилий стран ССАГПЗ по развитию взаимной торговли, привлечению инвестиций и формированию единой законодательной базы в сфере электронной коммерции). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.moet.gov.ae/en/-/uae-reiterates-support-for-gcc-s-joint-efforts-to-enhance-intra-trade-prospects-facilitate-investment-flows-establish-unified-legislative-framework-for-e-commerce (дата обращения: 04.05.2025).

53. Ministry of Transport and Communications (Qatar). E-Government (Электронное правительство). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.motc.gov.qa/en/programs/e-government (дата обращения: 11.10.2024).

54. Ministry of Transport and Communications (Qatar). ICT Report 2024 (Отчет по сектору ИКТ – 2024). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.motc.gov.qa/sites/default/files/ict_report_2024.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

55. Ministry of Transport, Communications and Information (Sultanate of Oman). Digital Transformation (Цифровая трансформация). [Электронный ресурс]. – URL: https://oman.om/en/home-top-level/whole-of-government/egovernment/digital-transformation-program (дата обращения: 01.10.2024).

56. OECD. OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 1): Embracing the Technology Frontier. Paris: OECD Publishing, 2024.

57. Official Portal of the UAE Government. UAE Centennial 2071 — Innovation and Future Shaping (Стратегия «ОАЭ – 2071»: инновации и формирование будущего). [Электронный ресурс]. – URL: https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/uae-centennial-2071 (дата обращения: 20.10.2024).

58. Oman Vision 2040 (Видение Омана – 2040). [Электронный ресурс]. – URL: https://mem.gov.om/en-us/About-Us/Oman-Vision-2040 (дата обращения: 01.10.2024).

59. Planning and Statistics Authority (Qatar). Qatar National Development Strategy 2018–2022 — Overview (Обзор Национальной стратегии развития Катара 2018–2022 гг.). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.psa.gov.qa/en/nds1/Pages/Overview.aspx (дата обращения: 11.10.2024).

60. Planning and Statistics Authority (Qatar). Qatar National Vision 2030 Report (Отчет по реализации Видения Катара – 2030). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.psa.gov.qa/en/statistics/Statistical%20Releases/General/QNV/QNV2024_Report.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

61. Planning and Statistics Authority (Qatar). Statistics of Education in Qatar (Статистика образования в Катаре). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.psa.gov.qa/en/statistics1/Statistics%20of%20Education%20in%20Qatar.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

62. PwC Middle East. (2021). Energizing the Gulf Digital Economy. PwC Report.

63. Regional economic outlook. Middle East and Central Asia : an uneven recovery amid high uncertainty. Other titles: Middle East and Central Asia : an uneven recovery amid high uncertainty. International Monetary Fund. – 2024. – 52 p.

64. Saudi Arabia Vision 2030. (2022). Annual Report on Digital Initiatives. Riyadh: Ministry of Economy.

65. Saudi Data & Artificial Intelligence Authority (SDAIA). National Strategy for Data and Artificial Intelligence (NSDAI) [Электронный ресурс]. – URL: https://sdaia.gov.sa/en/SDAIA/SdaiaStrategies/Documents/NSDAI.pdf (дата обращения: 03.12.2025).

66. Saudi Press Agency (SPA) — Саудовское агентство прессы (государственное новостное агентство Королевства Саудовская Аравия). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.spa.gov.sa/

67. Saudi Vision 2030 (Видение Саудовской Аравии – 2030). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vision2030.gov.sa/en (дата обращения: 01.10.2024).

68. The Arab Digital Economy Index in GCC Countries, 2022 (Индекс арабской цифровой экономики в странах ССАГПЗ, 2022). Weekly Summary 207. – 30.06.2022. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gccstat.org/media/com_form2content/documents/c21/a583/f115/%20الأسبوعي-207%20مؤشر%20الاقتصاد%20الرقمي%20العربي%20لدول%20لس مج%20التعاون%202022م.pdf (дата обращения: 01.10.2024).

69. The Information & eGovernment Authority’s Strategy (Стратегия Управления информации и электронного правительства Бахрейна). [Электронный ресурс]. – URL: https://bahrain.bh/wps/portal/en/BNP/HomeNationalPortal/ (дата обращения: 01.10.2024).

70. The Official Platform of the UAE Government. AI resources (UAE National Strategy for Artificial Intelligence) [Электронный ресурс]. – URL: https://u.ae/en/about-the-uae/digital-uae/digital-technology/artificial-intelligence/ai-resources (дата обращения: 05.12.2025).

71. The Qatar National Vision 2030 (Национальное видение Катара – 2030). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gco.gov.qa/en/about-qatar/national-vision2030/ (дата обращения: 01.10.2024).

72. The Saudi Data & AI Authority (Государственное агентство данных и искусственного интеллекта Саудовской Аравии). [Электронный ресурс]. – URL: https://sdaia.gov.sa (дата обращения: 22.02.2024).

73. UAE Ministry of Economy. UAE reiterates support for GCC’s joint efforts to enhance intra-trade prospects... establish unified legislative framework for

e-commerce [Электронный ресурс]. – Press release, 01.05.2024. – URL: https://www.moec.gov.ae/en/-/uae-reiterates-support-for-gcc-s-joint-efforts-e-commerce (дата обращения: 20.04.2025).

74. UAE National Innovation Strategy (Национальная инновационная стратегия ОАЭ). Prime Minister's Office at the UAE Ministry of Cabinet Affairs. – 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-untill-2021/national-innovation-strategy (дата обращения: 01.10.2024).

75. UNCTAD. (2024). Digital Economy Report 2024. New York: United Nations Conference on Trade and Development.

76. United Nations Conference on Trade and Development. Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

77. United Nations. E-Government Survey 2024 (Обзор электронного правительства 2024). [Электронный ресурс]. – URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/United-Nations-E-Government-Survey-2024 (дата обращения: 08.06.2025).

78. United Nations. Global Digital Compact [Электронный ресурс] // Summit of the Future. – 2024. – URL: https://www.un.org/en/summit-of-the-future/global-digital-compact (дата обращения: 27.11.2025).

79. United Nations. Pact for the Future (including Global Digital Compact) [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://unsdg.un.org/sites/default/files/2025-03/sotf-pact_for_the_future_adopted.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

80. University of Bahrain. Cloud Innovation Center (Центр облачных инноваций). [Электронный ресурс]. – URL: https://cic.uob.edu.bh/ (дата обращения: 08.06.2025).

81. World Bank DataBank. ICT goods imports and exports (% of total trade) [Электронный ресурс]. – 2021. – URL:

https://data.worldbank.org/indicator/TM.VAL.ICTG.ZS.UN (дата обращения: 20.04.2025).

82. World Bank. (2023). Digital Progress and Trends Report. Washington, DC: World Bank.

83. World Bank. Country Engagement Framework for the State of Kuwait 2021–2025 (Стратегия взаимодействия Всемирного банка с Государством Кувейт на 2021–2025 гг.). [Электронный ресурс]. – URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/06a7eba0bc51a01f8b1e4ba80be0bcdf-0280012021/original/KuwaitCEF-2021-2025-Final-English.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

84. World Bank. Digital Trade for Development [Электронный ресурс]. – URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/83372f16-564f-4af9-9e2d-89bb5290cb6c/content (дата обращения: 06.12.2025).

85. World Bank. Gulf Economic Update: Navigating Digital Transformation. Washington, DC, 2024.

86. World Bank. ICT goods exports (% of total goods exports): metadata glossary (TX.VAL.ICTG.ZS.UN) [Электронный ресурс]. – URL: https://databank.worldbank.org/metadataglossary/world-development-indicators/series/TX.VAL.ICTG.ZS.UN (дата обращения: 26.11.2025).

87. World Bank. ICT service exports (% of service exports, BoP): metadata glossary (BX.GSR.CCIS.ZS) [Электронный ресурс]. – URL: https://databank.worldbank.org/metadataglossary/world-development-indicators/series/BX.GSR.CCIS.ZS (дата обращения: 07.12.2025).

88. World Economic Forum. (2022). The Eight Digital Trends Defining The GCC’s Future. Geneva: WEF.

89. World Economic Forum. Global Competitiveness Report. Geneva, 2023.

90. World Intellectual Property Organization (WIPO). E-GII Innovation Ecosystems & Data Explorer (Экосистемы инноваций и аналитика данных). –

2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wipo.int/gii-ranking/en/switzerland/section/economy-profile (дата обращения: 01.10.2024).

91. World Trade Organization (WTO). Document Download (Документ ВТО). [Электронный ресурс]. – URL: https://web.wtocenter.org.tw/downFiles/13730/396141/009M1vCXHQ8ls3IRB11111TWbgCekTGynZ9nqPn2TGiKiIj6xKgyiLoO3JyhLH5NYlXgO11111SL5hh9Mfmcc0EDJ8G1Gx2Q== (дата обращения: 10.01.2025).

92. World Trade Organization (WTO). Information Technology Agreement — 20 Years of Trade. Chapter 5 (Соглашение по информационным технологиям — 20 лет торговли. Глава 5). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/ita20years_2017_chap5lp_e.pdf (дата обращения: 26.04.2025).

93. World Trade Organization. Digitally delivered trade (Chapter 4) [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/digital_trade_23_ch4_e.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

94. World Trade Organization. Information Technology Agreement – List of Participants (as of March 2024) [Электронный ресурс] // WTO Official Documents. – 2024. – Доступ по ссылке: https://www.wto.org/english/tratop_e/inftec_e/itaintro_e.htm (дата обращения: 21.04.2025).

95. World Trade Organization. Joint Statement Initiative on Electronic Commerce [Электронный ресурс] // WTO Official Documents. – 2019. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/ecom_e/joint_statement_e.htm (дата обращения: 26.11.2025).

96. World Trade Organization. World Trade Report 2023: Re-globalization for a secure, inclusive and sustainable future [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtr23_e/wtr23_e.pdf (дата обращения: 27.11.2025).

97. WTO e-commerce tariff moratorium wins temporary reprieve (Мораторий ВТО на таможенные пошлины в электронной торговле временно продлен) // Reuters. – 01.03.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.reuters.com/technology/wto-e-commerce-tariff-moratorium-wins-temporary-reprieve-2024-03-01/ (дата обращения: 26.04.2025).

98. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Бахрейн — двусторонние отношения с Россией. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/bh/1896187/ (дата обращения: 09.01.2026).

99. Министерство промышленности и торговли Бахрейна. الاستراتيجية الوطنية للتجارة الإلكترونية (Национальная стратегия электронной торговли) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.moic.gov.bh/ar/node/2854 (дата обращения: 20.04.2025).

100. Министерство промышленности и торговли Бахрейна. برنامج رواد التجارة الرقمية في الخارج [Программа «Пионеры цифровой торговли за рубежом»] [Электронный ресурс]. – URL: http://www.moic.gov.bh/ar/node/5512 (дата обращения: 20.04.2025).

101. Министерство экономического развития Российской Федерации. Концепция общего регулирования групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

102. Президент России. Российско-оманские переговоры (22 апреля 2025 г.) [Электронный ресурс] // Kremlin.ru. – 2025. – URL: https://en.kremlin.ru/events/president/news/76773

103. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Внешняя торговля [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya

104. Федеральная таможенная служба России. Итоги внешней торговли со всеми странами (интерактивные данные) [Электронный ресурс]. – URL: https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries

105. Федеральная таможенная служба России. Таможенная статистика [Электронный ресурс]. – URL: https://customs.gov.ru/statistic

106. الإسكوا (ESCWA). 2021 .الاقتصاد الرقمي في الدول العربية. بيروت،

107. الاستثمار اتتدفق وتسهيل البينية التجارة آفاق لتعزيز الخليجية للجهود دعمها تجدد الإمارات الإلكترونية للتجارة موحد تشريعي إطار وإرساء (ОАЭ вновь подтверждают поддержку усилий стран ССАГПЗ по укреплению внутренней торговли и формированию единой базы электронной коммерции) // Ministry of Economy (UAE). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.moec.gov.ae/en/-/uae-reiterates-support-for-gcc-s-joint-efforts-to-enhance-intra-trade-prospects-facilitate-investment-flows-establish-unified-legislative-framework-for-e-commerce?p_l_back_url=%2Fen%2Ftest1%3Fcategory%3D101602%26category%3D752020%26delta%3D8%26start%3D37 (дата обращения: 07.02.2025).

108. «جديدة كويت» 2035 الكويت رؤية .والتنمية للتخطيط الأعلى للمجلس العامة الأمانة (Генеральный секретариат Высшего совета по планированию и развитию. Видение Кувейта – 2035 «Новый Кувейт»). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.newkuwait.gov.kw/vision2035.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

109. صُمّم «العامة الاستثمارات صندوق» لتعزيز التنمية الاقتصادية في السعودية («Публичный инвестиционный фонд» как инструмент стимулирования экономического развития Саудовской Аравии) // Saudi Press Agency. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.spa.gov.sa/N2157212 (дата обращения: 10.10.2024).

Книги и монографии

110. Aldhaheri S. K., Rajan R. Digital Nation: How the United Arab Emirates is Building a Future Based on Tech Innovation. — Dubai : Motivate Media Group, 2019. — XXI, 133 p. — ISBN 9781860635021. — URL:

https://www.digitaldubai.ae/newsroom/news/smart-dubai-launches-arabic-edition-of-its-digital-nation-book-at-gitex-technology-week-2020

111. Artificial Intelligence in the Gulf: Challenges and Opportunities / ed. E. Azar, A. N. Haddad. — Singapore : Palgrave Macmillan, 2021. — XIV, 315 p. — DOI: 10.1007/978-981-16-0771-4. — ISBN 978-981-16-0770-7. — URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-16-0771-4

112. Baldwin R. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Cambridge: Harvard University Press, 2016.

113. Bi R., Fareed F., Lee J. D., Rehman S., Rollinson Y. G., Yuan T. Digital Transformation in the Gulf Cooperation Council Economies : Departmental Paper No. 2025/003. — Washington, DC : International Monetary Fund, 2025. — 52 p. — DOI: 10.5089/9798400291449.087. — URL: https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2025/04/01/Digital-Transformation-in-the-Gulf-Cooperation-Council-Economies-557187

114. Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture. 2nd ed. Oxford: Wiley, 2010. 597 p.

115. Esposito M., Akbar Y., Campbell F. X. Digitalization in Emerging Economies. — Cambridge : Cambridge University Press, 2025. — (Elements in the Economics of Emerging Markets). — DOI: 10.1017/9781009433921. — Online ISBN 9781009433921. — URL: Digitalization in Emerging Economies

116. Hamza K. Emerging Markets and the Digital Economy: A Framework for Enhancing Global Competitiveness. — London : Routledge, 2026. — 344 p. — ISBN 9781032980621. — URL: routledge.com/Emerging-Markets-and-the-Digital-Economy-A-Framework-for-Enhancing-Global-Competitiveness/Hamza/p/book/9781032980621

117. Kahin B., Brynjolfsson E. Understanding the Digital Economy (Понимание цифровой экономики). – Cambridge, MA: MIT Press, 2000. [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.google.ru/books/edition/Understanding_the_Digital_Economy/dpf2hL6E-GcC?hl=en&gbpv=0 (дата обращения: 21.02.2024).

118. Khan M. (ed.) Research, Innovation and Entrepreneurship in Saudi Arabia: Vision 2030. — London : Routledge, 2020. — URL: routledge.com/Research-Innovation-and-Entrepreneurship-in-Saudi-Arabia-Vision-2030/Khan/p/book/9781138488533

119. Krugman P. Geography and Trade. – Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

120. Kuznets, S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. – New Haven: Yale University Press, 1966. – 529 p.

121. Mogielnicki R. A Political Economy of Free Zones in Gulf Arab States. — Cham : Palgrave Macmillan, 2021. — XXII, 262 p. — DOI: 10.1007/978-3-030-71274-7. — ISBN 978-3-030-71273-0. — URL: A Political Economy of Free Zones in Gulf Arab States | Springer Nature Link

122. Momani B., Legrenzi M. Shifting Geo-Economic Power of the Gulf: Oil, Finance and Institutions. — London : Routledge, 2011. — 266 p. — ISBN 9781409426707. — URL: routledge.com/Shifting-Geo-Economic-Power-of-the-Gulf-Oil-Finance-and-Institutions/Momani-Legrenzi/p/book/9781138261358

123. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. – New York: Free Press, 1990.

124. Razzak W. The Future of Economic Development in the Gulf Cooperation Council States: Evidence-Based Policy Analysis. — London : Routledge, 2023. — 180 p. — ISBN 9781032264356. — URL: routledge.com/The-Future-of-Economic-Development-in-the-Gulf-Cooperation-Council-States-Evidence-Based-Policy-Analysis/Razzak/p/book/9781032264356

125. Rogers E. M. *Diffusion of Innovations*. 5th ed. New York: Free Press, 2003. 576 p.

126. Smart Cities in the Gulf: Current State, Opportunities, and Challenges / ed. W. A. Samad, E. Azar. — Singapore : Palgrave Macmillan, 2019. — XIII, 292 p. — DOI: 10.1007/978-981-13-2011-8. — ISBN 978-981-13-2010-1. — URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-13-2011-8

127. The Palgrave Handbook of FinTech in Africa and Middle East: Connecting the Dots of a Rapidly Emerging Ecosystem / ed. K. Tsanis, H. C. Webb, A. Kaddour, O. David-West. — Singapore : Palgrave Macmillan, 2025. — XXIX, 984 p. — DOI: 10.1007/978-981-96-6143-5. — ISBN 978-981-96-6142-8. — URL: The Palgrave Handbook of fintech in Africa and Middle East: Connecting the Dots of a Rapidly Emerging Ecosystem | Springer Nature Link

128. Ulrichsen K. C. The Gulf States in International Political Economy. — London : Palgrave Macmillan, 2016. — XI, 274 p. — DOI: 10.1057/9781137385611. — ISBN 978-1-137-38560-4. — URL: The Gulf States in International Political Economy | Springer Nature Link

129. Zweiry E. Fintech in the Middle East: How to Innovate and Manage Great Fintech Products. — Sharjah : Austin Macauley Publishers, 2026. — URL: Fintech In The Middle East | Austin Macauley Publishers

130. Баланов А. Н. Цифровые платформы и системы : учебное пособие для СПО / А. Н. Баланов. — Санкт-Петербург : Лань, 2024. — 176 с.

131. Гельвановский М.И. Международная экономическая интеграция: теория и практика. – М.: Экономика, 2018.

132. Мелкумян, Е.С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах / Е.С. Мелкумян. - ИИИиБВ и ИВ РАН, М., 1999 г., 197 с.

133. Миронова М. С. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 120 с.

134. Пичков, О. Б. Цифровая трансформация мировой экономики : учебное пособие для программ бакалавриата и магистратуры : [16+] / О. Б. Пичков, С. В. Шитьков, А. А. Уланов ; под ред. О. Б. Пичкова ; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва : МГИМО-Университет, 2022. – 250 с. : ил. – Режим доступа: по подписке. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=692659 – Библиогр. в кн. – ISBN 978-5-9228-2576-4. – Текст : электронный.

135. يعيةالر مصارع بين السعودية العربية المملكة: الرؤية مملكة. سالم بن عبدالله، السلوم والاستدامة. — الكويت : السلوم عبدالله سالم عبدالله، 2018. — 204 ص. — (Видение Королевства

Саудовская Аравия: между рентабельностью и устойчивостью). - ردمك 9780692144862. — URL: https://kotv.abdullah.com.kw/

136. عادل الصادق عبد. السيبرانية السيادة وتحديات الرقمي الاقتصاد (Цифровая экономика и вызовы киберсуверенитета). – 2020. // الفضاء لأبحاث العربي المركز الإلكتروني. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.google.ru/books/edition/%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%82%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%AF_%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%82%D9%85%D9%8A_%D9%88%D8%AA%D8%AD%D8%AF%D9%8A/XDInEAAAQBAJ?hl=en&gbpv=0 (дата обращения: 21.03.2024).

Диссертации

137. Al Awani, Asma Shaheen Saif Sultan. PROMOTING MOBILE GOVERNMENT SERVICES IN THE UAE: A MODERATED PARALLEL MEDIATION ANALYSIS OF THE IMPACT OF AD CONTENT ON INTENTION (Продвижение мобильных госуслуг в ОАЭ: анализ влияния рекламного контента на намерение пользоваться услугами с учетом модерации и параллельной медиации) : Dissertation (DBA). – [Электронный ресурс]. – United Arab Emirates University, 2019. – URL: https://scholarworks.uaeu.ac.ae/all_dissertations/111/ – Текст : электронный.

138. Al-Maqati, Abdullah. على تطبيقية دراسة المالي الأداء على الرقمي التحول تأثر السعودية العربية المملكة في الادوية شركات (Влияние цифровой трансформации на финансовые показатели: прикладное исследование на примере фармацевтических компаний в Саудовской Аравии) : دكتوراه رسالة. – [Электронный ресурс]. – Saudi Digital Library, 2024. – URL: https://drepo.sdl.edu.sa/items/b7943e27-2783-4255-8bc7-b0f68a5772df – Текст : электронный.

139. Al-Otaibi, Essa. جوةالف من للحد والزكوي الضريبي الفاحص دور لتفعيل مقترح إطار ميدانية دراسة" الرقمي التحول أساليب باستخدام الحصيلة في" (Предлагаемая модель активизации роли налогового и закятного инспектора для сокращения разрыва в поступлениях с использованием инструментов цифровой трансформации

(полевое исследование)) : دكتوراه رسالة. – [Электронный ресурс]. – Saudi Digital Library, 2024. – URL: https://drepo.sdl.edu.sa/items/bd21eb03-82ab-4fe5-823d-fcc07597574d – Текст : электронный.

140. البلوي، جميعان علي عبدالرحمن. أثر التحول الرقمي في استدامة الأعمال في شركة زاجل اللوجستية للحلول إكسبريس (Влияние цифровой трансформации на устойчивость бизнеса на примере логистической компании Zajil Express) : دكتوراه رسالة. – [Электронный ресурс]. – Saudi Digital Library, 2025. – URL: https://drepo.sdl.edu.sa/items/475c2211-a58b-4f1d-ba77-6249f7d534ab – Текст : электронный.

141. الجهني، فيصل. دور التحول الرقمي في تحسين اداء الشركات المدرجة بالبورصة السعوديةا (ميدانية دراسة) (Роль цифровой трансформации в повышении эффективности компаний, котирующихся на Саудовской фондовой бирже (полевое исследование)) : دكتوراه رسالة. – [Электронный ресурс]. – Saudi Digital Library, 2025. – URL: https://drepo.sdl.edu.sa/items/ef010adf-bb46-4ac1-90a8-0cfc5709979a – Текст : электронный.

142. الحربي، عبدالمجيد. اثر تطبيق عادأب التحول الرقمي على تعزيز السلوك الإبداءي (Влияние внедрения измерений цифровой трансформации на усиление творческого поведения) : دكتوراه رسالة. – [Электронный ресурс]. – Saudi Digital Library, 2025. – URL: https://drepo.sdl.edu.sa/items/1a4d9e52-6f9e-45ba-910b-11472a9020b9 Текст : электронный.

143. العتيبي، طلال. متطلبات التحول الرقمي في التعليم قبل الجامعي بدولة الكويت: دراسة ميدانية (Требования к цифровой трансформации в довузовском образовании Государства Кувейт: полевое исследование) : دكتوراه رسالة. – [Электронный ресурс]. – Saudi Digital Library, 2025. – URL: https://drepo.sdl.edu.sa/items/940719ad-76cc-473e-a07b-b6dd7d2e59d9 – Текст : электронный.

144. العتيبي، منصور مشاري. دور التحول الرقمي في تحسين الخدمات الصحية: دراسة تطبيقية على مديرية الشئون الصحية المكرمة بمكة (Роль цифровой трансформации в улучшении медицинских услуг: прикладное исследование на примере Директората здравоохранения Мекки) : دكتوراه رسالة. – [Электронный ресурс]. – Saudi Digital

Library, 2025. – URL: https://drepo.sdl.edu.sa/items/8d9fc6f9-b88e-441c-a64c-4b2c90f8088c – Текст : электронный.

145. المساعد، علي بن عبدالله بن إبراهيم. أثر التحول الرقمي في إدارة أزمة كورونا في المملكة العربية السعودية دراسة ميدانية (Влияние цифровой трансформации на управление кризисом COVID-19 в Королевстве Саудовская Аравия: полевое исследование) : دكتوراه رسالة. – [Электронный ресурс]. – Saudi Digital Library, 2025. – URL: https://drepo.sdl.edu.sa/items/fb797632-3037-41f3-9d1e-f0981d267337 Текст : электронный.

Статьи и публикации в периодической печати

146. Al-Hajri A., Abdella G. M., Al-Yafei H., Aseel S., Hamouda A. M. A Systematic Literature Review of the Digital Transformation in the Arabian Gulf’s Oil and Gas Sector // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, № 15. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/16/15/6601 (дата обращения: 01.10.2024).

147. Al-Kharusi, M. H., & Al-Mujaini, A. H. (2016). E-government services adoption: A qualitative study from an Arab country. International Journal of Public Administration, 39(5), 324-336.

148. Al-Khateeb, S., & Al-Rasheed, N. (2023). E-Government and Blockchain Integration in GCC: Opportunities and Challenges. Digital Governance Studies, 5(4), 45–60.

149. Almarashdeh, I., & Abu-Shanab, E. (2018). Factors influencing the adoption of e-government services in Kuwait: A qualitative study. Government Information Quarterly, 35(4), 607-618.

150. Alshamsi, A., Alkaabi, H., & Smith, K. (2023). Artificial Intelligence and Smart Cities in the UAE: A Case Study of Dubai’s Digital Government. Journal of Urban Management, 7(1), 34–50.

151. Alzahrani, A. I., & Alalwan, A. A. (2018). Examining the factors influencing e-government adoption in Saudi Arabia: A qualitative approach. Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research, 13(2), 39-55.

152. Alzarooni, A. I., Alhashmi, S. M., Lataifeh, M., & Rice, J. (2022). Navigating Digital Transformation in GCC Countries: Challenges and Opportunities. International Journal of Digital Economics, 5(3), 45–62.

153. Bi R., Fareed F., Lee J. D. et al. Digital Transformation in the Gulf Cooperation Council Economies. – IMF Departmental Paper No. 2025/003. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2025. – 52 p.

154. Douze F., Pétiniaud L., Salamatian K., Samaan J-L. Digital routes and borders in the Middle East: the geopolitical underpinnings of Internet connectivity // Territory, Politics, Governance. – Vol. 11, №6. –2023. – P. 1059–1080.

155. F. Al-Kufy MIDDLE EAST'S CIRCULAR ECONOMY EXPECTATIONS FOR THE NEXT THEN YEARS // Open science journal. – 2021. №6 (2)

156. F. Habibi, M. Zabardast DIGITALIZATION, EDUCATION AND ECONOMIC GROWTH: A COMPARATIVE ANALYSYS OF MIDDLE EAST AND OECD COUNTRIES // Technology in society. – 2020.

157. Fu H. 2006. Formal Concept Analysis for Digital Ecosystem. 5th International Conference on Machine Learning and Applications. PP. 143–148. DOI: 10.1109/ICMLA.2006.24

158. Hoekman B. Digitalization, International Trade, and Arab Economies: External Policy Implications. The Economic Research Forum. Working Paper № 1484, September 2021. – 51 p.

159. Issaev, L., Kozhanov, N. "Diversifying relationships: Russian policy toward GCC." International Politics. 2021. Vol. 58, pp. 884–902.

160. I. Zvyagelskaya, I. Svistunova, N. Surkov THE MIDDLE EAST AT A TIME OF "NEGATIVE CERNAINTY" // Greater Middle East. – 2020. №6 (64).

161. Khan, M., Saeed, A., & Al-Mutairi, K. (2022). Cybersecurity Challenges in GCC Economies: Policy Recommendations for Sustainable Digital Growth. Cybersecurity and Policy Review, 10(2), 15–28.

162. Kuwait Times. New digital trade law will boost consumer protection [Электронный ресурс]. – 04.12.2024. – URL: https://kuwaittimes.com/article/21945 (дата обращения: 20.04.2025).

163. Lucas, R. E. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. – 1988. – Vol. 22, No. 1. – P. 3–42. DOI: 10.1016/0304-3932(88)90168-7

164. Parcero O., Ryan J.C. Becoming a Knowledge Economy: the Case of Qatar, UAE and 17 Benchmark Countries (Формирование экономики знаний: опыт Катара, ОАЭ и 17 сопоставимых стран). – 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/292948824_Becoming_a_Knowledge_Economy_the_Case_of_Qatar_UAE_and_17_Benchmark_Countries (дата обращения: 26.04.2025)/

165. R. Bsheer MONEY, MARKETS, AND MONARCHIES: THE GULF COOPERATION COUNCIL AND THE POLITICAL ECONOMY OF THE COMTEMPORARY MIDDLE EAST // The journal of development studies. – 2021. №7 (57) p. 1242-1244

166. R. Bsheer THE LIMITS OF BELONGING IN SAUDI ARABIA // International journal of Middle East studies. – 2020. №4 (52)

167. Romer, P. M. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98, No. 5. – P. S71–S102. DOI: 10.1086/261725

168. S. Rostamjabri, S. Emamjomehzadeh, M. Goodarzi THE IMPORTANCE OF MIDDLE EAST IN RUSSIAN FOREIGN POLICY // Political science. – 2021.

169. Saidi Nasser. Economic Diversification is the GCC’s Top Priority (Экономическая диверсификация – главный приоритет стран ССАГПЗ) // Middle East Council on Global Affairs. – 09.05.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://mecouncil.org/blog_posts/economic-diversification-is-the-gccs-top-priority/ (дата обращения: 01.10.2024).

170. Singh M. Saudi Arabia joins global e-commerce agreement [Электронный ресурс] // Gulf Business. – 29.07.2024. – URL: https://gulfbusiness.com/saudi-arabia-global-e-commerce-agreement/ (дата обращения: 21.04.2025).

171. Solow, R. M. Technical Change and the Aggregate Production Function // The Review of Economics and Statistics. – 1957. – Vol. 39, No. 3. – P. 312–320. DOI: 10.2307/1926047

172. V. Al'-Mavadze ANALYSYS OF THE IMPACT OF MONETARY RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE MIDDLE EAST ON THR REGION'S ECONOMY // Economics – 2021.

173. Yanovich A. WTO MC13 Should Take Inspiration from UAE Success [Электронный ресурс] // Akin Gump Trade Law Blog. – 26.01.2023. – URL: https://www.akingump.com/en/insights/blogs/ag-trade-law/wto-mc13-uae-success (дата обращения: 19.04.2025).

174. Zhang, L., Kumar, S., & Al-Khalifa, M. (2022). Artificial Intelligence in GCC Public Sectors: Implementation Barriers and Solutions. Journal of AI Policy and Development, 8(3), 34–47.

175. Zubair, H., & Al-Kuwari, R. (2023). Exploring Digital Transformation in GCC Healthcare Systems. Journal of Healthcare Technology, 12(4), 15–30.

176. Zubrin, T., & Al-Mutawa, Y. (2023). Policy-Driven Digitalization in GCC Economies: A Focus on Saudi Arabia and UAE. Governance and Technology Review, 6(2), 75–90.

177. Абдикеев Н. М., Богачев Ю. С. Цифровая экономика: механизмы и институты развития. – М.: КНОРУС, 2019. – 304 с.

178. Алиев И.М., Резникова О.С., Шаповалова И.М. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ДЛЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ // Век качества – 2022.

179. Аль-А'ни М. التكامل الاقتصادي العربي والتنافس الدولي (Экономическая интеграция и международная конкуренция в арабских странах). – 2022.

[Электронный ресурс]. – URL: https://aawsat.com/home/article/3820666/ثامر-د-محمود-العاني-التكامل-الاقتصادي-العربي-والتنافس-الدولي (дата обращения: 21.02.2024).

180. Аль-Маважде В.К. - АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ВАЛЮТНО-КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ РФ И СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА НА ЭКОНОМИКУ РЕГИОНА // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. – 2021 . №1 С. 12-18

181. Аль-Маважде В.К. ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОЙ ВАЛЮТНОЙ ЗОНЫ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СТРАН СНГ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ // Финансовая экономика. – 2021. №2 С. 175-176

182. Альнувайсир Х.А. СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ИСЛАМСКИХ ПРИНЦИПОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ // Форум молодых ученых – 2023.

183. Аслулами А.М. ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ КОМПАНИЙ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА // Форум молодых ученых – 2021.

184. Бабенкова С.Ю. ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СТРАН РЕГИОНА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ // Ученые записки Российской академии предпринимательства. – 2023. №2 С.34-48

185. Барини Х. Цифровая трансформация в арабских странах: подходы и направления // Информация и инновации. – Т.18, № 4. – 2023. – С. 47–57.

186. Бачурин Д.Г. КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА // Вестник Томского государственного университета – 2021.

187. Белов В.И., Савичева Е.М. МЕГАТРЕНДЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И "КРИЗИСНЫЕ СТРАНЫ" БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА // Вопросы истории. – 2021. №11-1 С. 220-229

188. Беляев С.А. ИЗМЕНЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ СИРИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. - №2 (31) - С. 67-70

189. Бударина Н.А. - РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ // Вестник Российской таможенной академии. – 2023. №1 (62) С. 78-88

190. Бударина Н.А., Дюдюкина А.А. ВЛИЯНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ЭКСПОРТ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТОВАРОВ В СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук – 2022.

191. Бяшарова А.Р. Цифровое развитие стран Персидского залива и его влияние на международную экономику и торговлю: эмпирический анализ // Международная торговля и торговая политика. – 2025. – № 1 (41). [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-razvitie-stran-persidskogo-zaliva-i-ego-vliyanie-na-mezhdunarodnuyu-ekonomiku-i-torgovlyu-empiricheskiy-analiz (дата обращения: 14.01.2026).

192. Валиахметова Г.Н., Цуканов Л.В. Цифровой вызов для арабского мира: фактор интеграции или дифференциации? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – Т. 22, №2. – 2022. – С. 303–319.

193. Виноградова И.В. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. №9 С.105-118

194. Волеводз А.Г., Цыплакова А.Д. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В КОРОЛЕВСТВЕ САУДОВСКАЯ АРАВИЯ // Российский следователь. – 2023. №11 С.57-61

195. Волков Л.В. КЛЮЧЕВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ // Финансовые рынки и банки – 2022.

196. Воронцовский А. В. Цифровизация экономики и ее влияние на экономическое развитие и общественное благосостояние // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – Т. 36, № 2. – С. 189–216.

197. Горбатова В.В. - ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В АРАБСКИХ СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ВЫЗОВЫ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ // Проблемы национальной стратегии. – 2022. №5 (74) С. 186-205

198. Горбунова Е. А. Цифровизация экономики: сущность и роль в развитии национальной экономики // Российское предпринимательство. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 51–68.

199. Динец Д.А. О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ССАГПЗ: ЧТО ДАЛЬШЕ? // Геоэкномиа энергетики – 2022.

200. Дюдюкина А.А. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. №4-1 (8) С. 128-132

201. Е. А. Панфилова, С. Н. Комарова Формы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях цифровой трансформации // ЕГИ. 2020. №3 (29).

202. Еловская М.А МИРОВОЙ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ // Известия Санкт-Петербургского государственно-экоомического университет – 2022.

203. Ермаков В. А. Цифровые платформы в международной торговле: институциональные аспекты // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 9. – С. 44–56.

204. Житенев С.Ю., Васильева И.Н., Реброва Т.П., Бородик К.А., Васюков А.Н. ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ // Управление наукой и наукометрия. – 2022. №4 С.483-525

205. Заболотникова В.Д., Фурсова Т.В. Исламские финансовые продукты как элемент исламской экономической модели // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2022.

206. Захарченко Е.С., Шепель Т.С., Ходоченко А.В. - ИНВЕСТИЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ // Вестник евразийской науки. – 2023. №2 п.н. 30

207. Иванов С.М. БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННЫЙ МИРОПОРЯДОК // Дипломатическая служба. – 2023. №2 С.104-114

208. Идрисов Г. И., Кнобель А. Ю. Глобальные цепочки стоимости и структурные изменения мировой торговли // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 8–31.

209. Клейнер Г. Б. Экономика экосистем-show: как цифровизация меняет экономические системы // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1. – С. 40–45.

210. Коровкин, В. В. Национальные программы цифровой экономики стран Ближнего Востока: опыт сравнения / В. В. Коровкин // Восточная аналитика. – 2019. – № 3. – С. 53-69. – EDN ILYBQH.

211. Кривяков С.В., Имас О.Н. СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ // Вестник томского государственного университета. Экономика. – 2020. №50 С. 225-235

212. Кузнецов С. В. Концепция устойчивого развития в условиях цифровой экономики // В кн.: Междисциплинарное исследование процессов трансформации социально-экономического пространства и территориального развития регионов. – СПб.: ГУАП, 2021. – С. 225–236.

213. Кузнецов С. В. Цифровая экономика и трансформация международной торговли. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 256 с.

214. Лапина Н. Ю. Цифровая трансформация мировой экономики и международная торговля: дис. … канд. экон. наук. – М., 2020. – 187 с.

215. Ларионова М. В., Шелепов А. В. Формирующиеся механизмы регулирования цифровой экономики: риски и возможности для многосторонней системы глобального управления // Вестник международных организаций. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 29–63.

216. Любавина Т. В., Мустафина Г. Г., Любавин А. Ю., Чугунова А. А. Цифровизация экономики: вызовы и пути решения // Научное обозрение. – 2019. – № 2. – С. 15–22.

217. Маллах Д.М. МЕСТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика – 2021.

218. Мальцев А. А., Сальников В. А. Цифровизация глобальных цепочек добавленной стоимости // Вестник международных организаций. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 92–115.

219. Меланьина М.В. Теоретические подходы к определению понятий «Цифровая экономика» и «Цифровизация» / Меланьива М.В., Ахмед Н.Н., Пономарева В.С. // Горизонты экономики. – 2022. -№5. – С.82-87.

220. Меланьина М.В., Пономарева В.С. ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. №10 (118) С. 190-196

221. Миронова Т.Н. ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ // Ученый совет. – 2022. - №4 - С.257-264

222. Мусаев А.А. ЦИФРОВЫЕ ИННОВАЦИИ В ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ ИСЛАМСКИХ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА // Информация и инновации. – 2021. №1 С.45-49

223. Науменко Т.В., Тимахов К.В. Саудовская Аравия и её конкурентоспособность среди стран Ближневосточного региона// Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — №1(64). — С. 147-167.

224. Немкевич С.Ю. Инвестиционная привлекательность стран Ближнего Востока для России // Инновационная наука – 2021. - №6. – С.124-127

225. Павлов П.В, Защитина Е.К. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ // Россия: тенденции и перспективы развития – 2023.

226. Петрова Е. В. Цифровизация: сущность и роль в развитии национальной экономики // Российское предпринимательство. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 51–68.

227. Пономарева Е. А. Цифровизация экономики как движущая сила экономического роста: только ли инфраструктура имеет значение? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2021. – № 3 (51). – С. 51–68.

228. Руденко Л.Н. ОМАН: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИКИ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021.

229. Руденко Л.Н. Перспективы цифровой трансформации экономики арабских стран // Российский внешнеэкономический вестник. — 2019. — №5. — С.92-108.

230. Салыгин В.И. Влияние цифровых технологий на развитие мировой энергетики / В.И.Салыгин, И.А.Гулиев, Л.Б.Акиева // Инновации и инвестиции. — 2019. — №5. — С. 41-44.

231. Сармад Б., Хасан С. РЕАЛЬНОСТЬ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВЫЗОВЫ ВО ВРЕМЯ КОРОНАКРИЗИСА В ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТАХ // Деловой вестник предпринимателя – 2021.

232. Смирнов Е. Н. Международная торговля услугами в условиях цифровизации мировой экономики // МЭиМО. – 2019. – № 6. – С. 28–39.

233. Соколов С.Л. - ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА ЗЕРНОВЫХ В СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ // Экономика и предпринимательство. – 2021. №7 (312) С. 419-424

234. Спартак А.Н. Исламский мир в фокусе внешнеэкономической политики России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 9. – С. 7–37.

235. Спартак А.Н. Последствия цифровой трансформации для международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 5. – С. 7–23.

236. Сулима Е.С., Бреус Т.А. ПОВОРОТ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ВОСТОК (ОАЭ) В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023.

237. Ткаченко М.Ф., Худякова О.Ю. ОЦЕНКА ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА // Russian Journal of management. – 2022. №4 С.1-8

238. Федоренко Р.В., Тойменцева И.А., Панченков М.А. ТЕНДЕНЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ И ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА // Нацбезопасность – 2022.

239. Федоров А. Н. Цифровые процессы в странах ССАГПЗ в первой трети XXI века: отраслевые особенности и перспективы развития // Международная торговля и торговая политика. – 2023. – № 1. – С. 5–20.

240. Фролов Д. П. Институциональная экономика цифровых рынков // Журнал институциональных исследований. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 6–23.

241. Харитонов С. А. Цифровая повестка Евразийского экономического союза: вызовы и перспективы // Доклад Всемирного банка. – 2018. – 45 с.

242. Хома В.С. Основные направления цифровизации экономики в ОАЭ // Российский внешнеэкономический вестник. – №7. – 2023. – С. 115 – 125.

243. Шафиев Р.М. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА // Проблемы современной экономики. – 2022. №4 (84) С. 34-36

244. Шестак В.А., Цыплакова А.Д. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ - ЧЛЕНАХ ССАГПЗ // Мировой судья. – 2023. №4 С. 2-7

245. Шестак В.А., Цыплакова А.Д. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОАЭ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2023. №2 С.273-281

246. Шкваря Л. В. Инновационное развитие и трансфер технологий: опыт стран ССАГПЗ // Азия и Африка сегодня – 2019. – Выпуск №3 С. 28-34

247. Шкваря Л.В. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ССАГПЗ: ДИНАМИКА, ХАРАКТЕРИСТИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ // Вестник МГИМО Университета – 2023.

248. Шкваря Л.В. Цифровизация в Западной Азии: статический и динамический анализ // Теоретическая экономика. – № 7 (103). – 2023.– С. 61–71.

249. Эль-Сайед А.Х. Проблематика внедрения цифровых услуг в отраслях экономики стран Персидского залива / Эль-Сайед А.Х., Дигилина О.Б. // Горизонты экономики. – 2024. – № 6 (86). С. 89-98

250. Эль-Сайед А.Х. Интеграция искусственного интеллекта в государственные структуры ОАЭ: правовые основы и экономические выгоды / Эль-Сайед А.Х., Цыплакова А.Д. // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 9. С. 93-96

251. Эль-Сайед А.Х. Цифровая трансформация в арабских странах на примере государств-членов ССАГПЗ: правовые основы и экономическое значение / Эль-Сайед А.Х., Цыплакова А.Д.// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2025. – Т. 25 № 4. С. 451-458

252. Эль-Сайед А.Х. Развитие механизмов государственно-частного партнерства в Саудовской Аравии / Завьялова Е.Б., Эль-Сайед А.Х., Пузырев П.А.// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2025. – Т. 21 № 8. С. 205-218

253. Эль-Сайед А.Х. Влияние цифровых государственных услуг на развитие рынков цифровых услуг в Королевстве Саудовская Аравия в условиях трансформации мировой экономики / Эль-Сайед А.Х., Халилзаде Н.Э. // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 12. С. 62-66.

254. Эль-Сайед А.Х. Влияние экзогенных факторов на развитие рынка цифровых услуг в странах Персидского залива в контексте их социально-экономического развития / Эль-Сайед А.Х.// Инновации и инвестиции. – 2026. – № 4-2026.

255. Юлдашев Р. Электронная коммерция на Ближнем Востоке: демографические аспекты // Электронная коммерция. – 2016. – № 5. – С. 25–38.

256. الكويتي الاقتصاد في الاستثمار أهمية (Возможности и перспективы инвестиций в экономику Государства Кувейт) // Iraqi journal for economic sciences. – 2022

Интернет-источники

257. 360tf. UAE Set to Launch Services Export Strategy (ОАЭ планируют запуск стратегии экспорта услуг). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.360tf.trade/uae-set-to-launch-services-export-strategy (дата обращения: 28.01.2025).

258. Abu Dhabi Ports. Khalifa Port (Порт Халифа). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.adports.ae/ports-terminals/commercial-ports/khalifa-port/ (дата обращения: 10.01.2026).

259. Access Partnership. Google Cloud Region in the Qatari Economy (Full report) [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: https://accesspartnership.com/wp-

content/uploads/2023/05/Google-Cloud-Region-Qatar_FULL_ENG-FINAL.pdf (дата обращения: 02.12.2025).

260. Access Partnership. Introducing the Digital Cooperation Organization: Towards a Common Digital Market in the Middle East (Создание Организации цифрового сотрудничества: к общему цифровому рынку Ближнего Востока). [Электронный ресурс]. – URL: https://accesspartnership.com/introducing-the-digital-cooperation-organization-towards-a-common-digital-market-in-the-middle-east/ (дата обращения: 25.02.2025).

261. AGSI. Russia Eyes Oman as a Gateway to the Region (Россия рассматривает Оман как «ворота» в регион). [Электронный ресурс]. – URL: https://agsi.org/analysis/russia-eyes-oman-as-a-gateway-to-the-region/ (дата обращения: 12.01.2026).

262. Akin Gump. WTO MC13 Should Take Inspiration from UAE Success (13-я Министерская конференция ВТО должна учесть опыт ОАЭ). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.akingump.com/en/insights/blogs/ag-trade-law/wto-mc13-should-take-inspiration-from-uae-success (дата обращения: 16.01.2025).

263. Akin Gump. WTO MC13 Should Take Inspiration from UAE Success (13-я Министерская конференция ВТО должна учесть опыт ОАЭ). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.akingump.com/en/insights/blogs/ag-trade-law/wto-mc13-should-take-inspiration-from-uae-success (дата обращения: 22.01.2025).

264. Al-Jarida. الرقمية الحكومة... خريطة طريق لرؤية 2035 (Цифровое правительство — дорожная карта к «Видению 2035») // Al-Jarida. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.aljarida.com/article/86646 (дата обращения: 08.06.2025).

265. Amazon Web Services (AWS). Bahrain’s Cloud-First Success Story (Успешный опыт Бахрейна в реализации политики «Cloud First») // AWS News Blog. [Электронный ресурс]. – URL:

https://aws.amazon.com/blogs/publicsector/bahrain-cloud-first-success-story/ (дата обращения: 08.06.2025).

266. Amazon Web Services. Announcing the new AWS Middle East (Bahrain) Region [Электронный ресурс]. – 29 Jul 2019. – URL: https://aws.amazon.com/about-aws/whats-new/2019/07/announcing-the-new-aws-middle-east--bahrain--region-/ (дата обращения: 07.12.2025).

267. Amazon Web Services. AWS launching new Region in UAE in 2022 [Электронный ресурс] // AWS Public Sector Blog. – 1 Jun 2021. – URL: https://aws.amazon.com/blogs/publicsector/aws-launching-new-region-in-uae-in-2022/ (дата обращения: 28.11.2025).

268. Amazon Web Services. Now Open – AWS Middle East (Bahrain) [Электронный ресурс] // AWS News Blog. – 30 Jul 2019. – URL: https://aws.amazon.com/blogs/aws/now-open-aws-middle-east-bahrain/ (дата обращения: 26.11.2025).

269. Amazon Web Services. Now Open – AWS Region in the United Arab Emirates (UAE) [Электронный ресурс] // AWS News Blog. – 29 Aug 2022. – URL: https://aws.amazon.com/blogs/aws/now-open-aws-region-in-the-united-arab-emirates-uae/ (дата обращения: 27.11.2025).

270. Arab News. Saudi Arabia’s Digital Economy Strategy Progress (Прогресс стратегии цифровой экономики Саудовской Аравии). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.arabnews.com/node/2568684/business-economy (дата обращения: 14.01.2025).

271. Asharq Al-Awsat. IMF: الرقمي التحول نحو سريعاً تقدماً تحقق الخليج دول (МВФ: Страны Залива добились быстрого прогресса в цифровой трансформации). – 21.04.2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://aawsat.com/الاقتصاد/5131628-الرقمي-التحول-نحو-سريعاً-تقدماً-تحقق-الخليج-دول-الدولي-النقد-صندوق (дата обращения: 08.06.2025).

272. Atlantic Council. The Gulf’s Economic Development Is Going Digital (Экономическое развитие стран Залива становится цифровым) // MENA Source. [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-gulfs-economic-development-is-going-digital/ (дата обращения: 20.03.2025).

273. Atlantic Council. The Gulf's Economic Development Is Going Digital (Экономическое развитие стран Залива становится цифровым) // MENA Source. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-gulfs-economic-development-is-going-digital/ (дата обращения: 20.03.2025).

274. Bahrain – ICT Service Exports (% of Service Exports) (Экспорт услуг ИКТ Бахрейна, % от экспорта услуг) // Trading Economics (по данным Всемирного банка). [Электронный ресурс]. – URL: https://tradingeconomics.com/bahrain/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (дата обращения: 02.03.2025).

275. Bahrain – ICT Service Exports (% of Service Exports, BOP) (Экспорт услуг ИКТ Бахрейна, % от экспорта услуг) // Trading Economics (по данным Всемирного банка). [Электронный ресурс]. – URL: https://tradingeconomics.com/bahrain/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (дата обращения: 15.02.2025).

276. Bahrain Economic Development Board. How Bahrain's Cloud-First Philosophy Will Accelerate Digital Innovation (Как философия «Cloud First» ускоряет цифровые инновации в Бахрейне). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bahrainedb.com/news/blog/cloud-first-philosophy (дата обращения: 08.06.2025).

277. Bahrain FinTech Bay. Annual Report 2024 (Годовой отчет 2024). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bahrainfintechbay.com/reports/BFTB_Annual_Report_2024.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

278. Bank for International Settlements. Project mBridge reached minimum viable product stage [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www.bis.org/about/bisih/topics/cbdc/mcbdc_bridge.htm (дата обращения: 06.12.2025).

279. Bank for International Settlements. Project mBridge: Connecting economies through CBDC [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: https://www.bis.org/publ/othp59.pdf (дата обращения: 07.12.2025).

280. Bazoobandi, S. The Gulf Cooperation Council (GCC) Countries' Quest for Economic and Digital Transformation. Digital Cooperation with Global Partners – Policy Study 01/2025. Hamburg: German Institute for Global and Area Studies (GIGA), 2025. URL: https://www.giga-hamburg.de/en/publications/contributions/gulf-cooperation-council-gcc-countries-quest-economic-digital-transformation (дата обращения: 10.03.2026)

281. BRG (Berkeley Research Group). The Digital Economy, Platform Markets, and Big Data (Цифровая экономика, платформенные рынки и большие данные). – BRG Insights. – July 2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.thinkbrg.com/insights/publications/digital-economy-platform-markets-big-data/ (дата обращения: 08.06.2025).

282. Carnegie Endowment for International Peace. Local Agency Is Shaping China's Digital Footprint in the Gulf (Локальные акторы формируют цифровое присутствие Китая в странах Залива). [Электронный ресурс]. – URL: https://carnegieendowment.org/posts/2025/01/local-agency-is-shaping-chinas-digital-footprint-in-the-gulf?lang=en (дата обращения: 19.04.2025).

283. Communications, Space & Technology Commission (CITC). Cloud Computing Regulatory Framework (Нормативная база регулирования облачных вычислений). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.citc.gov.sa/en/RulesandSystems/RegulatoryDocuments/Documents/CCRF_En.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

284. DHL Discover. E-Commerce Landscape in GCC (Ландшафт электронной коммерции в странах ССАГПЗ). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dhl.com/discover/en-sg/logistics-advice/import-export-advice/e-commerce-landscape-in-gcc (дата обращения: 06.03.2025).

285. DHL Express. Understanding the e-commerce landscape in the GCC [Электронный ресурс]. – 17.03.2025. – URL: https://www.dhl.com/discover/en-sg/logistics-advice/e-commerce-landscape-in-gcc (дата обращения: 21.04.2025).

286. DHL. E-commerce Landscape in GCC (Ландшафт электронной коммерции в странах ССАГПЗ). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dhl.com/discover/en-sg/logistics-advice/import-export-advice/e-commerce-landscape-in-gcc (дата обращения: 01.11.2025).

287. Digital Challenge for the Arab World: Integration or Differentiation Factor (Цифровой вызов для арабского мира: фактор интеграции или дифференциации). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/361765753_Digital_Challenge_for_the_Arab_World_Integration_or_Differentiation_Factor (дата обращения: 26.04.2025).

288. Digital Cooperation Organization. About the Digital Cooperation Organization [Электронный ресурс]. – URL: https://dco.org/about/ (дата обращения: 03.12.2025).

289. Digital Cooperation Organization. Member States and History [Электронный ресурс] // Wikipedia. – Последнее обновление: 01.2024. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Digital_Cooperation_Organization (дата обращения: 21.04.2025).

290. DP World. $1 Billion Trades Financed [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.dpworld.com/en/news/1-billion-trades-financed (дата обращения: 02.12.2025).

291. DP World. CARGOES Flow: Cargo Tracking [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dpworld.com/en/digital-solutions/cargoes/cargo-tracking (дата обращения: 02.12.2025).

292. DP World. DP World Trade Finance — Supply Chain & Finance Solutions (Торговое финансирование DP World). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dpworld.com/en/supply-chain-solutions/trade-finance (дата обращения: 10.01.2026).

293. DP World. DP World Trade Finance (CARGOES Finance) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dpworld.com/cargoes/trade-finance (дата обращения: 02.12.2025).

294. DP World. Jebel Ali Port — Ports & Terminals (Порт Джебель-Али). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dpworld.com/en/uae/ports-and-terminals/jebel-ali-port (дата обращения: 10.01.2026).

295. Dubai Airports. DWC – Dubai World Central (Our Story) (Dubai World Central: справочная информация). [Электронный ресурс]. – URL: https://dubaiairports.ae/corporate/our-story/dwc-dubai-world-central (дата обращения: 10.01.2026).

296. Dubai Airports. DXB Records Highest Annual Traffic in 2024, Celebrating a Decade as the World's Busiest International Airport (Аэропорт DXB зафиксировал рекордный пассажиропоток в 2024 г.). [Электронный ресурс]. – URL: https://media.dubaiairports.ae/dxb-records-highest-annual-traffic-in-2024-celebrating-a-decade-as-the-worlds-busiest-international-airport/ (дата обращения: 10.01.2026).

297. European Commission. EU strengthens digital trade and e-commerce rules (ЕС усиливает правила цифровой торговли и электронной коммерции) // Press Release. [Электронный ресурс]. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_4022 (дата обращения: 01.11.2025).

298. European External Action Service. EU and GCC hold their first 1.5 Track Dialogue on Cyber Diplomacy in Riyadh [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/saudi-arabia/eu-and-gcc-hold-their-first-15-track-dialogue-cyber-diplomacy-riyadh_en (дата обращения: 29.11.2025).

299. Furlow R. The Gulf's Economic Development Is Going Digital (Экономическое развитие стран Залива становится цифровым) // Atlantic Council – MENA Source. – 22.08.2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-gulfs-economic-development-is-going-digital/ (дата обращения: 21.04.2025)

300. GO-Globe. Bahrain’s Digital Transformation: Digitization of Economy in Lieu with Vision 2030 (Цифровая трансформация Бахрейна в контексте «Видения 2030»). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.go-globe.com/bahrains-digital-transformation-vision-2030/ (дата обращения: 08.06.2025).

301. Google Cloud. New Doha Google Cloud region is now open [Электронный ресурс] // Google Cloud Blog. – 2023. – URL: https://cloud.google.com/blog/products/infrastructure/new-doha-google-cloud-region-is-now-open (дата обращения: 29.11.2025).

302. Google Cloud. New Google Cloud region now open in Qatar [Электронный ресурс] // Google Cloud Blog. – 30 Mar 2023. – URL: https://cloud.google.com/blog/products/infrastructure/new-google-cloud-region-now-open-in-qatar (дата обращения: 30.11.2025).

303. Government of Kuwait. Kuwait Vision 2035 “New Kuwait” (Видение Кувейта – 2035 «Новый Кувейт»). [Электронный ресурс]. – URL: https://nassersalsabah.com/wp-content/uploads/2021/06/New-Kuwait-Plan-2035.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

304. Group-IB. MSSP Sirar by stc Launches With Group-IB to Strengthen Cybersecurity Services (Запуск MSSP Sirar by stc совместно с Group-IB для усиления кибербезопасности). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.group-ib.com/media-center/press-releases/mssp-sirar-by-stc/ (дата обращения: 11.01.2026).

305. Gulf Business. Saudi Arabia Joins Global E-Commerce Agreement (Саудовская Аравия присоединяется к глобальному соглашению по электронной коммерции). [Электронный ресурс]. – URL: https://gulfbusiness.com/saudi-arabia-global-e-commerce-agreement (дата обращения: 18.01.2025).

306. Gulf Business. Saudi Arabia Signs Global E-Commerce Agreement (Саудовская Аравия подписывает глобальное соглашение по электронной

коммерции). [Электронный ресурс]. – URL: https://gulfbusiness.com/saudi-arabia-global-e-commerce-agreement/ (дата обращения: 23.02.2025).

307. Gulf Cooperation Council Statistical Centre (GCC-STAT). Economic Relations Between the GCC and the World (Экономические связи стран ССАГПЗ и мирового хозяйства). [Электронный ресурс]. – URL: https://gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/Economic_relations_GCC_and_world_1.pdf (дата обращения: 09.01.2026).

308. Gulf states go digital with China (Страны Залива переходят к цифровому сотрудничеству с Китаем) // East Asia Forum. – 07.10.2022. [Электронный ресурс]. – URL: https://eastasiaforum.org/2022/10/07/gulf-states-go-digital-with-china/ (дата обращения: 01.10.2024).

309. Haj Information Portal (Информационный портал по хаджу). [Электронный ресурс]. – URL: https://hajinformation.com/ (дата обращения: 10.10.2024).

310. IMD World Competitiveness Center. World Digital Competitiveness Ranking (Мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/ (дата обращения: 16.01.2026).

311. Index Mundi. ICT Goods Exports (% of Total Goods Exports) Rankings (Рейтинг стран по доле экспорта товаров ИКТ). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.indexmundi.com/facts/indicators/TM.VAL.ICTG.ZS.UN/rankings (дата обращения: 05.02.2025).

312. International Telecommunication Union. Partner2Connect commitments reach USD 73 billion at Mobile World Congress [Электронный ресурс] // ITU Media Centre. – 4 March 2025. – URL: https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2025-03-04-Mobile-World-Congress.aspx (дата обращения: 02.12.2025).

313. International Telecommunication Union. Partner2Connect Digital Coalition [Электронный ресурс]. – URL: https://www.itu.int/partner2connect/ (дата обращения: 30.11.2025).

314. International Telecommunication Union. Partner2Connect: Global connectivity commitments reach USD 50.96 billion [Электронный ресурс] // ITU Media Centre. – 27 May 2024. – URL: https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2024-05-27-Partner2Connect-global-connectivity.aspx (дата обращения: 01.12.2025).

315. Internet Users Statistics Portal (Статистика пользователей Интернета). [Электронный ресурс]. – URL: https://inclient.ru/users-internet-stats/ (дата обращения: 20.10.2024).

316. Invest Qatar. Qatar’s Third National Development Strategy: The Road Ahead (Третья национальная стратегия развития Катара: дальнейшие ориентиры). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.invest.qa/en/media-and-events/news-and-articles/qatars-third-national-development-strategy-the-road-ahead (дата обращения: 12.10.2024).

317. Invest Saudi. Information Technology (Сектор информационных технологий). [Электронный ресурс]. – URL: https://investsaudi.sa/en/sectors-opportunities/information-technology/ (дата обращения: 10.10.2024).

318. KAFA Kuwait. CBK Booklet for Students 2023 (Буклет Центрального банка Кувейта для студентов, 2023). [Электронный ресурс]. – URL: https://kafaakw.org/wp-content/uploads/2024/11/CBK-Booklet-Student-2023Final-4_compressed.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

319. Kaspersky and Kalaam Telecom Partner to Strengthen Cybersecurity in Saudi Arabia and Bahrain (Партнерство Kaspersky и Kalaam Telecom по кибербезопасности в Саудовской Аравии и Бахрейне) // Tech Africa News. – 15.10.2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://techafricanews.com/2025/10/15/kaspersky-and-kalaam-telecom-partner-to-strengthen-cybersecurity-in-saudi-arabia-and-bahrain/ (дата обращения: 11.01.2026).

320. Kaspersky. Kaspersky Inaugurates Its First Transparency Center in the Middle East Region (Kaspersky открывает первый Центр прозрачности на Ближнем Востоке). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kaspersky.com/about/press-releases/kaspersky-inaugurates-its-first-transparency-center-in-the-middle-east-region (дата обращения: 11.01.2026).

321. Kaspersky. Kaspersky Launches Managed Detection and Response Service in Saudi Arabia Through SCCC & Alibaba Cloud (Запуск сервиса MDR в Саудовской Аравии через SCCC и Alibaba Cloud). [Электронный ресурс]. – URL: https://me-en.kaspersky.com/about/press-releases/kaspersky-launches-managed-detection-and-response-service-in-saudi-arabia-through-sccc-alibaba-cloud (дата обращения: 11.01.2026).

322. Kaspersky. Kaspersky Receives Regional Headquarters License (RHQ) in Saudi Arabia (Kaspersky получила лицензию региональной штаб-квартиры в Саудовской Аравии). [Электронный ресурс]. – URL: https://me-en.kaspersky.com/about/press-releases/kaspersky-receives-regional-headquarters-license-rhq-in-saudi-arabia (дата обращения: 11.01.2026).

323. KUNA. وزير «الاتصالات»: دعم الاقتصاد الرقمي بما ينسجم مع الرؤية التنموية («Министр связи: поддержка цифровой экономики в соответствии с развивающимся видением») // Kuwait News Agency. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kuna.net.kw/ArticleDetails.aspx?id=3233642&Language=ar (дата обращения: 08.06.2025).

324. Kuwait Times. New Digital Trade Law Will Boost Consumer Protection (Новый закон о цифровой торговле усилит защиту потребителей). [Электронный ресурс]. – URL: https://kuwaittimes.com/article/21945/kuwait/other-news/new-digital-trade-law-will-boost-consumer-protection/ (дата обращения: 11.02.2025).

325. Kuwait Times. Sahel App Committee Workshop Boosts Digital Integration (Семинар комитета приложения Sahel усиливает цифровую интеграцию). [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.kuwaittimes.com/sahel-app-workshop/ (дата обращения: 08.06.2025).

326. LSE Middle East Centre. Building the New Kuwait: Vision 2035 and the Challenge of Diversification (Формирование «Нового Кувейта»: Видение 2035 и вызовы диверсификации). [Электронный ресурс]. – URL: https://eprints.lse.ac.uk/103198/1/Olver_Ellis_building_the_new_Kuwait_published.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

327. Microsoft Gulf News Center. Information & eGovernment Authority Completes Migration of Government Data to Azure (Управление информации и электронного правительства завершило миграцию государственных данных в Azure). – 15.01.2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://news.microsoft.com/en-xm/2021/01/15/iga-completes-migration-to-azure/ (дата обращения: 08.06.2025).

328. Ministry of Communications and Information Technology (Qatar). Google Cloud opens new cloud region in Doha [Электронный ресурс]. – 22 May 2023. – URL: https://www.mcit.gov.qa/en/news/google-cloud-opens-new-cloud-region-in-doha/ (дата обращения: 01.12.2025).

329. Ministry of Foreign Affairs (Oman). Joint Statement of Oman and Russia on Occasion of His Majesty’s State Visit to Russia (Совместное заявление Омана и России по итогам государственного визита). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.fm.gov.om/joint-statement-of-oman-and-russia-on-occasion-of-his-majestys-state-visit-to-russia/ (дата обращения: 12.01.2026).

330. Mordor Intelligence. Oman Digital Transformation Market (Рынок цифровой трансформации Омана). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/oman-digital-transformation-market (дата обращения: 21.02.2026).

331. Mubadala. Russian Direct Investment Fund and Mubadala Establish Co-Investment Fund (РФПИ и Mubadala создают совместный фонд соинвестирования). [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.mubadala.com/en/news/russian-direct-investment-fund-and-mubadala-establish-co-investment-fund (дата обращения: 10.01.2026).

332. Oliver Wyman. 7 Digital Trends Transforming the GCC (Семь цифровых трендов, трансформирующих страны ССАГПЗ). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oliverwyman.com/our-expertise/insights/2025/mar/7-digital-trends-transforming-the-gcc.html (дата обращения: 22.04.2025).

333. Oman – ICT Service Exports (% of Service Exports, BOP) (Экспорт услуг ИКТ Омана, % от экспорта услуг) // Trading Economics (по данным Всемирного банка). [Электронный ресурс]. – URL: https://tradingeconomics.com/oman/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (дата обращения: 09.02.2025).

334. Over 13,500 Russian Companies Registered in UAE (Более 13 500 российских компаний зарегистрировано в ОАЭ) // TASS. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.com/economy/2056533 (дата обращения: 09.01.2026).

335. Oxford Business Group. Bahrain’s Development Plans Facilitate Economic Diversification (Планы развития Бахрейна способствуют экономической диверсификации). [Электронный ресурс]. – URL: https://oxfordbusinessgroup.com/reports/bahrain/2023-report/economy/sustainable-growth-medium-and-long-term-development-plans-implemented-to-guide-efforts-to-facilitate-economic-diversification-overview/ (дата обращения: 08.06.2025).

336. Port of Duqm. Logistics Solutions in Oman (Логистические решения в Омане). [Электронный ресурс]. – URL: https://portofduqm.om/logistics-solutions-in-oman/ (дата обращения: 12.01.2026).

337. Public Investment Fund (PIF) — Public Investment Fund (Суверенный фонд Саудовской Аравии). [Электронный ресурс]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Public_Investment_Fund (дата обращения: 10.10.2024).

338. PwC Middle East. Digital Qatar 2023 (Цифровой Катар – 2023). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pwc.com/m1/en/publications/digital-qatar-2023.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

339. Qatar – ICT Service Exports (% of Service Exports, BOP) (Экспорт услуг ИКТ Катара, % от экспорта услуг) // Trading Economics (по данным Всемирного банка). [Электронный ресурс]. – URL: https://tradingeconomics.com/qatar/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (дата обращения: 01.02.2025).

340. Qatar Tribune. Qatar Launches Third National Development Strategy for 2024–2030 (Катар запускает Третью национальную стратегию развития на 2024–2030 гг.). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.qatar-tribune.com/article/101807/latest-news/qatar-launches-third-national-development-strategy-for-2024-2030 (дата обращения: 12.10.2024).

341. RDIF Says Completes Joint Investment of $785m in AliExpress Russia Alongside Partners (РФПИ сообщил о завершении совместных инвестиций $785 млн в AliExpress Russia) // Reuters. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.reuters.com/article/business/rdif-says-completes-joint-investment-of-785-in-aliexpress-russia-alongside-par-idUSR4N2H1016/ (дата обращения: 10.01.2026).

342. Re:Russia. Prices and Volumes: Why Russian Exports Seemed Invulnerable to Sanctions and Why They Look Vulnerable Now (Цены и объемы: почему экспорт России казался неуязвимым для санкций и почему теперь выглядит уязвимым). [Электронный ресурс]. – URL: https://re-russia.net/en/analytics/0244/ (дата обращения: 09.01.2026).

343. Russia’s Lukoil Sets Up a New Oil Trading Arm in Dubai, Sources Say (Лукойл создает новую структуру по торговле нефтью в Дубае) // Reuters. – 06.08.2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.reuters.com/business/energy/russias-lukoil-sets-up-new-oil-trading-arm-dubai-sources-say-2025-08-06/ (дата обращения: 10.01.2026).

344. Saudi Arabia — Digital Economy (Саудовская Аравия — цифровая экономика) // International Trade Administration, U.S. Department of Commerce. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.trade.gov/country-commercial-guides/saudi-arabia-digital-economy-0 (дата обращения: 07.04.2025).

345. Saudi Arabia – ICT Goods Exports (% of Total Goods Exports) (Экспорт товаров ИКТ, % от общего объема товарного экспорта) // Trading Economics (по данным Всемирного банка). [Электронный ресурс]. – URL: https://tradingeconomics.com/saudi-arabia/ict-goods-exports-percent-of-total-goods-exports-wb-data.html (дата обращения: 12.01.2025).

346. Saudi Arabia – ICT Service Exports (% of Service Exports) (Экспорт услуг ИКТ Саудовской Аравии, % от экспорта услуг) // Trading Economics (по данным Всемирного банка). [Электронный ресурс]. – URL: https://tradingeconomics.com/saudi-arabia/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (дата обращения: 04.03.2025).

347. Saudi Arabia – ICT Service Exports (% of Service Exports, BOP) (Экспорт услуг ИКТ Саудовской Аравии, % от экспорта услуг) // Trading Economics (по данным Всемирного банка). [Электронный ресурс]. – URL: https://tradingeconomics.com/saudi-arabia/ict-service-exports-percent-of-service-exports-bop-wb-data.html (дата обращения: 07.02.2025).

348. Saudi Arabia Aims to Boost Digital Economy Growth (Саудовская Аравия намерена ускорить рост цифровой экономики) // Arab News. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.arabnews.com/node/2595664/amp (дата обращения: 16.01.2026).

349. Saudi Arabia’s Digital Economy: New Era of Tech, Growth, Innovation and Global Impact (Цифровая экономика Саудовской Аравии: новая эпоха технологий, роста, инноваций и глобального влияния) // Ministry of Communications and Information Technology. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mcit.gov.sa/en/news/saudi-arabia%E2%80%99s-digital-economy-new-era-tech-growth-innovation-and-global-impact-empowered-hrh (дата обращения: 04.04.2025).

350. Saudi-Russian Investment Forum Highlights Mutual Benefits and Cooperation (Саудовско-российский инвестиционный форум подчеркивает взаимные выгоды и сотрудничество) // Arab News. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.arabnews.com/node/2624609/business-economy (дата обращения: 14.01.2026).

351. The Robin Report. Explosive Cross-Border Middle East E-Commerce Growth (Взрывной рост трансграничной электронной торговли на Ближнем Востоке). [Электронный ресурс]. – URL: https://therobinreport.com/explosive-cross-border-middle-east-ecommerce-growth/ (дата обращения: 09.03.2025).

352. ThinkBRG (Berkeley Research Group). Digital Economy, Platform Markets & Big Data (Цифровая экономика, платформенные рынки и большие данные). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.thinkbrg.com/insights/publications/digital-economy-platform-markets-big-data/ (дата обращения: 14.03.2025).

353. Thomson Reuters. UAE Digital Economy Strategy Fuels Tech Transformation (Стратегия цифровой экономики ОАЭ стимулирует технологическую трансформацию). [Электронный ресурс]. – URL: https://insight.thomsonreuters.com/mena/legal/posts/uae-digital-economy-strategy-fuels-tech-transformation (дата обращения: 20.01.2025).

354. TradingEconomics. Kuwait – ICT service exports (% of service exports, BoP) [Электронный ресурс]. – World Bank WDI Indicator, 2023. – URL: https://tradingeconomics.com/kuwait/ict-service-exports-percent-of-service-exports-wb-data.html (дата обращения: 21.04.2025).

355. U.S. Department of Commerce. Qatar – Digital Economy (Катар — цифровая экономика). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.trade.gov/country-commercial-guides/qatar-digital-economy (дата обращения: 30.01.2025).

356. U.S. Department of Commerce. United Arab Emirates – eCommerce (ОАЭ — электронная коммерция). [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.trade.gov/country-commercial-guides/united-arab-emirates-ecommerce (дата обращения: 24.01.2025).

357. United Arab Emirates – ICT Goods Imports (% of Total Goods Imports) (Импорт товаров ИКТ, % от общего объема товарного импорта) // Trading Economics (по данным Всемирного банка). [Электронный ресурс]. – URL: https://tradingeconomics.com/united-arab-emirates/ict-goods-imports-percent-total-goods-imports-wb-data.html (дата обращения: 27.02.2025).

358. WAM. Mubadala, Russian Direct Investment Fund Announce Co-Investment Fund (Mubadala и РФПИ объявляют о создании совместного фонда). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wam.ae/en/article/hszr9b38-mubadala-russian-direct-investment-fund-announce (дата обращения: 10.01.2026).

359. WAM. Russia Finds Potential Investment Cooperation Among Russia, UAE, China and Saudi (Россия видит потенциал инвестиционного сотрудничества Россия—ОАЭ—Китай—Саудовская Аравия). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wam.ae/en/article/hszr9afb-russia-finds-potential-investment-cooperation (дата обращения: 11.01.2026).

360. Wilson Center. AI in Bahrain: Integrating AI into Economic Visions, National Security and a Growing Workforce (ИИ в Бахрейне: интеграция в экономическую стратегию и национальную безопасность). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wilsoncenter.org/blog-post/ai-bahrain-integrating-ai-economic-visions-national-security-and-growing-workforce (дата обращения: 08.06.2025).

361. World Economic Forum. Modernizing Financial Markets with Wholesale Central Bank Digital Currency [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Modernizing_Financial_Markets_with_Wholesale_Central_Bank_Digital_Currency_2024.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

362. World Intellectual Property Organization (WIPO). E-GII Innovation Ecosystems & Data Explorer (Экосистемы инноваций и аналитика данных в рамках Глобального инновационного индекса). – 2023. [Электронный ресурс].

– URL: https://www.wipo.int/gii-ranking/en/switzerland/section/economy-profile (дата обращения: 01.10.2024).

363. Ахмад М. (Mudathir Ahmed). حين في الرقمي التحول في الخليج دول نجحت لماذا أخرى؟ فشلت (Почему странам Залива удалось цифровое преобразование, а другим – нет?) // MIT Technology Review Arabia. – 15.10.2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://mittrarabia.com/الرقمي-التحول-على-الخليج-دول-أسرار/ (дата обращения: 08.06.2025).

364. Ахмад М. أخرى؟ فشلت حين في الرقمي التحول في الخليج دول نجحت لماذا (Почему страны Персидского залива добились успеха в цифровой трансформации, тогда как другие — нет?) // MIT Technology Review Arabia. [Электронный ресурс]. – URL: https://mittrarabia.com/%D8%A3%D8%B3%D8%B1%D8%A7%D8%B1-%D8%AF%D9%88%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%AC-%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%AD%D9%88%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%B1%D9%82%D9%85%D9%8A/ (дата обращения: 20.03.2025).

365. В ОАЭ обнародовали прогнозы развития цифровой экономики // Business Emirates. [Электронный ресурс]. – URL: https://businessemirates.ae/news/uae-property-news/v-oae-obnarodovali-prognozy-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki/ (дата обращения: 21.02.2026).

366. Григоренко: Россия и ОАЭ обменялись опытом в сфере внедрения ИИ // Российская газета. – 05.12.2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2025/12/05/grigorenko-rossiia-i-oae-obmenialis-opytom-v-sfere-vnedreniia-ii.html (дата обращения: 13.01.2026).

367. Инновации Персидского залива // Stimul.online (Аналитика). [Электронный ресурс]. – URL: https://stimul.online/articles/analytics/innovatsii-persidskogo-zaliva/ (дата обращения: 20.03.2025).

368. Лазовский С.В. Инновации Персидского залива // Stimul.online (Аналитика). – 24.11.2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://stimul.online/articles/analytics/innovatsii-persidskogo-zaliva/ (дата обращения: 20.04.2025).

369. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Катар — двусторонние отношения с Россией. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/qa/1815620/ (дата обращения: 09.01.2026).

370. Российско-эмиратские экономические отношения продолжают укрепляться // ТАСС. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/ekonomika/25868245 (дата обращения: 13.01.2026).

371. Россия и Катар укрепляют экономические связи // ТАСС. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/ekonomika/24448279 (дата обращения: 09.01.2026).

372. Россия и ОАЭ готовы через год построить систему быстрых платежей // Lenta.ru (Аналитика). [Электронный ресурс]. – URL: https://l-b.ru/analitica/rossiya_i_oae_gotovy_cherez_god_postroit_sistemu_bystrykh_platezhey/ (дата обращения: 13.01.2026).

373. Россия и Оман договорились о расширении сотрудничества // Интерфакс. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.interfax.ru/world/1022096 (дата обращения: 12.01.2026).

374. Россия и Оман укрепляют стратегическое сотрудничество // ТАСС. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23727873 (дата обращения: 12.01.2026).

375. Россия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива: новые горизонты торговли и инвестиций. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-i-sovet-sotrudnichestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-novye-gorizonty-torgovli-i-investiczij/ (дата обращения: 09.01.2026).

376. Россия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива: новые горизонты торговли и инвестиций. [Электронный ресурс]. –

URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-i-sovet-sotrudnichestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-novye-gorizonty-torgovli-i-investiczij/ (дата обращения: 09.01.2026).

377. Россия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива: новые горизонты торговли и инвестиций. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-i-sovet-sotrudnichestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-novye-gorizonty-torgovli-i-investiczij/ (дата обращения: 11.01.2026).

378. Россия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива: новые горизонты торговли и инвестиций. [Электронный ресурс]. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-i-sovet-sotrudnichestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-novye-gorizonty-torgovli-i-investiczij/ (дата обращения: 12.01.2026).

379. Россия и страны Персидского залива — развитие экономического сотрудничества и инвестиционных связей // Интерфакс. [Электронный ресурс]. – URL: https://interfax.com/newsroom/top-stories/112459/ (дата обращения: 09.01.2026).

380. Россия и страны Персидского залива обсуждают экономическое сотрудничество // TASS. [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.com/economy/2044625 (дата обращения: 09.01.2026).

381. Россия улучшает позиции в мировом рейтинге цифрового развития // Computerra. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.computerra.ru/318640/rossiya-uluchshaet-pozitsii-v-mirovom-rejtinge-tsifrovogo-razvitiya/ (дата обращения: 16.01.2026).

382. Статистика пользователей Интернета // Inclient.ru. [Электронный ресурс]. – URL: https://inclient.ru/users-internet-stats/ (дата обращения: 21.02.2026).

383. Что такое цифровая экосистема: понимание наиболее выгодной бизнес-модели. [Электронный ресурс]. – URL:

https://morethandigital.info/ru/chto-takoye-tzifrovaya-ekosistyema-ponimaniye-naibolyeye-viguodnoy-biznyes-modyeli/ (дата обращения: 14.03.2025).

384. جديدة رقمية مبادرات تطلق البحرين (Бахрейн запускает новые цифровые инициативы) // Al Bilad Press. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.albiladpress.com/news/2025/6010/bahrain/909035.html (дата обращения: 13.02.2025).

385. التعاون زلتعزيز مبادرات عن تعلن العربية الخليج لدول التعاون لمجلس العامة السكرتارية والتنمية الاقتصادي (Генеральный секретариат ССАГПЗ объявляет инициативы по укреплению экономического сотрудничества и развития) // GCC Secretariat General. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gcc-sg.org/ar/MediaCenter/News/Pages/news2024-9-9-1.aspx (дата обращения: 14.01.2026).

386. رؤية محرك ..الرقمية البنية .البحرينية الأيام صحيفة 2030 (Цифровая инфраструктура — двигатель «Видение 2030») // Al Ayam. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.alayam.com/Article/alayam-article/423872/البنية-الرقمية..-محرك-رؤية-2030.html (дата обращения: 08.06.2025).

387. الرقمي التحول نحو سريعاً تقدماً تحقق الخليج دول :الدولي النقد صندوق (МВФ: Страны Персидского залива добиваются быстрого прогресса в цифровой трансформации) // Asharq Al-Awsat. [Электронный ресурс]. – URL: https://aawsat.com/الاقتصاد/5131628-صندوق-النقد-الدولي-دول-الخليج-تحقق-تقدماً-سريعاً-نحو-التحول-الرقمي (дата обращения: 04.04.2025).

Список сокращений и условных обозначений

ССАГПЗ (араб. مجلس التعاون لدول الخليج العربية) – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива

МЭА (араб. الوكالة الدولية للطاقة) – Международное энергетическое агентство

ОАЭ (араб. الإمارات العربية المتحدة) – Объединённые Арабские Эмираты

МВФ (араб. صندوق النقد الدولي) – Международный валютный фонд

ВТО (араб. منظمة التجارة العالمية) – Всемирная торговая организация

UAE (араб. الإمارات العربية المتحيدة) – United Arab Emirates (Объединённые Арабские Эмираты)

MISA (араб. وزارة الاستثمار) – Ministry of Investment in Saudi Arabia (Министерство инвестиций Саудовской Аравии)

PIF (араб. صندوق الاستثمارات العامة) – Public Investment Fund (Государственный инвестиционный фонд Саудовской Аравии)

SIDF (араб. صندوق التنمية الصناعية السعودي) – Saudi Industrial Development Fund (Фонд промышленного развития Саудовской Аравии)

SAMA (араб. البنك المركزي السعودي) – Saudi Central Bank (ранее Saudi Arabian Monetary Authority) (Центральный банк Саудовской Аравии)

SDAIA (араб. الهيئة السعودية للبيانات والذكاء الاصطناعي) – Saudi Data and Artificial Intelligence Authority (Государственное агентство данных и искусственного интеллекта Саудовской Аравии)

SPA (араб. وكالة الأنباء السعودية) – Saudi Press Agency (Саудовское агентство новостей)

NCSC / NCA (араб. المركز الوطني للأمن السيبراني / الهيئة الوطنية للأمن السيبراني) – National Cybersecurity Center / National Cybersecurity Authority (Национальный центр и орган по кибербезопасности Саудовской Аравии)

MTCIT (араб. وزارة النقل والاتصالات وتقنية المعلومات) – Ministry of Transport, Communications and Information Technology (Oman) (Министерство транспорта, связи и информационных технологий Омана)

EGDI (араб. مؤشر تنمية الحكومة الإلكترونية) – E-Government Development Index (Индекс развития электронного правительства)

OSI (араб. مؤشر الخدمات الإلكترونية) – Online Service Index (Индекс онлайн-услуг)

TII (араб. مؤشر البنية التحتية للاتصالات) – Telecommunications Infrastructure Index (Индекс телекоммуникационной инфраструктуры)

HCI (араб. مؤشر رأس المال البشري) – Human Capital Index (Индекс человеческого капитала)

GII (араб. المؤشر العالمي للابتكار) – Global Innovation Index (Глобальный индекс инноваций)

UAE Pass (араб. هوية الإمارات الرقمية) – United Arab Emirates Pass (Национальная платформа электронной идентификации в ОАЭ)

Absher (араб. أبشر) – Электронный портал государственных услуг в Саудовской Аравии

AI Lab (араб. مختبر الذكاء الاصطناعي) – Artificial Intelligence Laboratory (Лаборатория искусственного интеллекта)

MBZUAI (араб. جامعة محمد بن زايد للذكاء الاصطناعي) – Mohamed bin Zayed University of Artificial Intelligence (Университет искусственного интеллекта в ОАЭ)

ITU (араб. الاتحاد الدولي للاتصالات) – International Telecommunication Union (Международный союз электросвязи)

WIPO (араб. المنظمة العالمية للملكية الفكرية) – World Intellectual Property Organization (Всемирная организация интеллектуальной собственности)

NDS (араб. الاستراتيجية الوطنية للتنمية) – National Development Strategy (Национальная стратегия развития Катара)

QNV (араб. رؤية قطر الوطنية) – Qatar National Vision (Национальное видение Катара 2030)

AWS – Amazon Web Services (встречается в тексте при описании дата-центров в Бахрейне)

ICT – Information and Communication Technologies (Информационно-коммуникационные технологии)

R&D – Research and Development (Научные исследования и разработки)

AI – Artificial Intelligence (Искусственный интеллект)

IoT – Internet of Things (Интернет вещей)

GCC (араб. مجلس التعاون لدول الخليج العربية) – Gulf Cooperation Council (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива)

МЭА (араб. الوكالة الدولية للطاقة) – Международное энергетическое агентство

ООН (араб. منظمة الأمم المتحدة) – Организация Объединённых Наций

ОПЕК (араб. منظمة الدول المصدرة للنفط) – Организация стран-экспортеров нефти

ШОС (араб. منظمة شنغهاي للتعاون) – Шанхайская организация сотрудничества

АСЕАН (араб. رابطة دول جنوب شرق آسيا) – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии

БРИКС (англ. BRICS) – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР

ЕАЭС – Евразийский экономический союз

ИКТ – Информационно-коммуникационные технологии

ИИ – Искусственный интеллект

ГЧП – Государственно-частное партнёрство

ИТ – Информационные технологии

НИОКР – Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

СПГ – Сжиженный природный газ

ВВП – Валовой внутренний продукт

ПИИ – Прямые иностранные инвестиции

МРТ – Международное разделение труда

СМИ – Средства массовой информации

СЭЗ – Свободная экономическая зона

МСП – Малое и среднее предпринимательство

РФПИ – Российский фонд прямых инвестиций

МИД – Министерство иностранных дел

РФ – Российская Федерация